

Пролог на месте эпилога

Почему я анархист? Наиболее существенны три причины. Я желаю быть собой, а не придатком к своему рабочему месту или к окружающему меня социуму. Я убеждён, что если самостоятельно не начну решать свои собственные проблемы, то они никогда не будут решены. И я ценю реальную жизнь, а не модели, пытающиеся её имитировать.

Выбрав такой путь, я неизбежно признаю, что движение важнее цели, потому что по достижении любой цели открываются новые цели и потому что лишь изменяющееся живёт. Это было известно философам с давних времён. А социологи разделяют ценности на терминальные и инструментальные. В первую категорию попадают те, которые ценны сами по себе, безотносительно к планам. Во вторую же категорию попадают те, которые ценны в силу того, что позволяют достичь чего-то (иными словами, это действия/методики, против которых нет возражений и которые дают возможность получать иные ценности). Например, для гурмана чувствовать вкус изысканной пищи и ощущать все связанные с этим приятные физиологические процессы – это терминальная ценность, а ходить в рестораны, заказывать блюда и орудовать вилок и ножиком – это инструментальная ценность. Так вот, про превосходство движения над целью многие российские анархисты знают. Кто из личного опыта, кто из книг (да хоть того же Рябова), кто из песен («финиш всегда будет за краем» - Lumen), а кто из фильмов (например, «Мирный воин»). Однако вот разделением ценностей на терминальные и инструментальные не только не пользуются, но и совершают сильный крен в сторону инструментальных, оставляя место терминальным лишь в мечтах и лозунгах. Как иллюстрацию этого, приведу выдержки из своей беседы с активисткой АД. На вопрос, чего АД добилось за всё время своего существования, она ответила, что АД стало самой крупной анархистской организацией на территории России. А на вопрос, что сейчас может АД, она ответила, что АД может собрать на Первомайское шествие большую колонну под чёрно-красными флагами. Названы ценности, которые легко назвать инструментальными, но сложно признать терминальными. Кому-то, с первого взгляда, могло показаться, что из того, что движение важнее цели, вытекает, что инструментальные ценности должны быть важнее терминальных. Это ошибка. Ошибка, которую часто совершают люди, провозглашающие, что конечная цель приоритетнее процесса её достижения. Всё тот же пример с гурманом показывает, что бывают терминальные цели, не мыслимые без динамики. Учтём, что осознанное целеполагание приводит к разнообразию вариантов: кто-то ходит на турник, чтобы научиться подтягиваться 30 раз, а кто-то, потому что ему это нравится. При одной и той же инструментальной ценности их терминальные ценности различаются: для одного это стремление с гордостью говорить другим, что он подтягивается 30 раз, а для другого это сама тренировка и то, что он испытывает на ней, управляя своим телом и преодолевая трудности.

О социальной составляющей анархизма немало было сказано в этой книге. Если же говорить о мировоззренческой составляющей анархизма, то в данной области главная задача – научиться выбирать для себя терминальные ценности так, чтобы они одновременно и не были бы намертво привязаны к целям, достижение которых якобы сделает мир идеальным местом («социальная революция» и т.д.), и не вели бы к принятию власти над собой косных обстоятельств или других людей. Проблема сформулирована, а её решение для каждого человека в каждый момент времени своё.

НОВОЕ НЕПОДЧИНЕНИЕ

(издание 3-е, «окончательное»)

СОДЕРЖАНИЕ:

От автора----- 2

Национализм под рентгеном ----- 3

Если будущее есть, то оно не в пролах...-----12

Еще раз о том, почему а-движ заглатывает -----20

- «Смерть Кащей на конце иглы». - А смерть Системы-то где?!-----25

Антиорганизационщина forever! -----32

Институционализация-----38

«Там русский дух, там Русью пахнет...» -----43

Credo in unum Libertas-----48

Дикари и стереолитография -----54

Делай, что хочешь, и да будет анархия! -----58

О том, чего нет, или об а-движе -----65

Включение v0.1-----70

Организации не имеют перспектив -----81

Пролог на месте эпилога -----88

От автора

Представленные ниже тексты создавались на протяжении промежутка времени, достаточно длительного для того, чтобы мои взгляды не стояли на месте. Совсем уж вопиющие несоответствия я старался сгладить, когда осуществлял редактирование всего сборника целиком. Однако это не отменяет того, что получившаяся компиляция, даже несмотря на единую концепцию, неоднородна. Зато что уж точно общее у всех этих материалов – так это то, что в них акцент ставится не на навязывании мнений, а на передаче мыслей. С мнением можно согласиться, что означает одну из двух возможностей: либо с ним и изначально были (почти) согласны, либо же до этого не имели своего мнения на этот счёт. А можно не согласиться. В любом случае, ничего действительно стоящего тому, кто столкнулся с мнением, оно не даёт. Иное дело – мысли, рассуждения, логические конструкции. Даже если они неверны, то самостоятельное понимание того, где в них ошибка, уже развивает сознание читателя, служит ему «сырьём», «пищей». И ведь это не весь спектр возможностей. Отделяя «тело» мысли от её формулировки, а доказательство тезиса от самого тезиса, можно многое для себя получить. Так, в частности, в данном сборнике несколько статей посвящено критике анархо-организаций, но, тем не менее, я не исключаю, что сторонникам организационного подхода они тоже будут интересны и полезны. Почему? – да потому что с ними можно не только соглашаться или не соглашаться, но и анализировать их, использовать как средства для расширения горизонтов, находить сильные и слабые стороны рассуждений, придумывать способы улучшения того, что критикуется по делу, и так далее...

Впрочем, могло не убедить. Я неоднократно встречался с возражением, что ни одна малая группа не способна сделать то, что способна сделать многочисленная организация. Такие возражения отдают психологией патриота, гордящегося тем, что его отечество сильное и могучее. Стремление быть частью чего-то мощного и крупного не согласуется с анархизмом. Анархисты первым делом смотрят на внутреннее: на собственную свободу и на полноту личного бытия, а уже потом на умозрительные принадлежности. Однако, напоминая, что никакой дилеммы вида «или только твои интересы, или только интересы движения», как это ни странно, нет. При одном и том же количестве анархистов из них можно собрать или одну организацию, или много малых групп. Организация будет «сильнее» любой из групп (да и то, не всегда), но зато совокупность групп окажется влиятельнее организации по причинам, изложенным там, где я объяснял, почему нужно ставить знак «меньше». Что же касается прочности, то никакая дисциплина не сравнится с взаимопониманием и общностью интересов, а достижимы они лишь в небольших коллективах. Но и здесь давайте предположим, что всё спорно. Тем не менее, малые группы на сегодня, всё равно, многократно перспективнее организаций. Почему? Предлагаю посмотреть на то, что имеется сейчас, – организационисты обычно или вспоминают 1917-й/1936-й/1968-й, или воображают революционную ситуацию в будущем, но всегда забывают о настоящем. А текущий расклад таков, что ни одна организация и близко не подошла даже к столь скромной планке как 1000 участников. Все они слабы и властям нет до них особого дела. Так, чисто для острастки на кое-кого спускают «эшников», но вяло и непоследовательно. Теперь же представим, что вдруг появилась организация, которая стала стремительно развиваться и достигла «показателя силы» в 1/10 от силы государства. Это уже всерьёз беспокоит чиновников и они, дабы удержаться на своих местах, примут меры. Вступят провокаторы, которые будут портить облик своими выходками. С ними еще ладно, но ведь также на членов организации объявят охоту. Её могут осуществлять методами открытого террора, как было у латиноамериканских «эскадронов смерти» или у большевиков, после того, как они перестали считать анархистов союзниками, а могут осуществлять легально – арестовывать лидеров или даже всех без разбору членов по сфабрикованным делам (e.g. подбросят наркоту или оружие). Скрыть большую организацию сложно, а уход в подполье обернётся ослаблением, так как станет ощутимо сложнее принимать новых людей. Доводить разгром до конца не станут – лишь опустят до сегодняшнего уровня, на котором никакой опасности для чиновников уже не будет. Это несложно. Но не так обстоит дело, если будет выработан анархический образ жизни. Я понимаю, что фраза «анархия образа жизни» вызывает неотступные ассоциации со слушанием идейно-правильного хардкора и с покупкой одежды «анархичненьких» брендов, но имел в виду другое. Ассоциации с субкультурщиками свидетельствуют лишь об упадке самого анархизма, в то время как образ жизни – это всесторонняя совокупность из производственной и потребительской активностей и мировоззрения. Примером анархического образа жизни будет жизнь в коммуне, находящейся на самообеспечении, или же создание групп из городских жителей, которые выезжают в леса заниматься пермакультурой, а еще сами между собой обучаются ремёслам или боевым навыкам. И если появится очень много закрытых для посторонних автономных групп, то тогда государство попадёт в опасность, справиться с которой навряд ли сумеет, поскольку участники будут незасвечены, а провокаторы/информаторы не много смогут поделаться, ибо никто их не принимает, а любая группа отвечает только за себя и нет коллективной ответственности за других. Каждая группа устроена просто, и поэтому она надёжно защищена от внутренних сбоев. Группы же, взятые все вместе, образуют непредсказуемый хаос, против которого не получится выработать стратегию, так как он будет в состоянии легко менять формы и методы.

Во-первых, на территории СНГ организации сейчас действуют от силы в десяти-двадцати городах с учётом секций, состоящих из менее чем 5 человек, а поэтому картину это изменит только локально (в тех городах), но не глобально. Во-вторых, правило о переходе количества в качество здесь не работает и верна противоречащая ему народная мудрость: «Даже сто раздолбаев, если объединятся, не смогут образовать мощную организацию - это по-прежнему будет только сотня жалких раздолбаев». То есть если человек ничего не может сделать в одиночку или боится начать, то он так ничему и не научится только от того, что рядом с ним будут такие же убогие. Анархизм подразумевает личную свободу, «которая никому не даётся и которую нужно взять». Собственно говоря, такое вот начало с нуля и станет взятием свободы, а в придачу еще и тем, что отсеет позёров от толковых людей. Не придётся ли изобретать велосипед с нуля? Нет, потому что участники анархо-групп могут писать заметки, в которых будут передавать свой опыт ведения экологического сельского хозяйства или решения бытовых проблем. Самостоятельный анализ опыта других не подавляет личную инициативу, как её подавляет участие в больших организациях, где всё давно катится по накатанной колее и где всё уже без тебя решили. Действуя вместе с парой-другой надёжных друзей, люди будут без посторонней помощи решать, чем им заниматься, а вот в организациях в ответ на вопрос: «Почему вы не хотите делать еще что-то кроме митингов?» им пришлось бы выслушать ответ, что так исторически сложилось и что ядро наиболее старых участников склонно именно к такой деятельности. В общем, вместо однотипных листовок, надоевших лозунгов и отсылок к авторитету «вождей» участники инициатив и малых групп будут руководствоваться собственными взглядами, а также книгами, FAQами и советами, выпущенными теми, кто занимается чем-то похожим.

«Стадное чувство... Стадное чувство тех, кто против стада» - есть такая строка у Товарища Аркадия, с интервью которого мы начали. Да, именно на этом и держатся анархистские организации, хотя, казалось бы, анархисты должны быть против унифицирующей массовости. В социальной сети «ВКонтакте» группа «Автономное Действие» насчитывает более 4000 человек, но можно с уверенностью сказать, что не менее 3900 из них – онлайн-варриоры, в самой организации никогда не состоявшие. Правда, у марксистов всё еще смешнее – группа СРС тоже насчитывает около 4000 человек, в то время как в самом СРС с трудом набирается даже 4 человека. Так или иначе, каждый, осознавший себя анархистом, оказывается перед выбором – бороться ли за свои интересы в том виде, в каком их понимаешь, или же поддаться соблазну вступить в организацию и прийти на всё готовое. Волевые люди, ныне если и вступают в организации, то быстро их покидают, потому что видят, что там стоячая вода, которая цветёт и пахнет. Остаются же либо те, кто слишком сильно ослеплён «идеалами анархизма» из пыльных книжек, либо же позёры, которым чужда анархия, но нужно где-то убить выходные или потешить свою сверхсоциализацию очередным (ре)активизмом. «Всё готовое» оказывается фантастическим убийцей новых идей, а поэтому мирятся с ним лишь те, у кого этих новых идей нет. Митинг, пикет, шествие, пикет, граффити, митинг, расклейка агиток, пикет – анархия, конечно же... (тем паче, если учесть, что иногда эту рутину прорывают «паломничества ко святым местам» вроде поездок на «Чёрный Петроград»). Даже среди самих автономов уже появляются те, кто называет движение «фабрикой предательства» (смотрите по ссылке: <http://avtonom.org/blog/nishcheta-ideologii-lozhnye-imena-vyudumannyykh-veshchei>). При мне вступал кандидат, который на вопрос: «А что ты планируешь делать?», отвечал: «Что скажут делать, то и буду делать». И вот такие пацаны, услышавшие от кого-то, что «анархия – это круто», но так и не понявшие, что нужно самому стать анархией, какое-то время ходят по митингам, а потом понимают, что митинги – отстой, после чего решают, что и анархия тогда – тоже отстой. Активистские организации являются, своего рода, «вакциной от освобождения». Они неотделимы от подмены понятий. Поэтому я говорю: «Смерть организациям! Да здравствует анархия!».

Я думаю, многие заметили, что современные российские националисты подменяют теоретические разработки популистскими кричалками, а также почти никогда не дают определенных используемым ими понятиям, а если и определяют их, то как-то запутанно и своеобразно. В то же время, их «идеи» (если эти высеры можно так назвать) пользуются ненулевой популярностью в широких массах. Почему? Частично дело в умелом пускании пыли в глаза, частично дело в ряде объективных факторов. Эти два аспекта будут подробно рассмотрены в статье. Понимание того, как противник ведёт свою агитацию, и на чём держится его успех, всегда нелишне.

Итак, начнём с того, что зачастую кажется естественным: с существования рас. Да, расы существуют. У кого-то кожа белая, у кого-то чёрная. Что дальше? Кто-то блондин, а кто-то брюнет – логика здесь та же самая. Однако различия во внешнем виде стали экстраполировать на уровень развития обществ. Выглядит это, например, так: «Белые круче, потому что все блага цивилизации придумали они, а нигеры до сих пор с палками бегают». Люди, непривыкшие мыслить критически, ведутся на подобную демагогию. А зря. Смотрите: на всех континентах кроме Антарктиды был достигнут уровень развития, позволявший строить впечатляющие сооружения. Примеры – пирамиды в Африке, зиккураты в Азии, моаи в Океании, Теночтитлан и Мачу-Пикчу в Америке. Короче, до достаточно высокоразвитых технологий независимо от других додумывались везде. Европа пошла еще дальше такого уровня развития производительных сил лишь 500 лет назад, если не меньше. Но что это значит? Что европеоидная раса умнее? Арифметика не очень с этим согласуется. Кроманьонцы уже существуют никак не меньше 40 тысяч лет (homo sapiens куда больше), а поэтому, даже если допустить, что белые развиваются быстрее остальных, то только не более чем в (40/39,5) раз, то есть это их преимущество в скорости совершенно незначительное. Особенно при условии, что в ныне наиболее отсталых регионах, таких как тропики, люди никогда не нуждались в том, чтобы придумывать какие-то новые способы выживания, потому что у них и так было изобилие всех необходимых ресурсов. Это европейцам приходилось совершенствовать земледелие и виды оружия, а обитателям благоприятного климата не было никакой нужды что-то менять. Что же касается мест наподобие Сахары, так там и изобрести ничего не получится, потому что из доступных материалов только песок и верблюжья шерсть (а верблюдов-то приручить сумели). Еще одна важная оговорка – это то, что многие вещи, без которых белая раса не пошла бы по тому пути, по которому она пошла, были ей позаимствованы. Так, например, бумагу и порох привезли из Китая, а очень много сельскохозяйственных культур - из Америки. Ну и, конечно же, не надо играть по навязанным извне правилам. Крайне интересный вопрос: а с чего мы взяли, что является верным тот вектор развития, по которому последние 300 лет двигалась европейская цивилизация, а под её влиянием и все остальные? Капитализм был порождён именно на этом пути развития. Да даже и не в нём дело, а в том, что, так или иначе, никто не станет отрицать, что существующий порядок дел ведёт планету к экологическому кризису.

В общем и целом, нелепо делить расы на «продвинутые» и «тормознутые». Процессы, происходящие с ними, гораздо сложнее тупых стереотипов. Стоит также указать на совершенно очевидный факт. Выберем любые две расы. Тогда всегда найдётся пара их представителей, в которой представитель первой сильнее/быстрее/сообразительнее/или еще что-нибудь, чем представитель второй, и всегда найдется пара, для которой будет наоборот. Не менее общеизвестно, что «чистота расы» ничего не даёт, а вот межрасовый секс нередко приводит к рождению весьма способных детей. На самом же деле, апогей идей о расовой исключительности пришёлся на времена фашистской Германии. В России данные взгляды сейчас активно поддерживают либо

полностью неменяемые, либо футбольный скам, онанирующий при виде всего, мало-мальски связанного с Гитлером. Во второй половине 20-го века доминировать в среде реакционеров стали так называемые «новые правые», сместившие акцент в область культуры. Понятие «раса» уступило место понятию «нация». Его уже неоднократно критиковали, и повторяться я не буду. Желаящие могут, скажем, перейти по ссылке: <http://avtonom.org/node/14474>, а потом зажать клавиши Ctrl и f, вбить слово «дедуктивно» и читать вниз, начиная с него (статья написана после событий 11.12.2010, и поэтому начало посвящено выдвижению версий того, кто мог их организовать, - это пропустите).

В рамках же данного материала настала пора ненадолго окунуться в глубины истории, настолько глубокие, что аж конец 1980-х и начало 1990-х. Место действия: разваливающаяся «та страна» и пришедшие ей на смену «эти страны». Популярность националистических идей во всех республиках бывшего кроме одной (сами догадайтесь какой) вызывалась тем, что «столица-то в Москве, а нами оттуда управляют, и всё так плохо: перестройку обещали, а лучше не стало. А давайте-ка мы сами, а мы – это кто? Мы ведь %народ какой-то страны%». В России же логика выглядела так: «Вот, мы работаем, а остальные регионы на наших дотациях сидят, а еще из них понаехало, а еще Сталин – грузин». Надеюсь, что читатели простят мне определённую упрощённость данных пассажей и смогут увидеть их серьёзную суть. А кто не увидит – читайте толстые книжки (или Википедию) про сепаратистский национализм (в случае с 14 государствами) и про деколонизацию (в случае с Россией). Теперь же шутки в сторону. Два нюанса. Первый - человек так устроен, что ему для психологического баланса нужно считать, что то, что он делает, правильно и что он хорош или крут. Второй - в СССР усиленно вдалбливалось чувство причастности ко всей стране: коллективизм, высмеивание «единоличников», монополизированные СМИ, откуда ежедневно рассказывали про то, что надо гордиться, что вы живёте в лучшей стране мира и что скоро мы покажем Америке «кузькину мать». Учтём эти два нюанса и посмотрим, а что имелось после 1991-го года. За короткий промежуток времени, прошедший с распада Союза, было сложно изменить образ мышления, а поэтому большинство продолжало искать то, что делало бы в их глазах Россию самой великой державой. Но военно-промышленный комплекс, которым припугивали «буржуазный Запад», развалился. Экономика развалилась. Наука развалилась. От провозглашённой демократии пришло одно разочарование. Что осталось? Только культура. А с ней всё не так просто. Напоминаю, что даже во времена перестройки оттепель была шаткая и загреметь в кутузку по политической статье было можно. Всё, что противоречило курсу партии, цензурировалось. Культурное наследие дореволюционной России, будучи «продуктом царизма», хотя и более-менее оберегалось (что лишний раз закрепили на 27-м съезде КПСС), но, с другой стороны, излишнее увлечение им не поощрялось. С религией, естественно, обходились еще жёстче. Всё неугодное номенклатуре старались вычеркнуть из умов людей. Про информацию, находящуюся в свободном доступе, шутили: в газете «Правда» нет правды, а в газете «Известия» нет известий. Соберись с мыслями, о читатель, и весь поток слов, изложенных мной, сложи воедино. А теперь представь, что наступила свобода слова и вслед за ней грянул информационный бум. Среднестатистический человек, будучи неприученным ни к постоянному аналитическому мышлению («если каждый самостоятельно думать научится – это ж тогда анархия будет»), ни к отсеvu полезного от бесполезного, вдруг узнает, что при царе не всё было сплошным отстоем, как его всю жизнь учили, а нашлось два-три положительных момента. От этого обывателя, не привыкшего к подобным открытиям, могло бросить в крайность идеализации самодержавия. Плюс народ узнаёт про дореволюционную культуру, плюс получает возможность ходить в храмы, плюс видит крах как бы коммунизма, а «коммунизм», «интернационализм» и «Маркс и Энгельс» - это для многих почти синонимы. Эй, ты еще не забыл, про то, что СССР воспитывал патриотизм и желание считать свою страну самой-самой? Так вот, очень многих людей

выложить в «конташечку» крутые фотки и залить на свой сайт статью с описанием героического акта социальной борьбы. И уж тем более круто было на Болотной площади, потому что это все СМИ освещали и неважно, что анархисты полностью затерялись в толпах коричневых и оранжевых. Как я писал выше, история показала, что даже при благоприятных для себя условиях синдикализм обречён. А активистские организации типа АД тоже ничего не смогут достичь, потому что не митинговать надо и не озвучивать свои просьбы правительству, а брать и самим решать те проблемы, которым посвящаются митинги. Слова не нужны, нужны дела.

Дела же бывают деструктивными и конструктивными. Можно уничтожать институты, подавляющие наши личности и портящие наши жизни, а можно устранять зависимости от этих институтов, создавая анархические альтернативы. Только создание максимально автономных альтернатив и только радикальная борьба, наносящая настоящий ущерб государству и капитализму (мб, нематериальный), могут рассматриваться как действия, достойные истинных анархистов. Попытки же провести косметический ремонт в рамках существующей системы эксплуатации (как у синдикалистов и марксистов) или лозунги на ветер (как у АД и прочих активистских организаций) никакого отношения к анархизму не имеют. И что мы видим? Для вооружённого сопротивления организации недопустимы. Это приводит к лёгкости засыла агентов и провокаторов – если неочевидно, то читайте, скажем, мемуары эсэра-террориста Бориса Савинкова (ссылка: <http://www.bookmate.com/books/UwyN39md>). И еще не забываем зарисовку с коллективной безопасностью, приведённую ближе к началу текущей статьи. В этом плане предпочтительнее действовать маленькими закрытыми группами, в которых все всех знают. Поэтому для радикальной борьбы верно: $50 < 5+5+5+5+5+5+5+5+5+5$, а еще лучше справа сделать сумму слагаемых, равных 2 или 3. Знак «меньше» нужно ставить и при создании инициатив, призванных заменить элементы существующей Системы. Причина этого и в безопасности тоже, но прежде всего в лени и демотивации. Как-никак, на пути получения экономической самодостаточности придётся и полы подметать, и овощи высаживать, и дрова на морозе таскать, и еще много чего «некрутого» делать. Энтузиазм заниматься всем этим у одних иссякнет после пары раз, а у других не иссякнет никогда. Вот и будет наиболее оптимальным стихийно разбиться на группы, в которых все будут действовать в нормальном для себя темпе, чтобы и не было через силу (это приводит к скорому разочарованию), и не было так, что кто-то возится с теми, чей уровень подготовки явно ниже. Пяти человек хватит и для пермакультурных огородов, и для самообразования, и для сквоттинга/жилищного строительства в отдалённых местах, и для ремонта/производства повседневных вещей. Такие группы автономного существования, безусловно, могут иногда объединяться между собой для решения более сложных проблем (в терминах статьи «Антиорганизационщина forever!» это называется проект/инициатива). Однако подобные объединения будут временными, неформальными и обусловленными достижением понятной цели, что и будет отличать их от объединения в организацию, которое условно-постоянное, формализованное и не всегда понятно чем вызванное. Да и важно, что если две группы и объединились, то, всё равно, они не утрированно равны друг другу, как участники одной организации, но каждая группа самостоятельна в прочих своих сферах, что означает, что в тех прочих областях бездействие второй группы не сможет оказывать психологическое воздействие.

Преимущества замены организаций, с одной стороны, группами автономного существования, а, с другой стороны, небольшими боевыми ячейками налицо. Неясным может быть только один момент – а как же будут приходить новые люди? Ответ: по большому счёту, никак. Возможно, что некоторые группы будут открытыми для желающих присоединиться, но, скорее всего, людям придётся самим создавать интересующие их инициативы с нуля. Ничего плохого в этом нет, а есть только хорошее.

Наибольшими же сторонниками организаций в анархистском движении являются синдикалисты. Это объясняется простым фактом: они предполагают, что должна произойти массовая забастовка почти всех рабочих, после которой предприятия перейдут в руки трудящихся, а эксплуататоры лишатся своей власти. Подготовить такую забастовку может только хорошо отлаженная организация. Не вдаваясь в теоретические дискуссии (лично я считаю, что теория синдикализма нелепа и ни к какой анархии власть рабочих синдикатов никогда не приведёт, как и не решит социальных проблем, взявшихся из-за разделения труда, но только усугубит их), замечу лишь три момента. Первый момент – у синдикализма нет будущего. С наибольшей вероятностью дальнейшая судьба человечества сложится по одному из трёх сценариев: 1) наступят повсеместное внедрение самореплицирующихся технологий (в том числе, стереолитографии) и оцифровка всего, что цифруется, а поэтому вещи и приборы каждый сможет распечатывать у себя дома на 3D-принтере; 2) экологическая катастрофа и/или крах техногенной цивилизации, после чего заводы окажутся заброшенными, а люди вернутся к сельскому образу жизни и ранним способам производства и распределения; 3) микс из 1) и 2), представляющий собой одновременно и экологически-устойчивую антииндустриальную цивилизацию, и общество, владеющее цифровыми технологиями, использование которых будет разумным образом ограничено. В любом из этих трёх случаев нет места промышленным рабочим, под которых заточен синдикализм. Второй момент – у синдикализма нет настоящего. Некогда легендарная CNT ныне подаёт иски в испанские суды, страдает реформизмом и открывает «профсоюзы полицейских», а в IWW частично отказались от прежней прореволюционной идеологии, заменив её более мягким вариантом. На территории БССР с синдикализмом еще хуже. Самая известная их организация – КРАС-МАТ – состоит не более, чем из 10 человек, а известна она прежде всего скандальным поведением и стуками своего лидера (ну и еще сайтом, наводнённым переводами текстов о любых мелких забастовочках по всему миру). Есть еще РКАС, недавно потерявшая свои секции в ряде регионов, где она до этого действовала, в связи с протестом против роста авторитаризма и бюрократизма среди руководителей организации. А еще близки к синдикализму МПСТ, но эти ребята занимаются преимущественно сайтом на домене третьего уровня. Наконец, последний момент – прошлое синдикализма не было таким, каким его многие себе представляют. Знаменитые испанские анархи огульно убивали всех гомосексуалистов, попов и проституток, а еще оставляли о себе дурную славу у местного населения – читайте хотя бы Хемингуэя, которого сложно заподозрить в незнании вопроса или предвзятости. CNT же прогнила отнюдь не только из-за любви Гарсии Оливера к министерским портфелям. А наиболее показательна история «красного двухлетия» в Италии, где в то время действовал также и USI: самоорганизация индустриальных рабочих произойти-то произошла, но ни к чему не привела. Короче, практика полностью показала несостоятельность синдикализма.

После всех этих пассажей, я перейду к главному месту своей статьи. Как вы думаете, верно ли равенство: $50=5+5+5+5+5+5+5+5+5+5$? В математике-то верно, а вот в жизни не всегда. Вернёмся снова к столь нелюбимым нами синдикалистам. Пусть есть завод, где работают 100 человек. Если на нём 50 из них откажутся выполнять свои обязанности, то оставшиеся 50 не смогут трудиться за двоих и производство встанет. Если же откажутся всего 5 человек, то начальство принудит работать других 95 чуть поактивнее, а непокорных лишит зарплаты за период безделья, который быстро кончится, потому что еду-то покупать надо, а еще не стоит забывать о безработице. И 10 таких микрозабастовок не нанесут серьёзного ущерба. Поэтому синдикалисты полагают, что $50>5+5+5+5+5+5+5+5+5+5$. И именно поэтому они так рьяно защищают идею организаций. Точно так же знак «больше» ставят уличные активисты, которые на словах пропагандируют анархию, но воплощать в жизнь свои лозунги особо не пытаются. 10 пикетов по 5 человек пройдут вяло и незаметно. А вот с митинга на 50 человек уже можно

совокупностью всех вышеизложенных причин переориентировало на «Православие или смерть!», «Россия для русских!», «Если мы русские, то кто против нас!?» и так далее. Наконец, огромную нишу в сознании людей занимала идеология, насаждаемая партией. Диссиденты не исключение – они, по большей части, могли только тупо отрицать совок и, не зная ничего кроме, делать всё наоборот. Но с приходом как бы плюрализма официальная идеология пропала, а времена «ЕдРа», «наши»стов и «нанотехнологий модернизации» еще не наступили. Пустая ниша легко заполнялась тем самым национализмом, а то, насколько легко и стремительно это происходило, создавало обманчивую иллюзию, что национальная идея и «русский дух» очень сильны. Не берусь утверждать, что предложенная мной схема является единственно правильной, но факт, что над ней стоит подумать, чтобы лучше разобраться в причинах глобальной популярности националистических взглядов в нынешней России.

Изучив резкий всплеск национализма в одном отдельно взятом регионе в один короткий промежуток времени, мы выявили, что ключевую роль сыграл вызванный распадом СССР экономический упадок, потому что если бы не он, то всё пошло бы по другому сценарию. Сформируйся бы в 1990-е на месте РФ мощное государство с экономикой, отлично интегрированной в мировую капиталистическую систему, так тогда бы вбитая в бывших советских граждан потребность гордиться отечеством была бы направлена не на национальную культуру, а на то, что «суммарный ВВП у нас не ниже, чем на Западе». Это уже другой вопрос, что история не терпит сослагательного наклонения и что невозможно резко «из грязи в князи». И это тоже другой вопрос, что после «золотых нулевых» капитализм утвердился и вытеснил собой перечисленные выше «постсовковые эффекты», принесся заодно разобщённость, атомизацию труда, пассивность и потребительство. И, надо заметить, что по мере роста экономической стабильности национализм идёт на спад. Во время стояний у Белого дома, как известно, лозунг «Бей жидов!» был чуть ли не самым главным, а сейчас такого массового воинствующего антисемитизма не встретить. Случайно ли, что период бурных проявлений национализма соотносится с упадком в области экономики? Может, поищем еще примеры. Года эдак два назад, в связи с кризисом, Греция, входящая в ЕС, запросила у других европейских стран финансовых дотаций, а Германия резко выступила против, и это повлекло за собой газетные перепалки, где греки наезжали на немецкую атрибутику, а немцы – на греческую. Ситуация разыгралась в условиях, когда, по сути, из одной страны можно попасть в другую, не проходя контроля ни на каких границах. Теперь же пример более показательный. Из-за того же самого кризиса во Франции резко обострились конфликты между мигрантами (преимущественно, арабами) и коренным населением. Наверное, до всех успело дойти, что клоню я к тому, что причиной якобы межнациональных конфликтов является, на самом деле, противостояние между угнетёнными и угнетателями, в котором верхи и часть средних слоёв хотят любой ценой удержать низы на их социально-незащищённых позициях. Советую запомнить это.

В поисках подтверждений выдвинутого тезиса, давайте, например, посмотрим на ассоциативный ряд, который возникает при виде слова «мигрант» или «гастарбайтер». «Хач», «чурка», «Джамшут», «недоразвитый и черножопый» - именно к этому подталкивают националисты. О том же, что это – наёмные работники, вынужденные продавать свою рабочую силу, чтобы прокормиться, да еще и не просто продавать, а продавать дешево, без гарантий получения зарплаты и при околонулевых условиях охраны труда – забывается. Есть такой стереотип, что националисты нападают на дворников. По правде же, избивают мигрантов только боны и футбольные ультраправые. Зачастую избивают в формате: выпили пива/водки, увидели таджика, налетели всей толпой, после похмелья подзабыли, кого били и зачем. Нет, есть, конечно, еще агрессивные психопаты, специально отслеживающие лиц неславянской внешности из-за

того, что они помешались на теме их засилья. Но, тем или иным образом, уличные налёты – удел законченных идиотов. Националисты, наделённые хоть какими-то остатками разума, понимают, что бритоголовые «чистокровные арийцы» даже пустые бутылки за собой убрать не смогут. Следовательно, нужны дворники, а меркантильные интересы подсказывают, что когда работник незащищён, его легче эксплуатировать. Поддерживая в массах мнение о том, что «кавказцы/среднеазиаты – дебилы и больше ни на что не способны, кроме непрестижных профессий», националисты способствуют тому, что общество отталкивает всех приезжих с иной внешностью и обрекает их продавать свою рабочую силу за бесценок. Тут я, безусловно, заикнулся на русском национализме. Бывает и антирусский национализм, стремящийся, например, сделать, как в поговорке: «Татарин барин, а русский ямщик». Или там «грузины всем правят, а русские за ними сортиры чистят». А бывают национализмы, никак не привязанные к русским: хоть те же французы, «попавшие под угрозу арабов, которых надо загнать обратно в трущобы», или американцы, чью низкооплачиваемую работу «должны делать мексиканцы и негры».

Выше упоминалось о «новых правых». Они предлагают каждому жить в своей стране, развивать только её, а всех приезжих зажимать, потому что они не такой культуры и ты, в силу этого, обязан считать их неполноценными. Сторонники этого движения могут сказать: «А что плохого в том, что титульная нация доминирует? В конце концов, всем, кто любит своё отечество и служит ему, от этого станет только лучше, а пострадают лишь те, кто решил переметнуться за границу. Да и не могут никакие профанации заставить столько людей быть националистами, а раз такие люди есть, то, значит, они понимают, что если не сопротивляться мигрантам, то те займут их рабочие места и всё захватят». Проанализируем этот софизм детальнее. Если государство успешнее своих соседей, то количество въезжающих в него будет больше, чем количество выезжающих. Оговорюсь – под словом «успешнее» я подразумеваю не столько экономическую мощь, сколько удобство для жизни (насколько, конечно, вообще может быть хорошо, пока государства существуют). Туда, если что, входит и климат, и наличие прав, и так далее. Так вот, пусть некоторая страна в среднем успешнее своих соседей, как, например, Россия. В неё идёт приток мигрантов. В том, что этот приток идёт, нет ничего противоестественного: никто не выбирал, где ему родиться, и те люди, которые без работы жить не научились, а родились там, где теперь нет работы и где местная элита не вкладывается в производство, оказываются вынужденными менять место жительства. Но, казалось бы, почему нет выгоды в том, чтобы эксплуатировать приезжих? Неужто мораль мешает? Мораль не мешает, потому что создатели массовой морали, как уже было выяснено, всегда объяснят, что мигранты ущербны и что притеснять их не только можно, но и нужно. Проблема не в морали. Проблема в том, то ни в одном современном государстве среднестатистический гражданин не управляет своей судьбой, а за него это делают чиновники плюс боссы и начальство по работе. Работодатели же, получив дешёвую рабочую силу, всегда смогут ей припугивать – типа, «всех вас разгоним, а приезжих наберём, и они лучше вас сделают, поэтому работай за ту зарплату, какую плачу, пока не выгнал». Ещё могут, скажем, вводить налоги на борьбу с этнической преступностью. И много чего могут помимо этого. Бессмысленно враждовать с такими же работниками, как и ты, но подчиняться работодателям. А у мирового капитала, как известно, нет национальности. Объединив усилия в борьбе с государством и капиталом, мы получим контроль над своими судьбами и свободу. Начав же вместо этого враждовать с потенциальными товарищами, получим тупо более престижные места, но во всё той же системе эксплуатации. Если быть ортодоксальным, то можно процитировать Маркса: «Народ, порабащивающий другой народ, куёт свои собственные цепи». Если быть поэтичным, то можно сказать, что «Невозможно быть свободным в тюрьме». Если же быть немного непристойным, то можно сказать, что «похер, имеют ли тебя с вазелином или без него – тебя, всё равно, имеют». Наши враги – не гастарбайтеры, которые якобы могут отнять все рабочие места. Наши враги –

первых, безопасность понижается, а, во-вторых, начисто пропадают все стимулы самому качественнее следить за безопасностью – ты-то можешь поставить себе GnuPG, но если твои товарищи делать этого не хотят, то толку от твоего GnuPG не будет вообще никакого. И изменить ситуацию не представляется возможным. Во всяком случае, когда я пытался, то столкнулся с тем, что никто ничего не возражает по существу, но и отказываться от своих привычек не собирается. «Всю жизнь мы по-старому делали. и ничего нам не было. Ну, есть на кое-кого досье у фэйсов, ну, вызывали кое-кого в ЦПЭ, ну, можно бы было этого избежать, наверное; но у нас у всех большой опыт, а ты только пришёл и уже даёшь глобальные советы».

Напоминаю, что только что мы разобрались с немаловажными аспектами количественного роста. Перед тем же, как охарактеризовать сущность организаций и описать их роль в современном российском анархо-движении, на всякий случай, проведём исторический экскурс, дабы было понятным, откуда вообще идея об организациях проникла в анархизм. Историю анархизма будем отсчитывать с европейцев Нового времени, а Диогена Синопского, Лао-Цзы и т.п. оставим в покое, потому что цивилизации, из которых они вышли, лишь кажутся нам понятными, но многое в них мы понимаем ошибочно. При таком подходе самым первым теоретиком анархизма будет Макс Штирнер. Написанный им трактат «Единственный и его собственность» вышел в свет даже раньше чем «Манифест коммунистической партии» и был посвящён непримиримой борьбе личности за свою свободу, понимаемую также как свободу от идеологий и умозрительных конструкций. Ни слова об организациях. Но зато об организациях рассуждали Бакунин и Кропоткин. Следует указать, что они во многом были близки к народникам, а также к тем, кого советские учебники называли «прогрессивно настроенная часть интеллигенции» (Белинский, петрашевцы и т.д.). Те же, в свою очередь, были «наследниками» декабристов. Что декабристы, что петрашевцы – это такие дворяне/интеллигенты, которые страдали от комплекса вины перед «народом». При этом, простой народ они знали не очень. Вплоть до того, что некоторые декабристы, уже сидя в Петропавловской крепости, занялись изучением русского языка, так как до этого говорили преимущественно на французском. Ну а знаменитое «хождение в народ» не смогло привести к установлению тесных контактов между революционерами и крестьянами. К чему это всё? – да к тому, что для декабристов и им подобных, испытывавших тягу к романтике, тайные организации и закрытые собрания отчасти были еще и отличным способом провести время. Если вы думаете, что был такой суровый пацан Миха Бакунин, то прочитайте историческую пьесу Тома Стоппарда «Берег утопии» (ссылка: <http://lib.rus.ec/b/214915>). Ну или хотя бы её начало. Увидите, в какой среде Бакунин рос, каким он был в молодости и какие убеждения в силу этого не мог не разделять. О несовершенстве же его знания народа свидетельствует хотя бы то, что его теории о скорой и стихийной крестьянской революции не оправдались и позже народники, разочаровавшись в них, сместились к взглядам Лаврова и Ткачёва. Я не утверждаю, что Бакунин или Кропоткин были инфантильными романтиками, мечтавшими исключительно о тайных ложах, но факт, что нельзя отрицать воздействия на них подобных идей. Это по одну руку. А по другую руку Европа, где происходили революции за «свободу, равенство и братство», которые вдохновляли, даже не будучи анархистскими или антиэтатистскими. И, разумеется, имелось влияние созданного Марксом Интернационала. Влияние это было столь большим, что распространилось далеко не только на Бакунина и Кропоткина (что, возможно, и является причиной относительной несостоятельности движения, до сих пор ориентирующегося на некоторые догматы «истмата»). Посмотреть на вопрос генезиса анархо-организаций с описанных мной позиций, думаю, полезно для формирования более полных представлений об этом.

одинаковы и почти невозможно такое, чтобы среди 20-30 человек у всех была бы равная тяга изменять жизнь. Кто-то окажется тормозящим других. Это необязательно будут субкультурщики-алкоголики, как в приведённом примере: может быть, ими будут люди, слишком обременённые семьёй и работой. Но, по-любому, нечто такое непременно случится.

Не исключены возражения вида, что если кто-то действительно хотел заниматься чем-то, то будет заниматься этим, и несмотря на бездействие товарищей, а поэтому психологическая демотивация не так уж страшна. Разумеется, не в одной ней дело, если кто-то из активного анархиста превратился в вялого тусовщика, но и в самом человеке тоже. И выше было написано только про отсутствие внешних стимулов, а внутренние, безусловно, могут оказаться сильнее. Однако люди всегда были и будут людьми, из-за чего наивно считать, что найдётся много таких, кто сможет долгое время не только идти против государства, но и, по сути, делать это вопреки своим соратникам и единомышленникам. Сильные личности встречаются, но их мало. Качества личности извне изменить невозможно. Человек таков, каким он захотел себя сделать. Зато можно изменить другой параметр – влияние на человека его ближнего окружения. И вот об этом-то влиянии и шла речь. Предлагаю улучшать то, что улучшаемо, а не говорить, что есть то, что от нас не зависит и что якобы и является единственно важным.

Не об одной активности, кстати, идёт речь. Есть и другие аспекты, в которых подмеченная нами тенденция проявляет себя куда сильнее. Например, давайте поговорим о культуре безопасности. Очевидно, что степень безопасности коллектива измеряется по самому незащищённому месту. Это хорошо видно, например, из такой зарисовки. Допустим, договорились люди провести акцию. Всё между собой обсудили в Jabber-конференции, используя GnuPG-шифрование и не называя своими именами людей, даты и места. А потом один идиот выложил стрелку на акцию в социальных сетях в открытых группах, и накрылись все старания по конспирации медным тазом. Пример утрированный и абстрактный, конечно. Но в реальности всё, если и отличается, то только тем, что вместо закодированных конференций важные вещи обсуждают тупо в емэйл-рассылках, на которые подписаны ящики в том числе с Гугла. Общая ситуация выглядит примерно как «Культура безопасности? Не, не слышал». Точнее, что-то такое по типу конспирации изобразить пытаются, да только вот непонятно, к чему это. Так, скажем, когда я еще ходил на говнопикеты, то собирались на них не на ближайшей станции метро, а за одну остановку до неё (чтобы прийти на пикет незаметно и сразу в полном составе), однако, встречаясь, сбивались в одну толпу, в которой непременно находился кто-нибудь, кто громко говорил, шумел, размахивал руками и так далее. Мне рассказывали, что когда-то давно хотели при встречах не устраивать «кучу малу», а делать так, чтобы каждый отдельно стоял у стенки, не вызывая подозрений. Напоролось это на то, что неизбежно находился неумный человек, здоровавшийся сначала с первым, потом со вторым и так постепенно паливший суть затеи. Для тех, кто не понял, из-за чего базар: в московском метро очень хорошие камеры видеонаблюдения и если прямо там вести себя как анархисты, пришедшие на акцию, то у сотрудников центра «Э» появится много материалов с лицами людей или даже с названиями станций, с которых они ехали на акцию. Так или иначе, у организационистов укоренилась традиция собственные привычки и собственное удобство ставить выше общей безопасности.

И здесь, опять же, я не огульно обобщаю свой личный опыт на все организации, а на примере из реальной жизни иллюстрирую своеобразное правило социологии. Могу вкратце повторить его суть – три человека могут поддерживать одинаковый уровень конспирации, а вот среди 20-30 человек такое уже невозможно. Коэффициент же общей безопасности равен коэффициенту безопасности самого слабого звена, из-за чего, во-

правители и фирмачи, специально создающие безработицу, чтобы ты держался за возможность полубезвозмездно направлять свой труд на создание сверхприбыли для них, и всячески препятствующие внедрению альтернатив наёмному труду, чтобы работа на кого-то воспринималась как нечто само собой разумеющееся.

Но, быть может, идеология «новых правых» приемлема для стран, которые мы условились считать неуспешными? А это, вообще, бред, потому что мигрантов там крайне мало, а значит, коренным жителям их притеснение не даст даже более высокого места в социальной иерархии. Будут иметь без вазелина, но зато предложат радоваться, что имеют не абы как, а в соответствии с великим духом родной страны. Помимо этого, в странах со множеством внутренних проблем шовинистические идеи используют для отвлечения внимания населения от насущных бед. Устраивают показательные казни евреев или кого-нибудь еще, мотивируя это тем, что они во всём виноваты, а без них жили бы лучше. В то же время, репрессированные вполне могут принадлежать к титульному этносу, а настоящей причиной их казни может стать то, что они выступали с критикой правительства.

Нельзя обойти стороной и вопрос так называемой «этнической преступности». Удачным моментом для лидеров националистов является то, что они заставили всех называть это явление именно так. На самом же деле, еще раз посмотрите на слова, которые рекомендовалось запомнить. Сейчас я докажу, что с криминальными группировками та же самая ситуация. Возьмём какой-нибудь распространённый миф на данную тему. Например, такой: «негры продают наркотики, поэтому их всех надо поубивать». Появление подобных суждений не беспочвенно: действительно, были прецеденты того, что некоторые негры продавали наркоту. Однако, подумайте сами, так ли просто создать сеть, способную провозить через границу запрещённые вещества и потом сбывать их по всей стране, оставаясь при этом безнаказанными. Опубликованная и широко известная статистика показывает, что абсолютное большинство всех нелегально ввозимых товаров попадает отнюдь не через бреши на границах, в которые преступники пролазят незаметно для спецслужб – это даже звучит абсурдно. В реальности, всё это идёт через таможенников и пограничников, входящих в криминальные формирования и имеющих с этого свою долю. Ну а где в этой стране вы видели таможенника-негра? В свою очередь, чтобы потом спокойно продавать наркотики, нужно заручиться поддержкой местных ментов, а ментов-негров я тоже пока не видел. Вот и получается, что выходцы из Африки выполняют всю грязную и опасную работу (если становится палевно, правоохранительным органам всегда сдают мелких дилеров), в то время как крышуется их деятельность по большей части русскими.

Еще один былинный пример на ту же тему. Касается он преимущественно крупных мегаполисов, где развит коммерческий извоз. «Хачи-таксисты насилюют пассажиров в своих говножигулях, а поэтому всех чёрных надо кастрировать». Опять же, прецеденты были, да и транспорт приезжих вызывает серьёзные опасения за безопасность дорожного движения. Но еще до того, как в голове возникает вопрос: «А куда смотрят в ГАИ и что было на техосмотре?», вспоминается факт, что такси-бизнес является одной из отраслей, где наибольшее влияние оказывают организованные преступные группировки. О том, что это «невидимая мафия», рассказывайте кому-нибудь другому: рядового бомбилу найти возле вокзала проще, чем там же найти урну для мусора. Спровоцировать появление «силовой крыши» этих бомбил тоже несложно. Казалось бы, а чего тогда спецслужбы бездействуют? Есть мнение, что это связано с тем, что государству выгодно именно такое ведение данного бизнеса. Дело в денежных интересах, а не в том, что кто-то понаехал. Развязное поведение таксистов-мигрантов объясняется не их культурой и не их этнической ненавистью, а чувством безнаказанности, основанном на понимании своего

социального положения, а именно положения пусть и мелкого, но всё же члена успешной преступной организации. Ну и вообще, приведу любопытное замечание. В Великобритании сегодня много таксистов-пакистанцев, но, на самом деле, такой этнический состав объясняется не предрасположенностью некоторых наций к подобному роду деятельности, а тем, что профессия таксиста в силу своих социальных особенностей всегда являлась «мигрантской». Вспомним хотя бы то, что сторонники белогвардейцев, покинувшие Россию после победы большевиков, зачастую зарабатывали как водители такси в европейских городах наподобие Парижа. Ну да, в то время это было более престижно в глазах общества, чем сейчас, но, в таком случае, можете обратиться к данным о том, сколько в наши дни русских таксистов в Нью-Йорке. Россия, конечно же, успешнее других стран СНГ, но, в то же время, менее успешна, чем США, а вот там с русскими, в какой-то степени, происходит то же самое, что и у нас с приезжими из ближнего зарубежья. Факт, что одни и те же национальности могут быть на разных ролях в зависимости от социальных условий, свидетельствует в пользу того, что при распределении ролей дело не в нациях, а в положении людей, с этими нациями обычно ассоциируемых.

Так или иначе, националисты любят пугать людей тем, что таджики и узбеки грабят прохожих на пустырях, а в Норвегии мусульманские мигранты насилюют женщин, а во Франции арабы устраивают погромы. Сразу стоит сказать, что погромы, как раз-таки, неудачный пример, поскольку это не столько криминал, сколько социальный протест против бесправия, ну да ладно – «паства хаает» и в таких тонкостях не разбирается. А для случая с настоящей преступностью надо уяснить схему того, как это происходит. Мигрант приезжает, надеясь заработать, но, не в последнюю очередь из-за национализма, попадает на работу за низкую ставку в отвратительных условиях и без гарантий. Те, кто встаёт на криминальный путь, либо делают это из-за того, что не видят иных перспектив, либо, что чаще, после того, как работодатели кидают их (в России буржуи не только оставляют гастарбайтеров без зарплаты, но еще и подсылают к ним ментов, чтобы те проверили документы, которых нет). Я не утверждаю, что подобную преступную деятельность непременно стоит считать приемлемой и мириться с ней. Но я утверждаю, что причины её появления – вовсе не конфликт межнациональных интересов, а наличие эксплуататорской системы. Абсурдно бороться с симптомом, не затрагивая причину, а то и вовсе - углубляя её. Чтобы поддержать ксенофобские настроения, сильные мира сего могут опять устроить шоу на Манежке или маленькую победоносную войну на Северном Кавказе. И, как правило, вместе с шовинизмом придут патриотизм и любовь к угнетателям.

Словосочетанием «этническая преступность» не заканчиваются понятия, навязанные нам ультраправыми. Они пытаются заставить верить в угрозу «культурной самобытности». Тут уместно понимать, что это полная профанация. Членам националистических субкультур давно нет дела до исторической культуры русского этноса. Они ходят не в лаптях, а в берцах, да еще и с «басурманскими» названиями типа DrMartins. На них не косоворотки, а какие-нибудь футболки с питбулями – короче, вы поняли. Если они где-то и пересекаются с тем, что было во времена Киевской Руси, так только из-за того, что часть из них слушает фолк-метал. Да и то, это пересечение очень условно, поскольку ведущие партии в такой музыке остаются за электрогитарами, а у доброй половины групп источником текстов является Велесова книга, всеми авторитетными учёными воспринимаемая как подделка девятнадцатого или даже двадцатого века. Отсюда вытекает, что когда националисты резко критикуют за «нерусскость» представителей таких пришедших с Запада субкультур как рэперы, мазафакеры или скейтеры, то, тем самым, они демонстрируют свои двойные стандарты. И, казалось бы, должно быть очевидным, что для того, чтобы распространять какую-то

Организации не имеют перспектив

Статья эта достаточно самостоятельная. Тем не менее, я бы посоветовал рассматривать её всего лишь как продолжение двух материалов данного сборника, носящих заглавия «Антиорганизационщина forever!» и «О том, чего нет, или об а-движе». Тема примерно та же и выводы похожие, но вместо общих рассуждений я предпочту лаконично и подробно изучить лишь одну из наиболее важных сторон вопроса, которая до сих пор не была как следует освещена. Мои аргументы будут базироваться на логике и здравом смысле. А если вы подумаете, что это лишь измышления кабинетного теоретика, то сообщаю, что имею представление о том, о чём пишу, так как в своё время взаимодействовал с АД-Москва и видел эту организацию изнутри.

Для начала исследуем вопрос о количественном росте. В принципе, пока можете считать, что речь идёт не обязательно об организациях, а просто о сообществах людей, которым свойственна какая бы то ни было самоидентификация и совместная деятельность. Предлагаю мельком пробежаться по интервью с анархо-бардом Товарищем Аркадием (ссылка: <http://punkway.ru/index.php/diy/1712-2012-01-15-19-36-57>). Обратите внимание на место, где его спрашивают про Нижегородскую хардкор-сцену. Если пересказать коротко, то парень говорит, что когда людей, интересующихся хардкором, было мало и они были вынуждены самостоятельно организовывать концерты, то тогда в их культуре была правильная атмосфера. А потом народа стало больше, и всё застряло, потому что стало возможным появление тех, кто просто ходил потусоваться и чей дурной пример плохо влиял на остальных, заглушая в них порывы что-либо делать для движухи.

Это не частный случай, произошедший в одном отдельно взятом городе. Так неизбежно должно было случиться в силу соответствующего закона социологии. На самом-то деле, законов в социологии нет, а есть только более-менее верные правила, взявшиеся из обобщения эмпирических данных. И ссылаюсь я на то правило, которое в своей стандартной редакции гласит примерно следующее. В малой фирме обязан появиться лидер-управленец, а сама эта фирма на рынке будет либо не очень успешной, либо же начнёт доминировать над себе подобными, а потом, возможно, разрастётся до большой компании, где будет уже не один лидер, а более сложная иерархия.

«Какие фирмы?» – недоумённо спросите вы. Слово «фирма», по идее, заменяемо на слово «коллектив» - куда существеннее другое. А именно то, что данное правило выведено в предпосылке о наличии стремления повелевать и выстраиваться в формальные структуры. В анархо-среде такие стремления гораздо ниже, а поэтому в буквальном виде правило не срабатывает. Сейчас я детально поясню, как оно изменится и что произойдёт. Даже 30 относительно знакомых человек не могут хорошо знать друг друга, а поэтому они условно подразбиваются на группы где-то от 3 до 7 человек, и каждый чаще общается с людьми из своей группы, чем с остальными. Думаю, любой из читающих эти строки хоть раз был на большой вечеринке и замечал, что хоть все и тусят вместе, но можно выделить более узкие круги общения. Так же и в движении. Другое правило, а именно «подобное притягивается подобным», в нашем случае обычно срабатывает: желающие просто попить пиво под музыку идут к желающим попить пиво под музыку, а желающие еще и что-то делать общаются именно между собой. В условиях капитализма фирмы действуют ради получения денег, а фирма, лучше других сшибающая деньги, начинает лидировать в своей нише. В условиях же анархо-движения группы людей действуют ради... анархии, что ли (не менее 4/5 активистов сами плохо понимают, что и зачем они делают). Но те, кто «делает больше анархии», остаются на равных с теми, кто ничего не делает. Это демотивирует и их, и новичков. Внешние стимулы, как минимум, отсутствуют, а иногда к тому же может произойти эффект нелюбви к «стахановцам». Думаю, понятно. Люди не

(особенно в условиях отсутствия централизованных производств). Сейчас разум человека засран капиталистической пропагандой, а индустриальная среда обитания в корне отличается от той, в которой развивалось человечество как биологический вид. Но после падения государств, капитализма и индустриализма и прихода к «оптимуму» разум освободится, а естественные потребности возобладают над ложными и актуальными лишь в уничтоженной техногенной среде. То, что включённым казалось полезным и нужным (космическая экспансия, создание полноформатных виртуальных реальностей, контроль над сознанием), исключившим себя из Системы покажется либо пустыми фантазиями, либо даже таящим в себе опасность. Что, конечно же, не отменяет того, что столь любимая всеми медицина будет существовать (и иногда даже улучшаться) и технологии тоже. Однако это будут уже другие – децентрализованные и заточенные под человека, а не под прибыль и массовость – медицина и технологии.

Про устойчивость способов производства и распределения напишу коротко, потому что, и так, уже немало настроил. Ни что не вечно, но гигантский запас прочности анархо-«оптимума» налицо, хоть он и не станет совершеннейшим Эдемским садом для каждого. Единственное, про что стоит отдельно сказать, так это про то, что я бы предпочёл не называться коммунистом, но называться коммунаром, потому что мне несколько не импонирует идея устроить товарное производство справедливым образом. Мне импонирует идея упразднить его и перейти к самодостаточным локальным сообществам. Сторонников соответствующих схем я и понимаю под словом «коммунары», под которым, вообще-то, ныне каждый понимает всё, что ему вздумается, включая, извините за выражение, «русскую Джамахирию». О том, как реализовать эти схемы, - ждите других статей или, лучше, не ждите, а размышляйте сами и опробывайте различные варианты на практике.

(суб)культуру – неважно, этническую или же никак не привязанную к этносам – надо не притеснять остальные культуры, а вносить в свою конструктивные улучшения. Ультраправые, требующие запретить въезд китайцев на основании того, что те сложно поддаются ассимиляции, а это якобы угрожает русской самобытности, ратуют за бессмысленную херню. В период агрессивной капиталистической унификации от того, что они пытаются защищать, уже почти ничего не осталось. Например, народная музыка лично для меня ассоциируется с разодетыми в красные платица нарумяненными девочками, которых в кружке подросткового творчества научили под унылое «тыц-тыц-тыц» водить хороводы и петь слабо стилизованным поп-вокалом. Фолк-коллективы, интересующиеся не только аутентичностью инструментов, но и подлинной передачей духа былых времён, мне неизвестны. И, в завершение данного абзаца, укажу на одну общую истину: каждый может иметь право на свободную самоидентификацию себя с культурами, субкультурами и контркультурами.

А завершение статьи тоже близко. Осталось осветить последнюю тему – аполитичный бытовой национализм. Его приверженцы не любят футбольных фанатов, потому что от них слишком шумно, и не любят неонацистов, потому что в зомбоящике сказали, что они плохие. Но и мигрантов они не любят, причём вызывают эту нелюбовь стереотипы, прямого отношения к политическим вопросам не имеющие. Какие именно? Например, то, что «чёрные» обсчитывают на рынках. С этим всё понятно – общеизвестно, что торгаши могут развести, и, когда обводит кто-то внешне непримечательный, то расстраиваются несильно, а вот когда то же самое делает кто-то другой национальности, то с него одного такое мнение неоправданно экстраполируется на всех. Далее, среди школьников средних классов употреблять слова «хач» или «нигер» считается показателем крутизны. По крайней мере, считалось сколько-то лет назад, когда я таковым был. Порывшись в воспоминаниях, прихожу к выводу, что до 14 лет, то есть до возраста, в котором я перестал следовать чужим концепциям и начал думать собственной головой, я был националистом в том плане, что когда при мне кто-то ругал нерусских, то я активно загорался «праведным гневом». Не могу точно сказать из-за чего именно. Какой-то вклад внёс некий старшеклассник Саня, понтовавшийся перед мелкими на тему того, как он не любит черномазых. Какой-то вклад внесли анекдоты «про хачей». Какой-то вклад внесла система образования. Например, в той же пьесе «Горе от ума» из учебной программы полно националистических мест. А уж о «Тарасе Бульбе» и подавно молчу: там и так называемая «речь о товариществе», проповедующая национальную исключительность, и описания массовых еврейских погромов, и разжигание ненависти к полякам. Да и на уроках истории отчего-то крайне бегло проходят Парижскую Коммуну, крайне недостоверно рассказывают о Гуляй-Поле и совсем не упоминают о Кронштадте в 1921-м году и Испании в 1936-м. Зато подолгу рассказывают о войнах Руси с Ордой, о войнах царской России с Турцией и так далее, вызывая тем самым неправильные представления о первопричинах исторических событий. Учитывая обстоятельство, что аполитичными обывателями становятся те, кто так и не пересмотрел навязанные обществом взгляды, получаем, что существенная часть фундамента под бытовой национализм закладывается в школьные годы.

Однако как бы ни была эта часть существенна, она не исчерпывает собой все аспекты рассматриваемого явления. Есть и стереотипы с иным происхождением: в частности, описанный ранее про обман на рынках. Сюда же относится и стереотип о низком уровне культуры приезжих мигрантов, который формируется примерно так. В какую-нибудь двухкомнатную квартиру в панельном доме заселяются двадцать гастарбайтеров. Плита на всех одна, поэтому готовят на ней круглосуточно, а запах дешевых продуктов, жарящихся на с шумом кипящем масле, легко проходит сквозь тонкие стены. Каждый хочет переброситься парой слов со своим товарищем, а итоговая

громкость бесед в разы выше общепринятой, так как и людей больше, и им к тому же требуется пересиливать разговаривающих рядом на другие темы. Короче, в определённом радиусе поражения жизнь местных жителей резко ухудшается. Они начинают ненавидеть понаехавших, полагая, что у себя в аулах/в степях те живут так же. К соседям приходят в гости их друзья и воочию убеждаются, каково им живётся. А еще можно жаловаться на обрушившееся бедствие коллегам по работе, родственникам из других городов, случайным попутчикам в автобусе... Стереотип получает широкое распространение. Где же «зарыта собака»? Как всегда, предлагаю запастись скепсисом и всмотреться в ситуацию получше. Если бы у гастарбайтеров было больше денег, то стали бы они селиться в таких отвратительных условиях? То-то, что нет: им тоже подобная жизнь не нравится, но выбирать не приходится. А кто согласился сдать им одну квартиру на всех? Правильно: местный житель, решивший, что личная прибыль важнее каких-то там соседей. А кто должен следить за порядком и за нормами жилплощади, приходящейся на человека? Менты и сотрудники жилищно-санитарных служб, но всем им работодатель-буржуй уже успел дать денег, чтобы они не лезли с проверками. Всё равно, сверхдоход, извлекаемый из использования бесправной рабочей силы, с лихвой покроет размеры взятки. Как видим, вновь вскрывается подоплёка, обусловленная наличием капитализма и иерархии. Именно из-за неё в жизни мигрантов отсутствуют некоторые элементы общей культуры, гигиены и порядка, а не из-за того, что эти люди изначально были такими. Тут кто-то может спросить: а что плохого в том, чтобы начать бороться за свои права и обмазать дверь сдаваемой квартиры дерьмом, а в окно бросить дымовую шашку? Хорошо: допустим, что гастарбайтеры уедут и наступит тишь да благодать. Через тонкие стены хрущёвки вместо их криков станет слышна музыка от соседей сверху. Да, она гораздо тише и приятнее, но, всё равно, мешает. Протёкший потолок как был убогим, так им и останется. И никуда не денется необходимость каждое утро вставать и переться на дебильную работу. Что ж? Кто-то может продолжать бороться за вазелин. Мы же предпочтём бороться за свободу и новую жизнь.

Нелишне также напомнить, что с массовым внедрением Интернета способствовать возникновению бытового национализма стали такие мемы как «ЕРЖ», или такие видеоролики как «Аравай Вай Вай». Делать выводы, основываясь на им подобных материалах, нелепо, но не каждый это понимает. Ну сами подумайте, какой горец станет петь о своей сильной любви к Кавказу на русском языке? А как вам то, что в первой строчке утрированно поётся: «Мой гора любимый», а далее грамматика с точностью до акцента не коверкается? Совершенно ясно, что это постановочные кадры.

Напоследок замечу, что со времени разложения племенных союзов и выделения вместо них обособленных протогосударств/государств не было ни одной войны, для которой реальной причиной стало бы противостояние между интересами различных народов. Такие противостояния правители выдумывали, чтобы солдаты думали, что идут убивать и умирать не ради интересов угнетателей, а ради каких-то собственных нужд. Повторяю еще раз: все современные межнациональные конфликты являются следствием внутренних противоречий мировой капиталистической системы.

Почему-то не могу закончить, не добавив пафосных поучений. Не призывай огульно истребить всех, кто кажется тебе подозрительным, но всегда будь готов защитить свои интересы, если кто-то реально, а не в фобиях или фантазиях на них посягнёт. Если банкир, являющийся представителем еврейского этноса, инициирует выселение крестьян из живописного села, чтобы построить там собственный коттедж, то стоило бы оказать ему сопротивление, однако не из-за того, что он еврей, а из-за того, что он мудака. Националисты же предлагают перебить всех евреев без разбору, а потом терпеть, если то же самое будут делать русские банкиры: согласно их идеологии, единство нации важнее твоих проблем, а любой, кто пытается это единство нарушить, играет на руку чужим

тренироваться, читать и приобретать новые навыки. Уничтожение работы, то есть отчуждённого наёмного труда, повлечёт за собой то, что любой активностью будут заниматься лишь при наличии заинтересованности в ней (быть может, психологической: «нравится мне это делать», но, быть может, рациональной: «не хочу идти в огород, но ведь если ничего не выращу, то подохну с голоду»), а это будет значить, что отупляющий отдых сдаст свои позиции и станет более реальным всё успевать и быть мультизадачным.

С вопросом свободы, более-менее, всё. Перейдём к полноте бытия. Как вы уже поняли, отчасти этот вопрос мы тоже успели разобрать, потому что, на самом деле, полнота бытия не всегда отделима от свободы, равно как и свобода не всегда отделима от неё. Сейчас же я укажу на то, как еще капитализм обворовывает наши жизни. Происходит это по аналогии с ассоциированием с вымышленными общностями, при котором «центр тяжести бытия» с личности перемещается на эту надуманную общность. Но здесь «центр тяжести» съезжает снова на личность, и даже, в каком-то смысле, на ту же самую, но только из предполагаемого будущего. Вместо того, чтобы испытывать разнообразные нетривиальные ощущения здесь и сейчас, люди начинают ждать отпуска, рисуя себе в воображении отели и пляжи, или ждать, когда приобретут новую машину, из которой смогут с гордостью смотреть на других. Но отпуска имеют свойство заканчиваться, а после покупки крутой тачки тут же захочется купить тачку ещё круче, и снова будущее вместо настоящего. Такой процесс, я думаю, всем понятен. Привёл я его здесь не столько ради него самого, сколько ради того, чтобы показать, что нечто, подобное ему, заставляет многих анархистов строить модели общества, пропитанные капиталистической логикой, требующей перманентного «развития». В противовес им я считаю, что рано или поздно человечество, найдя оптимум, перестанет изменять общественные отношения, а, точнее, перестанет стремиться изменять их и изобретать что-то новое, если для этого не будет серьёзных внешних толчков. В ответ на упрёки в традиционализме не в первый раз напомню, что в экономическом контексте традиционализм – это образ мышления, противостоящий капитализму, и это не случайно, так как тяга к вечному развитию и вечному расширению – это характеристическая черта последнего. Гораздо интереснее понять, что имелось в виду под словом «оптимум». А для этого сделаем странный финт и посмотрим на трансгуманизм. Я утверждаю, что нелепо «изобретать бессмертие», поскольку если бессмертная нематериальная душа существует, то она уже существует, а если человек полностью материален, то, в силу возрастания энтропии, неминуема тепловая смерть Вселенной. Продление жизни – ничто: у группы Complex Numbers, близкой к идеям трансгуманизма, в песне «Неизбежность», посвящённой обречённости мира, есть в том числе и такие слова: «И триллионы лет пронеслись, как миг». Советую вникнуть в этот трэк, да заодно и в весь альбом «Утро нового тысячелетия». А ведь проблему конечности человеческой жизни гениально решили еще эпикурейцы, сказав в своём Четверояком лекарстве: «Не должно бояться смерти, ибо пока мы есть, её еще нет, а когда она есть, нас уже нет». И, таким образом, вопрос о бесконечном развитии человечества напрямую аналогичен вопросу о производстве того, потребить что заведомо не сможешь. Можно тренироваться в беге, получая удовольствие от скорости и от поступления эндорфинов, можно упражняться на турнике, наслаждаясь выполнением сложных элементов, можно смотреть на закаты, можно впитывать шум леса, можно заниматься сексом, можно читать и писать книги, можно слушать и сочинять музыку, можно внести в биосферу свой собственный сад, можно лазить по скалам, ощущая притоки адреналина, и так далее, и так далее – неужели же этого списка не хватит, чтобы до конца заполнить свою жизнь? «Оптимумом» я называю такое состояние, при котором каждый сможет свободно и стабильно заниматься чем угодно из подобных видов деятельности. Возможно, кому-то этого покажется мало, и появятся те, кто захочет изобретать звездолёты или «бессмертие». Пожалуйста, никто им не мешает, если без этого никак. Но, как мне кажется, таких энтузиастов окажется мало и ничего они не смогут

скоплениях людей, где все связаны со всеми сложными и не всегда заметными капиталистическими отношениями, невозможно быть ни свободным, ни уверенным в том, что завтра сможешь наслаждаться жизнью. Поэтому встают вопросы деглобализации общественных отношений и деглобализации технологий. К первому из них можно подойти, используя подход винтажизма, то есть внедрения некоторых моделей прошлого в текущие условия с учётом внесения соответствующих корректур как в одно, так и в другое. Всё-таки, прошлое предоставляет нам широчайшее разнообразие различных децентрализованных социумов, на примерах которых можно многому научиться и из примеров которых можно многое извлечь. Второй же вопрос может быть решён за счёт использования особых современных технологий (в частности, 3D-принтеров), за счёт распространения альтернативных источников энергии (локальное сообщество в состоянии иметь свои собственные солнечные батареи, или ветряки, или, если поблизости есть подходящие водоёмы, микро-ГЭС: Норвегия от них в основном и запитана, благодаря чему является одним из мировых лидеров по производству электроэнергии на душу населения) и за счёт «забытых» способов производства и распределения, более свойственных натуральному хозяйству (взять хотя бы аграрную коммуну Масанобу Фукуоки, где в месяц на закупку внешних товаров тратили всего 35\$).

С предыдущим коррелирует третий механизм включения, который я назвал бы выхолащиванием. Он заключается в неизбежности умозрительного принятия уже упомянутой атомизации труда, при которой человек умеет совершать только малый спектр действий. Но еще до попадания на производство аналогично воздействует система образования. Здесь уместно упомянуть о книге Ивана Иллича «Освобождение от школ» - в ней, правда, много реформизма, но зато соответствующую тему она раскрывает. Короче, действие выхолащивания заключается в том, что каждому внушается, что делать практически любое действие должны только подготовленные к этому профессионалы. Капитализму такой подход даёт два больших преимущества. Во-первых, возрастает производительность труда и извлекается больше прибыли (ценой того, что кто-то целый день как идиот крутит гайки в одну и ту же сторону, а кто-то другой целый день как идиот сидит в офисе и заполняет однотипные бланки). Во-вторых же, ничего не умеющими людьми проще управлять. Даже если они замысливают восстание, то не смогут обойтись без лидеров, ну а с лидерами всегда можно договориться или повлиять на них. Более того, суть Системы не в том, что «плохие» дорвались до власти и до богатств, а в том, что, как и в басне Крылова, как ни меняй местами людей, при её сохранении всегда будет то же самое, потому что все пороки капитализма, которые я здесь привожу, объективны и не зависят от характеров людей, в этом участвующих. Как говорится, за всё время существования философии философы, таки, сумели прийти к выводу, что «бытие определяет сознание», а потом передали этот вопрос на рассмотрение филологам, дабы те определили, где в этом предложении подлежащее, а где дополнение. Если твоё бытие заключается в узкоспециализированном труде, то ты не можешь быть свободным, но, в то же время, твоё сознание может захотеть поменять твоё бытие и, если ты его радикально поменяешь, то тогда твой разум станет свободнее. Данная максима – это, по-моему, лучшее, что можно сказать по этому поводу. Так вот, вернёмся к выхолащиванию. Выхолащенный человек не только в вопросах политики вверяет свою волю в руки лидеров-профессионалов. Это происходит с ним всегда и везде. Допустим, кто-то ночью ломится к нему в дверь. Он тут же начинает звонить профессионалам, то бишь мусорам, в то время как «крутой анархист» достал бы свой нож/обрез, а еще позвонил бы своим друзьям/соседям и вместе бы они разобрались, что происходит. И, соответственно, выхолащенные так и будут верить, что без политиканов и мусоров нельзя. Даже если они будут всех их ненавидеть и называть продажными тварями, то, тем не менее, всю вину будут сваливать на их личные качества, считая, что если набрать других, честных и «хороших», то всё изменится к лучшему. «Социальной импотенции» противостоит понимание, что вместо того, чтобы пьянствовать и валяться перед телевизором, можно

нациям. Лохи ведутся на жупел внешнего врага, не замечая, что в других странах тоже есть элита, а есть зажимаемые ею, но ты, в отличие от них, помни про старый лозунг: «Нет войне между народами, нет миру с угнетателями!».

Если будущее есть, то оно не в пролах...

Наследие марксизма включает в себя великое множество тезисов. Возможно, когда-то они были революционными или же способствовали движению общества к освобождению. Но сейчас они уже безоговорочно опровергнуты. И на этом всё. Конец: их можно сдавать в музей социальной мысли. Как катапультой не напугать автоматчика, так и современный капитализм уже не уstrasить провозглашением фактов про прибавочную стоимость. Или, быть может, найдётся кто-нибудь, кто всё ещё верит в плохой анекдот про пять формаций, которые должны смещать друг друга по мере течения времени и не просто смещать, а строго в порядке от «плохого» к «хорошему». Сам же Маркс увидел также «азиатский тип производства», не вписывающийся в схемы, объявленные потом классическими. Увидел, но побоялся признать, что в той же Азии этих азиатских типов десятки. А сколько ещё регионов разбросано в пространстве-времени? А откуда такая твердолобая вера в прогресс и монотонную линейность человеческого развития? Да нет, знаем мы, что дело в пережитках эпохи Просвещения, которые во многом разделяли в девятнадцатом веке. Так давайте от этого избавляться. В данном материале попробуем-ка рассмотреть марксистский миф, наиболее прочно укоренившийся в анархистской среде. Имя этому мифу – пролетариат.

Для начала разберёмся с тем, что мы будем понимать под этим словом. Значений у него много, если кому-то интересны все они – обратитесь к Википедии. В кои-то веки находим там адекватную и интересную статью. Из неё возьмём, например, то, что в переводе с латыни «proletarius» значило, в частности, «неимущие». Однако, как известно, антагонизм бедняки/богатые не является антагонизмом пролетариат/буржуазия по той хотя бы причине, что существуют также люмпены и безработные. Маркс и Энгельс, взяв термин из древнеримской истории, вложили в него иное значение. Для них он означал тех, кто удовлетворяет двум условиям: 1) не владеет тем, что способно приносить прибавочную стоимость, то есть не владеет капиталом, и 2) живёт за счёт продажи собственного труда. Первый пункт обособлял их от «элиты», второй пункт обособлял их от тех, кого марксисты высокомерно считали деклассированными элементами. Но хорошо ли такое определение? Оно не согласуется с концепцией классовой борьбы, в которой идеализированный мировой пролетариат должен был выступить против капитализма и уничтожить его. Давайте посмотрим на какого-нибудь ЧОПовца, охраняющего чужую частную собственность или, скажем, гонящегося за безбилетниками во славу сверхприбылей РЖД. Таковой сабж удовлетворяет двум наложенным условиям, но нисколько не похож на «могильщика буржуазии». Скорее, это её верный приспешник, применяющий свою физическую силу против тех, кто посягнёт на господское добро. В классическом марксизме было две лазейки, позволяющие закрывать на это глаза: пролетариев делили на сознательных и несознательных, а ещё вводили фиктивное различие между «классом в себе» и «классом для себя». Всё это унылые причитания, не несущие в себе никакого содержания, которое было бы можно применить на практике. Единственная их цель – замаскировать брешь в непогрешимой теории.

Более честные марксисты, такие как Уоллерстайн и Балибар, открыто признали, что вопреки тому, что «учение Маркса всесильно, потому что оно верно», определять пролетариат нужно в корне иным образом. Их дефиницию можно представить в следующем виде: это те, кто наёмным трудом создаёт прибавочную стоимость, ощутимо превосходящую получаемую ими плату за труд. Именно такое определение в рамках данной статьи и будет считаться основным. Почему? На это есть две причины. Первая – оно точнее. Во времена Маркса буржуи, класс которых ещё был в процессе активного становления, сами управляли своими предприятиями. Сейчас же владельцы контрольных пакетов акций предпочитают нанимать директоров, которых наделяют, как правило, чисто

которых не отличались сложностью. А теперь представим, как мало бы мог трудиться современный человек, чтобы обеспечить себе всё необходимое для жизни. Однако никто не предлагает работу, на которой требовалось бы проводить лишь полчаса-час в день. Цены на продукты питания в магазинах в несколько раз выше настоящих, а почему? – потому что владельцы торговых точек желают построить себе громадные коттеджи и не где-нибудь, а именно на какой-нибудь Рублёвке, искусственным и надуманным ажиотажем взвинчивая цены на землю до невероятного. Оставим буржуев и посмотрим на простых людей. Почти все из них хотят приобрести личный автомобиль, а часть из них ещё и хочет каждый год покупать для него страховку. Якобы, наличие собственного транспортного средства экономит время. Но подсчёты показывают, что для ежедневной жизни мегаполиса это не так (парковаться возле дома, парковаться возле цели назначения, заезжать на заправки и, особенно, стоять в вечных пробках – всё это накладно), а подлинная причина покупки – желание поднять собственный статус в рамках капиталистической системы ценностей. А результат – гораздо больше времени, чем экономится (если, вообще, экономится) и немало усилий тратится на зарабатывание денег на само авто и на его обслуживание. Также долгое сидение в салоне способствует «бонусам» вроде гиподинамии или других проблем со здоровьем. На примере персонального транспортного средства было показано, как вообще работает механизм создания искусственных потребностей. И, кстати, не только л/а приносят с собой специальные «бонусы»: мобильные телефоны, допустим, могут стать добровольно надетыми жучками, сообщающими информацию о деятельности их владельца.

Второй метод включения – это ассоциирование человека с большими и эфемерными общностями. Патриотизм и национализм – это частные примеры такого, но по ним анархисты уже много всего написали, поэтому отсылаю хотя бы к своим статьям «Национализм под рентгеном» и «Credo in unum Libertas» (последняя по данной теме лишь отчасти). Здесь же разберу другой момент, а именно ассоциирование просто с обществом или человечеством. Многие заметили следующий парадокс. Современная цивилизация сильнее любой ей предшествовавшей. Если бы сейчас началась война нынешних людей с первобытными людьми или с теми же античными греками, то её исход было бы несложно предсказать. Но если взять изолированного от социума современного человека, помещённого хоть в естественную для него среду обитания (город), хоть в дикую природу, и взять изолированного от сородичей неандертальца, то неандертальцы-то в одиночку выживали, а вот весьма сомнительно, что выживет наш современник. Ну а если и выживет, то точно кардинально изменит свой привычный образ жизни. Таким образом, получается, что на протяжении последних веков истории происходило следующее: общество/человечество становилось сильнее, но ценой ослабления каждого своего члена. Капитализм придал этому парадоксу окончательную форму, потому что средневековый крестьянин, конечно, покупал некоторые вещи на ярмарках или у ремесленников, но, если бы остался в одиночестве, то обошёлся бы и тем, что кое-как делал бы мебель и посуду самостоятельно. В свою очередь, современный человек не сможет сам для себя изготовить всё то, чем пользуется, и, даже больше: как правило, умеет совершать только узкий круг действий, не приносящих никакой пользы, будучи взятыми обособленно от массового производственного процесса. Спрашивается: а и зачем быть самодостаточным? С точки зрения анархизма, самодостаточность способствует независимости, а также нефрагментированному, то есть полному восприятию окружающей действительности. Но, безусловно, абсолютная самодостаточность недостижима по той хотя бы причине, что есть биологическая потребность в общении с себе подобными. Фрагментирование мировоззрения происходит тоже не при любом взаимодействии, а лишь при достаточно неоднородном. Иными словами, речь идёт, скорее, о переходе от массового товарного производства к локальным сообществам, в которых все друг друга знают и в которых занимаются удовлетворением собственных потребностей, а не увеличением прибыли или количества изготавливаемого. В огромных

Итак, я, наконец-то, кончил опускать марксизм и приступаю к анархистскому анализу капитализма, который проведу в соответствии с намеченным выше планом. Антоним к свободе – зависимость. При феодализме зависимость от правителей обеспечивалась применением насилия. Крестьянам было сложно изготавливать оружие, позволившее бы им успешно сопротивляться феодалам. Вспомним хотя бы то, что неспроста полный комплект рыцарского снаряжения стоил не меньше, чем все стада и табуны одной деревни. Но не только в прямом насилии дело. Проще было сжечь часть полей ржи или пшеницы, дабы обречь на муки голода. Кстати, если начать уже избавляться от европоцентризма, которым, между прочим, страдает и марксизм, то можно посмотреть на индейцев обоих Америк, которые до появления конкистадоров не знали ни феодализма, ни капитализма (в узком понимании этих терминов). Это можно объяснить тем, что у них не было религий монотеистических, и уж, тем более, авраамических. А можно объяснить и тем, что часть племён индейцев вообще не знала земледелия, в то время как другие выращивали корнеплоды, например, картофель, а посадки этих культур гораздо сложнее уничтожить огнём. Так или иначе, но в отличие от феодализма прямое насилие характерно для капитализма лишь во время его экспансии и на ранних этапах становления. Развитый капитализм в мирное время подчиняет себе не за счёт угрозы применения силы, хотя и готов пойти на это при дестабилизации обстановки. И зависимость он устанавливает даже не за счёт непосредственно рекламы или масс-медиа как таковых. Основное орудие на этом пути – это механизмы включения. Под включением здесь я понимаю интеграцию в рамки товарного производства, построенного на широком разделении труда. Особенностью этой интеграции является то, что она усложняет пути к дезинтегрированным состояниям. Винтик внутри Системы, построенной на кентавре из разрастающегося производства и разбухающего потребления, не сможет в короткие сроки самостоятельно стать независимой личностью, способной решать все свои проблемы без посторонней помощи. Если уж на то пошло, то о разделении труда неоднократно писалось ранее. Поэтому значительную часть доводов против него здесь приводить не буду, отослав читателя к таким статьям МУ как «Общество не классов, а рабочих каст», «О труде», «За всеобщее увольнение!» и «Священная борьба за Священный Коммунизм».

Рассмотрим механизмы включения, лишаящие свободы. Первый из них – это создание искажённых потребностей. Он действует так – утверждается, что каждому нужно пользоваться пакетами товаров и услуг, которые, как минимум, не нужны, а то и вовсе, вредят. В придачу, за право приобрести этот набор приходится платить собственным досужим временем. Как известно, современная Африка сейчас сидит на дотациях и гуманитарной помощи не почему-нибудь, а потому что тамошнее сельское хозяйство и тамошний исконный уклад весьма сильно пострадали от намеренного воздействия европейцев, принёсших капитализм. Но до сих пор еще существуют отдельные племена, живущие примитивным образом, в которых каждый тратит на поддержание жизни в организме лишь два-три часа в сутки, всем остальным временем распоряжаясь так, как вздумается. Собственно говоря, есть такой боянистый анекдот: «Валяется негр под кокосовой пальмой. Подходит к нему буржуин: - Нигер, чё ты ничего не делаешь? – А на хера мне что-то делать? – Как нахера? Собрал бы кокосы, изготовил бы копру, продал бы, получил бы денег. – И что дальше? – А если бы удалось накопить много денег, то тогда ты нанял бы рабочих, управлял бы ими и получал бы еще больше денег. – Ну и? – А если бы твоя компания стала бы успешной, то ты бы больше не беспокоился о своём материальном положении и мог бы лежать и ничего не делать. – Так ведь я и так лежу и ничего не делаю!». Кто-то захочет возразить, что подобный образ жизни допустим лишь для регионов с благоприятным климатом. Согласен, что в регионах с более суровыми условиями трудиться придётся больше, чем три часа в сутки. Но, вопреки этому, те же древние славяне, жившие в лесах Севера, всю зиму, когда поля находились под снегом, тоже почти не трудились. И это было о народах, технологии

номинальной долей ценных бумаг. Парадоксально, но по старому определению такие директора попадают в число пролетариев, потому что они вынуждены продавать свой умственный труд держателям капитала. В то же время они живут отнюдь не в рабочих районах, общественному транспорту предпочитают дорогие личные автомобили, своих детей обучают в тех же престижных учебных заведениях, что и их работодатели и так далее. По всему видно, что они буржуи буржуями. Вышеупомянутые ЧОПовцы по новому определению тоже оказываются за бортом пролетариата, так как вообще не создают никакой прибавочной стоимости (при осмысленном понимании понятия «стоимость», правда). В общем, преимущества налицо. Вторая же причина – это то, что новое определение не только качественное, но и количественное. Старая дефиниция зависела исключительно от двух логических параметров: от отношения к капиталу и от отношения к наёмному труду – и эти параметры, по сути, могли принимать лишь по два значения каждый: «владеет» и «не владеет» или «нанимается» и «не нанимается» соответственно. Промежуточные варианты, вообще-то, тоже возможны, но они не получили широкого распространения. Новая же дефиниция позволяет вычислять, так сказать, степень «пролетарскости». Есть, как минимум, два пути: 1) привести созданную прибавочную стоимость к денежному эквиваленту и вычесть размер зарплаты, 2) опять же привести созданную прибавочную стоимость к денежному эквиваленту, но уже поделить на размер зарплаты. Понятно, что возможны случаи, когда при сравнении двух работников эти подходы дадут разные ответы на вопрос, кто из них больший пролетарий. А если учесть, что зарплату можно брать за разные периоды времени, то получим, что любители фаллометрии найдут себе гигантские раздолья для измерения собственных характеристик.

И всё, вроде бы, хорошо, но снова в том проблема, что пролетариат, согласно марксистским концепциям, должен быть еще и революционен. Экономические интересы должны якобы подводить к свержению капитализма. И новое, и старое определения апеллируют к справедливости: в одном случае нехорошо, что у кого-то средства производства есть, а у кого-то их нет, из-за чего они должны идти наниматься к первым, в другом же случае нехорошо, что прибавочная стоимость подлым образом присваивается. Однако данные истины ныне широко известны, и никто их ни от кого не скрывает. Доведённое до полуфабрикатного состояния понимание экономических интересов чуть ли не подносят на блюдечке с голубой каёмочкой, а революция всё не наступает. Представляю вашему вниманию зарисовку, которую условно назовём «сытый рабочий». Человек живёт in the state of welfare (предположим, в США), работает на самом настоящем заводе, восемь часов в день стоит возле станка, а потом затаривается в супермаркетах и бесплатно скачивает через Интернет мыльные оперы. У него есть дом (неважно, что купленный в ипотеку) и любящая семья (неважно, что состоящая из таких же одномерных людей, интересующихся лишь шопингом и ситками). Спрашивается: как вытащить этого человека на баррикады? Рациональные аргументы про отнятую прибавочную стоимость на него не действуют, потому что на еду и на кока-колу хватает, а что-либо менять рискованно. Аргументы, рассчитанные на иррациональные стороны человеческой психики, такие как упоминание о нищете обывательской жизни или предложение получить кучу адреналина, тоже не действуют, потому что от всего этого отвлекают нехитрые сюжетные повороты сериалов. Перед нами пролетарий, но не только не революционный, а даже, скорее, консервативный. На это можно возразить, что хрен с ними с «государствами благосостояния», потому что они рухнут, если отрезать их от доступа к дешёвым товарам из Третьего мира, которые были получены выжиманием семи потов с рабочих. Справедливое замечание. Но от него не становится понятнее, почему историческая необходимость должна вынудить пролетариев бороться с Системой. Зарисовка про эту самую историческую необходимость: сейчас в мегаполисах России приезжие мигранты уже заняли все вакансии дворников. Низкооплачиваемая рабочая сила привлекает работодателей, и мигрантов всё чаще нанимают также в качестве строителей,

поваров, уборщиков помещений и таксистов. Сиюминутный экономический интерес толкает местных представителей вышеперечисленных профессий поддерживать националистов. Национализм же контрреволюционен, антиэгалитарен и пробуржуазен. На это, в свою очередь, можно возразить, что долговременные интересы, тем не менее, продолжают побуждать бороться за радикальные социальные преобразования. Пожалуй, это верно. Ну а дальше-то что? Вот с чего мы взяли, что именно пролетариат окажется субъектом будущей революции? Или, лучше, поставлю вопрос так: с чего многие анархисты вслед за марксистами повторяют, что именно принадлежность к пролетариату является критерием, по которому стоит определять революционность?

У меня не было цели в очередной раз мешать марксизм с говном. С говном его и без меня неплохо мешал еще Бакунин. Я же утверждаю, что стали неприемлемы не только методы и тактики Марксова учения, но и сам его фундамент. Какая цель декларировалась в Коммунистическом Манифесте? Можно сказать, что построение общества, в котором у всех будет равный доступ к широкому спектру возможностей, а средства производства будут обобществлены. А какие основные недостатки Системы выделялись марксистами? Эксплуатация, неравноправие, нерациональное использование ресурсов, нестабильность и историческая обречённость. Но какие недостатки Системы следует считать основными, опираясь на все современные знания? Я бы выделил три: 1) всё те же эксплуатация и неравенство, 2) экологические проблемы, способные привести к катастрофе планетарного масштаба, 3) несовместимость с человеческой натурой. Если про первые два пункта должно быть более-менее понятно, то последний попробую пояснить подробнее. Даже если допустить, что прибавочную стоимость отнимать не будут, а производство перестанет вредить окружающей среде, то далеко не каждый согласится делать деньги ради денег и всю жизнь корпеть на однотипной работе, в которой никто не отменял закона «расти или разоряться» - многие предпочтут свободу, пусть она и повлечёт за собой неуверенность в завтрашнем дне. И даже если работа будет кишмя кишеть разноплановыми креативными бизнес-моделями, то не каждый её примет, потому что она всегда будет ставить рамки, и как бы широко они не стояли, есть тысячи особенностей человеческого организма и сознания, каждая из которых потребует разнести их все вдребезги. Именно исходя из трёх вышеперечисленных недостатков следует основывать борьбу с капиталом и государством. А из них два последних не имеют классового происхождения. Пожалуй, можно представить экологическую катастрофу, вызванную «идеальным коммунизмом» - трудящиеся, осознав, что результаты труда останутся при них, могут начать нещадно расширять производство всего и везде, и это нарушит природный баланс. Да, при капитализме вероятность подобных катаклизмов выше, но это не отменяет того, что корень проблемы не укладывается лишь во взаимоотношения эксплуататоров с эксплуатируемыми. И, точно также, «идеальный коммунизм» - это далеко не всё, что нужно человеку для гармоничной жизни.

Далее уместно обратиться к статье МҮ, озаглавленной как: «Общество не классов, а рабочих каст»:

<http://anarhia.org/forum/blog.php?u=34&b=521>

Тезисно изложу мысли, которые сформировались у меня после её прочтения:

а) обобществление и отмена частной собственности на орудия производства – никакая не социальная панацея, потому что корни проблем гораздо глубже

б) на социальную панацею больше похоже следующее. Если сейчас общество функционирует по схеме «товарное производство (иными словами, работа) => распределение => потребление», то необходимо перейти к схеме «естественные потребности => непосредственное производство => потребление».

в) никакая классовая борьба осуществить такой переход не поможет, а поэтому социальная революция изначально должна иметь бесклассовый характер.

никак, наносить удары – это тоже труд, потому что то же самое раньше делали кузнецы. После такого «дополнения» статуи её уже нельзя будет обменять на многое из того, на что её можно было бы обменять раньше. Однако, согласитесь, что в случае с вандализмом полезность товара снизилась, в то время как добавление кейгена оставляет полезность на прежнем уровне. Если же оставить компьютеры за скобкой, то, тем не менее, опять можно смоделировать гипотетические контрпримеры к трудовой теории стоимости. Допустим, что на планете наступила ситуация, когда истощились все нефтяные месторождения кроме немногих в труднодоступных районах Арктики. Нефтедобыча оттуда требует больших трудовых затрат. Но, как несложно понять, в данных условиях человечество полностью откажется от нефти, перейдя на альтернативные источники энергоснабжения, а на нефть начнут смотреть так же, как, например, на золу, полученную путём сжигания баобаба – её тоже не так-то просто получить и довести до нас, но проку от неё никакого и невыгодно обменивать на неё что-то толковое. Правда, я не рассмотрел сценарий распространения синтетической нефти, при котором природная нефть будет стоить столько же, сколько стоит искусственная, что согласуется с замечанием Маркса о том, что затраты труда надо брать не на момент непосредственного производства, а на текущий момент с учётом всех имеющихся новых возможностей. Однако тезисы трудовой теории стоимости и вопрос о возможности или невозможности получения синтетической нефти не связаны между собой, поэтому верность или неверность трудовой теории стоимости не изменится, если мы рассмотрим только случай, когда нефть бывает лишь из месторождений.

Помимо марксистов в объяснении феномена стоимости продвинулись только маржиналисты, предложившие теорию предельной полезности. Кое-какие отдельно взятые вопросы она объясняет, но построенные на ней модели потребления легко разбить парой шуточек вида: «Потребитель, знакомый с методом Лагранжа по поиску условного экстремума, - это даже ещё большая абстракция, чем сферический конь в вакууме». Соответственно, если говорить о дисциплине, которую условно назовём фундаментальной экономикой, то в ней полно белых пятен. Я же утверждаю, что анархистам заделывать их все и не нужно, потому что для создания новой теории пока хватает и возможностей, предоставленных уже имеющимся, плюс социологией, плюс антропологией, плюс собственными мозгами, позволяющими моделировать (в том числе и математическим путём) конструкции и события. Для начала, стоит посмотреть на капитализм не коммунистическими, а именно анархистскими глазами. Для анархистов самое главное – это свобода. Любая свобода. Не только свобода психологическая, но и свобода удовлетворения собственных потребностей. И здесь можно согласиться со старой левацкой агиткой: «Капитализм: всё в твоих руках. А твои руки в тисках у рынка». Но мы в своей критике пойдём дальше и не остановимся на том, что взамен предложим то же самое, да только устроенное справедливо. Справедливость – плохой критерий. Она либо отсылает к индивидуальным взглядам в вопросах этики, которые, в свою очередь, основываются на личных ответах на бессмысленные вопросы вида: «Считать ли час труда одного человека равным часу труда другого человека на том основании, что и то, и то – час человеческой жизни, или же нужно также оценивать эффективность труда?», либо же она упирается в вопросы экономической теории. А как выше было показано, любое длинное экономическое рассуждение на эту тему затрагивает или обесценившиеся термины, или еще не решённые проблемы. Поэтому оставим справедливость в покое и будем опираться только на три следующих критерия: свобода, полнота бытия и устойчивость способов производства и распределения. Последний критерий нужен, дабы не предлагать взамен утопии, которые тут же рухнут при малейшей случайной флуктуации.

способных привести к смене способа производства и распределения, а из их многообразия очевидным образом вытекает, что общество может изменяться по разветвлённым путям. История – не прямая со стрелкой на ней, ведущей вперёд, но сложный граф, а то и, вовсе, полное многомерное пространство.

Теперь откроем БСЭ и посмотрим на одно предложение, содержащееся там в статье «Капитализм»: «Целью капиталистического производства является присвоение создаваемой трудом наёмных рабочих прибавочной стоимости». Понятие «прибавочная стоимость» не является полностью корректным в наши дни. Герберт Маркузе в своей книге «Одномерный человек» заметил, что на предприятиях всё больше действий совершают машины и всё меньше роль человека в процессе производства. А откуда появились современные машины? При их изготовлении самое сложное – это не изготовить все необходимые детали и разместить их на правильных местах, а разработать саму модель того, как они будут устроены. Интеллектуальная составляющая перевесила составляющую физического труда. Тут уместно напомнить о самом начале статьи: во времена Маркса не было продуктов, обладающих такими свойствами, а точнее, были, конечно же, но никто не считал их за продукт, полагая, что информацией сыт и одет не будешь. Но дело даже не в этом. Если говорить о прибавочной стоимости, то она предполагает наёмный труд и отчуждение произведённого от производителя. Однако инженер, разработавший модель оборудования, после сдачи её работодателю и получения за это зарплаты, фактически, всё равно, не теряет своих знаний об этой модели, пусть и, согласно подписанному контракту, не имеет права разглашать результаты своего труда (безусловно, не забываем также о том, что на сложных производствах каждый инженер занимается какой-нибудь узкой задачей, и информация о её решении не представляет самостоятельной ценности). Так или иначе, но в подобной ситуации сложно говорить об отчуждении продукта от производителя. И даже верно большее: сложно говорить об использовании наёмного труда. Инженер – лишь доделал свою работу, а начали её те, кто разрабатывал математический аппарат или открывал законы физики/химии, потребовавшиеся при разработке. Но те же Ньютон и Лейбниц, создавшие дифференциально-интегральное исчисление, создавали его не для того, чтобы буржуи получали прибыль, а просто потому, что им нравилось заниматься наукой и для них это было такое любимое развлечение. Может показаться, что речь идёт только о применении общеизвестных фактов, которые и так учитывались всегда начиная с того момента, как только стали общеизвестными. Есть и более убедительный пример: OpenSource и FreeWare программы зачастую создаются людьми, что называется, just for fun, а потом некоторые из них используют при разработке, скажем, станков с цифровым управлением. Ну а работающая компьютерная программа – это уж никак не знание, но полноценный продукт. Возможность в серьёзных масштабах извлекать прибыль из результатов чужих хобби в корне подрывает утверждение об её извлечении только из наёмного труда. Но не называют же в классическом марксизме извлечением прибавочной стоимости да хоть то же собирательство, распространённое у первобытных людей. А значит, раз большинство действий совершают машины, для создания которых всё возрастающую важность имеет, грубо говоря, «взятие идей из воздуха», то чем дальше заходят подобные тенденции, тем менее осмысленным становится понятие «прибавочная стоимость».

Более того, непосредственно сама трудовая теория стоимости тоже становится некорректной в условиях оцифрованных товаров. Например, есть лицензионная программа Guitar Pro, которую можно купить за 60\$, а есть её пиратская копия, к которой добавлен кейген, позволяющий полнофункционально использовать её без активации через буржуйский сайт. Нелегальные копии распространяются совершенно бесплатно. Написание кейгена требовало затрат рабочего времени, однако дополненный им товар в отношениях обмена всегда обменивается тупо ни на что. Возможно, кто-то попытается возразить, что здесь ситуация как со статуей, по которой кто-то прошёлся кувалдой; как-

Доказательства и подробности ищите в самой статье, пересказывать их я не буду. Зато перескажу одну диссидентскую шуточку советских времён: «На Первомай по всему городу висят плакаты, что роль партии с каждым годом возрастает и будет возрастать, а в матчасти по марксизму-ленинизму написано, что в самом конце роль партии станет нулевой – значит, сейчас она отрицательная». Опираясь на критерий принадлежности к какому-то классу, бороться за бесклассовое общество против проблем, часть из которых не носит классового характера, - это всё равно, что уподобиться большевикам, которые упраздняли государство посредством постоянного усиления государственной власти. Ничего из этого не вышло и принципиально не могло выйти.

Критерий революционности, несмотря ни на что, крайне нужен. Поскольку уже был затронут вопрос изменения целей освободительных движений, остаётся только указать на наиболее важное изменение, касающееся ценностей, разделяемых революционерами, а дальше мы как раз и перейдём к подобному критерию. Во времена первых марксистов одной из центральных ценностей был труд как таковой. Это основывалось на том, что труд увеличивал материальное благосостояние, а социальную революцию считали делом ближайшего будущего. Полагали, что всё, что было произведено, станет всеобщим достоянием, и заживут все счастливо, а терпеть немного осталось – надо лишь уничтожить все плохие институты, такие как государство и частная собственность. В двадцать первом веке мы уже знаем, что власть и капитал способны самовоспроизводить себя под новыми личинами и в новых формах. Но зато мы утратили наивную уверенность в том, что социальная революция не за горами. На этом еще не всё. В современном обществе давно обнаружены и проанализированы две его предельно важных черты: 1) атомизация труда и разобщение, 2) регулярные кризисы перепроизводства, способные перейти в перманентное перепроизводство (причём при условии, что ресурсы конечны и запас прочности биосферы тоже не вечный). Исходя из этого, стоит заключить, что отныне ценностью должен стать не непосредственно труд, а всего лишь умение обеспечивать себя всем необходимым. Труд же зачастую является даже не просто бесполезным, а прямо-таки вредоносным. На самом деле, его идеализация является продуктом капиталистических отношений. Можно вспомнить, что в период становления идеологии капитализма ей активно и повсеместно противостоял традиционализм. Не пугайтесь этого слова – наци-подобные придурки а la Мицгол здесь ни при чём. В экономическом контексте под традиционализмом понимается отношение к работе, которое можно пересказать следующим образом: «Если у меня есть крыша над головой, если я более-менее обут и одет, и если я относительно сыт, то какого хера мне тогда трудиться? Лучше почитаю книги/посижу с друзьями/сделаю еще что-нибудь». Для свержения капитализма нужно вновь вернуться к схожим взглядам на вопросы производственной этики.

Теперь, наконец-то, к субъекту революции. Начну опять с истории понятий. Делаю это вовсе не из-за того, что желаю выпендриться, а потому что анархизм – не марксизм и в нём нет устоявшихся догм. Каждый определяет явления по-своему, а пересказ всех точек зрения повышает вероятность того, что хоть какая-то из них окажется правильной. Итак, на Анархистской конференции, состоявшейся в 1985-м году в Милане, Альфредо Бонанно ввёл в оборот термины «включённые» и «исключённые». Его речь впоследствии была размещена в сборнике «На ножах со всем существующим», а еще она вместе с дополняющей её статьей легла в основу материала «От бунта к восстанию». Первоначально под включёнными подразумевались те, кто попадают под раздачу благ, осуществляемую капитализмом, а под исключёнными – те, кто остаются обречёнными на бедность. Точнее, Бонанно предполагал, что Система начнёт загонять как можно большие количества людей в трудовые гетто, где они будут иметь лишь минимум, позволяющий трудиться, а все «излишества» (в том числе способность говорить на нетривиальном

языке) будут отрезаны. Именно таких загнанных работяг он назвал исключёнными, подразумевая, что они исключены из праздника жизни, который капитализм обеспечивает включённым. Стоит заметить, что в привилегированную категорию вполне себе попадают не только владельцы капитала и нанимаемые ими управленцы, но и часть рабочих из развитых стран – всё-таки, согласитесь, что быть рабочим в Канаде и быть рабочим в Малайзии – это не одно и то же. Тем не менее, нелишне также понимать, что Бонанно делал свои выводы четверть века назад, а прошедшее с тех пор время показало, что не все его прогнозы сбылись. Гетто, к счастью, так и не созданы. О чём-то похожем на них я, конечно, читал в «Грядущем восстании», но это частности, еще не ставшие целым и укоренившимся (возможно, я плохо знаю, что сейчас происходит во Франции, так как никогда там не был). Еще я видел клип группы Sixtynine «В белом гетто» – сам живу в одной из аналогичных панельных многоквартирок, но, вопреки прогнозам Бонанно, мне никто не ограничивает доступ ни к знаниям, ни к сложным языковым структурам. Наверное, дело в том, что в то время он не доверял широкой компьютеризации, обещавшей усилить гнёт и контроль. Однако, как известно, внедрение компьютеров принесло чуть ли не прямо противоположный эффект. Независимые информационные сайты прорывают блокаду корпоративных СМИ, а OpenSource сокращает разрыв в познании того, как функционируют многочисленные компьютерные программы. Безусловно, не стоит однобоко идеализировать данные процессы. Но не стоит и считать, что в рабочих районах уже сумели насадить принудительную деградацию. Разрыв между стратой мыслящих и слоями трудящихся еще не прошёл точку невозврата, ну а на определённом уровне он был всегда. Как-никак, во времена луддитов подавляющее большинство людей тоже не читали стихов лорда Байрона, посвящённых работникам, громившим обрекавшие их на голод станки. Так или иначе, а предполагаемый провал гипотетически-существовавших планов по созданию массовых гетто заметно снизил ценность понятия «исключённые». Понятие «включённые» же явно уступало по функциональности тому умозрительному делению, которое вводилось новым определением пролетариата (но, кстати, книга Уоллерстайна и Балибара «Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности» вышла только через три года после вышеописанной конференции в Милане).

На Индимедиа в одном из комментов кто-то написал, что включённые – это те, кто участвует в капиталистическом производстве, а исключённые – это те, кто остались за его бортом, то есть бомжи, бродяги, беженцы, маргиналы и те, кто сами для себя выбрали такую судьбу. Если автор тех строк читает эти строки, попрошу его/её прояснить, откуда взялась такая интересная мысль. Мне кажется, что Бонанно так не считал, а как он считал, я описал выше. Но, с другой стороны, данный угол зрения позволяет ввести новое определение субъекта революции. По-прежнему назовём их исключёнными, поскольку придумывать новые слова лень, а старое отражает суть относительно точно. Конечно, клич «Мы пролетарии!», как бы ни обветшал и ни истаскался, но всё еще способен внушить буржуям страх перед классовой ненавистью, а вот клич «Мы исключённые!» постороннему человеку может навеять ассоциации с какими-нибудь религиозными сектами, проповедующими спасение немногих избранных. Впрочем, смогло же слово «санкюлот», переводящееся как «бесштаный», стать символом революции, пусть и буржуазной. Так и сейчас, если не придумаем нового термина, то поведём борьбу с этим.

Итак, исключённые – это те, кто удовлетворяет следующим трём критериям:

а) незадействованность в товарном производстве (или, по крайней мере, отсутствие долгосрочной занятости на одном и том же рабочем месте)

б) неучастие в массовом потреблении (или, по крайней мере, стремление минимизировать своё участие в нём)

ограниченной планете невозможно вечно внедрять всё новые и новые производства всё более и более ненужных товаров. Это-то и есть главное противоречие капитализма. И, пожалуй, вероятность экспансии на другие планеты ниже вероятности того, что при сохранении массовых производств раньше наступит экологический кризис, способный поставить под сомнение существование человека, да и других сложно устроенных животных. От социальной несправедливости, к которой отсылал Маркс, настало время перейти к анализу моделей функционирования общества на их устойчивость во времени и на возможность людей удовлетворять при них свои истинные потребности.

И тут опять продолжаем заниматься критикой. Вера в непрестанное движение от простого и «отсталого» к всё более нетривиальному и «передовому» поставила вопрос о том, за счёт чего это движение осуществляется. Признать причиной что-то локальное или субъективное Маркс не мог, потому что это бы противоречило его взглядам на объективность истории, понимаемой им чуть ли не как некий фатум, то есть обезличенный аналог Мойр или Норн. Поэтому была предложена концепция глобального антагонизма, а именно антагонизма между уровнем развития производительных сил и производственными отношениями. Вообще-то, этот антагонизм, и впрямь, являлся причиной скольких-то перемен, затронувших человечество, но, в то же время, придание исключительной роли данному противоречию создаёт искусственные преграды для понимания социальных процессов. Основная черта, характеризующая социальные взаимодействия, – это способ производства и распределения. Однако она оказывается разорванной на две довольно-таки бессодержательные части, как только мы признаём, что степень развития производительных сил всегда стремится «опередить» имеющиеся на тот момент производственные отношения. Действительно, находится ли та или иная технология в использовании или нет, и как её применяют – это то, что является одним из параметров, задающих способ производства и распределения, но, точно так же, аналогичным параметром является и то, каким образом люди скоординированы между собой и как они планируют поступать с конечным продуктом. Первый параметр отнесён Марксом к производительным силам, второй же отнесён к производственным отношениям, но, тем самым, уничтожена целостность способа производства и распределения. Обязательность замеченного Марксом противоречия – это притянутый за уши *deus ex machina*, а несостоятельность данной фикции будет проиллюстрирована следующим примером. В истории средневековой Европы весьма существенным был переход от индивидуальных ремесленников и цехов к мануфактурам, но обошёлся он без повсеместных революций. В цехах было много ограничений, а еще значительная часть подмастерьев так и не становилась мастерами, потому что мастерам было выгодно перманентно эксплуатировать их, стимулируя потенциальным присвоением статуса мастера как морковкой, показываемой перед носом. Затем же просто-напросто появились мануфактуры, свободные от цеховых ограничений. Пришедшие с ними перемены не менее значимы, чем перемены между рабовладением и феодализмом, ознаменованные Великим переселением народов и нашествием варваров на Римскую империю, или перемены между поздним феодализмом/абсолютизмом и капитализмом, ознаменованные Буржуазными революциями в Англии/Франции соответственно. Однако с распространением мануфактур нельзя связать никаких серьёзных социальных потрясений. К чему я клоню? А к тому, что, стремясь описать линейное развитие человечества (подчёркиваю: именно линейное), Маркс дал первостепенную роль одной из многих неустойчивостей способа производства и распределения, проигнорировав все остальные неустойчивости. В реальности же, функционирование общества изменяется из-за того, что способ производства и распределения становится неактуальным. Либо появляется что-то более привлекательное (как в разобранный примере), либо изменяются внешние условия (закончились ресурсы, например), либо старый способ даёт сбой и входит в кризис, либо происходит еще что-нибудь. То есть существует также немало других неустойчивостей,

методами не пропуская полицию к себе. Гораздо более перспективны те очаги сопротивления капитализму, в которых против него выступают народы, еще не подсевшие на иглу товарного производства. Например, тут же вспоминающиеся сапатисты. Хотя, это не самый удачный пример, так как они тоже иногда применяют мирные демонстрации с требованиями (читай: просьбами) к правительству.

Теперь посмотрим на то, что Маркс называл главным противоречием капитализма. На его взгляд, это было несоответствие между общественным характером производства и частным характером присвоения/потребления (в известной степени, присвоение и потребление эквивалентны друг другу). До появления мануфактур и, впоследствии, заводов, даже если какой-то объём работ выполнялся коллективно, то, всё равно, все участвовавшие в этом делали примерно одно и то же и можно было считать, что «каждый сам за себя», но просто они случайно оказались в одно и то же время в одном и том же месте. В условиях же капитализма так считать нельзя, поскольку глупо рассматривать рабочего, монотонно бьющего молотком, отдельно от тех, кто произвёл куски стали, по которым он долбит. Грубо говоря, это и называется общественным характером производства. А частным характером потребления называлась ситуация, при которой пролетарии жили в тесных комнатах, сдававшихся им в аренду, покупали второсортную еду в дешёвых лавочках и не имели условий для элементарного соблюдения гигиены, в то время как буржуазия обладала орудиями производства, наращивала капитал в своих руках и пользовалась широким спектром благ. Маркс, наивно веря в утрированные законы экономики, выдвинул гипотезу о дальнейшем обнищании индустриального пролетариата. Как видим, она не подтвердилась. И никакой всемирной революции рабочих, осознавших несправедливость капитализма, тоже не произошло. Сейчас обнаруженное им противоречие во многом уже снято. Да, люди, возглавляющие списки всяких Forbes'ов, пользуются гораздо большим количеством благ, но потребление, тем не менее, перестало быть частным. По отношению к развитым странам давно уже укоренился термин «общество массового потребления», а иногда последнее слово в этом выражении даже заменяют на «перепотребление». Следы размытия границ между бедными и богатыми можно увидеть и здесь, в России, где перед одним и тем же торгово-развлекательным центром рядом могут быть припаркованы «жигули-семёрка» и «BMW-X5». Наконец, что наиболее примечательно, охарактеризованные выше процессы затронули не только обычные товары, но и капитал: на отдельных предприятиях определённому кругу рабочих, дабы создать им стимул трудиться там же и дальше, выдают небольшое количество акций компании, на которую они работают. Безусловно, в странах Третьего мира о подобном говорить пока не приходится. Однако, на первый взгляд, ничто не мешает тому, чтобы через сколько-то лет и до них докатилось state of welfare. Лишь на первый взгляд, поскольку, как выше было замечено, запас прочности нашей планеты не бесконечен. Дело и в истощении невозобновимых ресурсов, и в истощении плодородия почвы, и в разрушении природного баланса. Постоянно расширяющиеся потребности среднестатистического благополучного человека при сохранении текущих условий не могут быть распространены на всё человечество даже сегодня, не говоря уже о ближайшем будущем, в котором меньше они точно не станут. Выведено такое правило как «расти или умри!», характеризующее капитализм и означающее, что при нём предприятие, выходящее на рынок, но переставшее набирать обороты, обречено загнаться. Непрерывное увеличение производства (и производительности) – это неустраняемая черта. Она была описана в книге Макса Вебера «Протестантская этика и дух капитализма», вышедшей в 1905-м году, и в книге Розы Люксембург «Накопление капитала», вышедшей в 1913-м. В первой работе акцент поставлен на социологическом аспекте и на реконструкции образа мыслей людей, живших в переходный период, когда отношения, построенные на наёмном труде, стали активно распространяться. Во второй работе акцент сделан на экономических аспектах. Но, так или иначе, очевидно, что на

в) ведение атаки на государство, капитал и людей, их представляющих (поясняя: атака – это необязательно бросание Молотова в опорки или харвестеры; атака – это то, чем противнику наносится ущерб, а также то, что сковывает противника в его действиях. Иногда ночные поджоги – это атака, а иногда они не атака; иногда создание внесоциальных образовательных центров и медпунктов – это атака, а иногда нет).

Чтобы понять, чем что-то является, часто бывает полезным понять, чем оно не является. Вспомним Россию 90-х, а точнее бастующих шахтёров. Они почти не участвовали в массовом потреблении по той хотя бы причине, что зарплату им не платили. Основу их скудного рациона составляло выращенное на огородах или добытое какими-нибудь иными ухищрениями, а о смене одежды им думать не приходилось – короче, пункт б) в активе. Атак тоже было предостаточно – забастовки, митинги, «рельсовые войны». Но вот с пунктом а) – несостыковка. Шахтёры рассматривали себя как шахтёров и в силу этого, как бы ни ненавидели властимущих, в полной мере отрицать Систему не могли, подменяя такое отрицание выдвижением частичных требований. Примеры без пункта в) распространены гораздо шире. Это и хиппи, и сквоттеры, и дауншифтеры, и монахи, и просто жители глухих деревень, не затронутых капитализмом. Однако их существование в его сегодняшнем виде полностью приемлемо для государства. Наконец, пример без пункта б) – некоторые уголовники. А именно те, что грабят не бедных, а богатых, а еще нигде не работают. Заработанное криминальным путём они тратят в обычных магазинах и, даже если потом не институционализируются, став «ворами в законе» и чиновниками, то уже из-за одного этого не могут быть революционными.

На самом деле, стоило бы также добавить четвёртый критерий – некую «сознательность», но мне этого делать не хочется, потому что непонятно, что за ЦК Анархо-Партии будет эту сознательность замерять и решать, кто годен или не годен. По идее, возможно существование человека, который является мизантропом, в силу чего живёт в лесах на самообеспечении, а еще этот мизантроп яростный расист, но во время своих преднамеренных поездок в города убивает он не только негров, но и мусоров, потому что те ему тоже не нравятся. Данного типа сложно назвать склонным к либертарной революции, хотя по всем трём пунктам он подходит. К счастью, то, что он не может быть анархистом, очевидно. Но, так или иначе, к трём сугубо объективным критериям, похоже, придётся также добавить дополнительный субъективный. И, пожалуй, его так-таки можно сформулировать в относительно приемлемом виде:

г) отсутствие стремлений к дискриминации и эксплуатации.

Спрашивается: а если и эти не подходят, и те не подходят, то где же тогда настоящие исключённые? Не в теории, а на практике – где они? Ныне их немного и полностью к ним можно отнести только некоторых мигрантов и маргиналов. На самом деле, ничего удивительного в этом нет. Исключённые – по определению, заклятые враги Системы. Они в ней нисколько не нуждаются, она на них не влияет, но зато они ненавидят её. Если бы исключённых было много, то тогда не осталось бы никакой Системы и жили бы мы при анархии. Но, в то же время, для роста количества исключённых нет никаких препятствий. Приведённые примеры показывают, что немало тех, кто удовлетворяет всем критериям кроме одного. Одни умеют обеспечивать себя всем необходимым, другие умеют поджигать банки и взрывать автомобили, а третьи умеют отсеивать навязываемую им извне шелуху. Осталось только соединить эти умения. Лозунг «Заведи огород – стань революционером!» звучит абсурдно, но в том-то и дело, что человек, покупающий продукты в супермаркете, никогда не пойдёт громить этот супермаркет, откуда его пичкают картонным мясом, соевой колбасой и порошковым молоком. Одних либертарных идей не хватит, одних огородов не хватит, одних Молотовых не хватит, но если собрать

всё возможное воедино, Система получит смертельный удар. Для такого единения будет достаточно сделать гораздо меньше, чем могло бы показаться на первый взгляд, потому что многие люди, повторяю, и так соединили в себе почти всё необходимое.

Кто-то может возразить, что не все же рабочие такие, как наш «сытый рабочий». Не знаю как вы, а лично я скептически отношусь к возможности чисто-марксистских революций в странах Третьего мира. Или из них ничего не выйдет кроме смены вывесок и непринципиальных перемен в общественных отношениях, или же эти революции будут нести в себе не только черты пролетарской борьбы за справедливость и обобществление, но и черты устранения зависимости от товарного производства. Еще можно сказать, что и в развитых странах не все рабочие одинаковы. Есть пролетарии, которые у себя дома читают революционную литературу, а на заводе агитируют среди товарищей и, время от времени, экспроприируют те материалы, которые им нужны в личном хозяйстве. Но давайте подумаем: а что привлекло наше внимание к такому рабочему? Отнюдь не то, что его зарплата меньше эквивалента произведённой им прибавочной стоимости – таких рабочих вокруг пруд пруди. Всё дело в его маргинальности и в его девиациях: пока одни читают PlayBoy/«про тачки»/Ikea, он читает Бакунина; пока одни закупаются в торговых центрах, он думает, а не проще ли будет стырить нужное у буржуа; пока одни всем довольны, он против чего-то бунтует. Именно в девиантном поведении заключается причина того, почему нам так интересен подобный человек, а его классовая принадлежность здесь ни при чём. Однако одна из наиболее важных причин переходить от акцентирования на пролетариате к акцентированию на исключённых заключается даже не в этом. Среди левых стало модным ныть, что правые «воруют» у них лозунги и перенимают себе их риторику. Значит же это только то, что левые давно перестали быть опасными для Системы, скатившись к реформизму и попыткам улучшить мировую тюрьму. Правые, в свою очередь, занимаются тем же, с точностью до специфического взгляда на вещи и с исключениями на радикалов. Потенциал для слияния налицо. И что такое «русский пролетарий» я вполне себе могу представить – это тот, кто приносит много прибавочной стоимости для России и кому за это надо обеспечить более хорошие условия эксплуатации, чтобы он и дальше продолжал стараться. А вот «русских исключённых» не может быть в принципе, потому что исключённые всегда вне государств по определению исключённых, а без государств нет наций по определению наций. С другой стороны, классовая принадлежность, всё же, не является пустым звуком – она дуалистична, и помимо пролетариата есть еще буржуазия. Лично я всецело согласен с высказыванием Эмиля Анри: «Невиновных буржуев не бывает» - правда, если понимать здесь под буржуями только крупных воротил, а не мелких собственников, никому не причиняющих вреда. А вот с исключёнными такого дуализма, кстати, нет. Конечно, можно определить включённых как полную противоположность изложенному в первых трёх пунктах и сказать, что включённые – это потребляды, которые лояльны к Системе и трудятся на её благо, но особого смысла в этом я не вижу. Подавляющее большинство населения земного шара окажется и не исключёнными, и не включёнными, причем если рост числа исключённых вполне возможен, то вот на рост числа включённых есть такие ограничительные пороги как, скажем, «золотой миллиард».

Остаётся ответить на упреки в том, что концепция, которой посвящена статья, возвращает назад к натуральному хозяйству. Надо сказать, что это передёргивание и никто не утверждает, что в итоге будет то, что называют натуральным хозяйством. Что получится – это вопрос сложный и детально ответить на него, если и можно, то уж никак не в рамках текущей публикации. Очевидны две вещи – результат будет лучше, чем те перспективы, которые сулит капитализм, а социально-экономические отношения станут более примитивными. Но ничего плохого в этом нет – как известно, чем проще устроена система (последнее слово употреблено в его нейтральном значении), тем ниже

возможность этого делала детерминизм научно доказанным. Концепция того, что будущее может пойти по неоднозначным сценариям, считалась нелепой. Отсюда и проистекала (в силу, как бы поточнее выразиться, «культурологического переноса по смежности») вера Маркса в то, что человечество линейно развивается, а один строй нельзя заменить другим просто потому, что людям так захотелось, если перед этим не развились все нужные для этого антагонизмы. Ныне же теория относительности по-иному понимает время, а квантовая механика описывает электроны и другие частицы не как твёрдые шарики, а как вероятности самих же себя. То есть нельзя даже сказать, где ровно сейчас находится электрон – можно лишь утверждать, что, скорее всего, в пределах той области, которую в учебниках по химии называют «электронным облаком» или орбиталью. Детерминизм опровергнут и стал уделом фанатиков-теистов. И если анархисты считают человека способным на свободу, то тогда из этого вытекает, что больше нет непреодолимых причин, мешающих реализовать эту свободу или какие угодно общественные отношения прямо сейчас. Степень противоречий строя или уровень развитости общества не препятствуют этому, а это уже другой вопрос, что могли иметься частные причины, из-за которых какая-то попытка прийти к новым отношениям оказалась провальной.

В-третьих, во времена Маркса господствовал культ разума. Считалось, что человек поступает рационально и нет ничего, что не могло бы быть постигнуто людским сознанием. Соответственно, вводилась абстракция, называемая «человек экономический». Предполагалось, что каждый руководствуется почти что одними лишь экономическими интересами, а кто поступает не так, тот «романтик» и дурачок. Однако, если вдуматься, то кто это обещал потомкам обезьяны или кого там еще, что мир будет устроен в соответствии с их мозгами? Учёные-физики давно уже понимают, что все теории и все эксперименты могут быть верными лишь с поправкой на какую-то погрешность и за вычетом ряда условий, при которых всё в корне меняется. Нет оснований не только для принятия разума научного, но и для принятия разума «цивилизационного»: после смерти Маркса был 20-й век, полный социальных потрясений, во время которых люди действовали так, что это было совершенно иррационально и вредоносно. Современная наука склонна понимать человека как сложно устроенное существо, зависящее не от одних лишь экономических обстоятельств, а также от причин социальных, психологических, биологических и так далее. И это тоже нельзя игнорировать.

Наконец, тесно связана с двумя предыдущими пунктами следующая ошибка Маркса. Он полагал, что частые рабочие восстания, происходившие при его жизни, объясняются революционностью пролетариата, берущейся из его экономической роли. Ныне же ни для кого не секрет, что их причины не были такими – это даже некоторые марксисты признают. На самом деле, слой тогдашних заводских трудящихся был сконцентрирован в городах и на заводах недавно. Кто-то приехал из деревни, а у кого-то, хоть он и родился в городе, приехали из деревни родители. Сохранялись традиции крестьянских общин, такие как взаимопомощь и коллективность. Не светлая вера в коммунизм, а именно эти традиции побуждали бунтовавших пролетариев действовать так, как будто они бьются за коммунизм. Ну а крестьян Маркс почему-то считал отсталыми (зато на них рассчитывал его оппонент Бакунин). Прошло свыше ста лет, и что мы видим? Общинные традиции разрушены, в современном массовом обществе многие часто даже не знают, как зовут их соседей этажом выше, индустриализация наполняет труд абсурдом, а население довольно бесконечным потреблением однообразного и ненужного. Если в развитых странах и происходят выступления протестующих, то выглядят они уныло и, что тоже немаловажно, почему-то во время них есть только лозунги, по большей части умеренные и реформистские, но нет жертв со стороны чиновников и полицейских. Страх применить настоящее насилие иногда доходит до совсем позорного. Так, например, недавно выложили на Ютуб видео, в котором Деррик Дженсен сообщает, что во время «сидячей» акции «Occupy Oakland» произошло не менее трёх случаев изнасилования, но сами протестующие остановить насильников постеснялись, в то же время чисто хипповскими

Включение v0.1

«Собственность есть кража» - изрѣк некогда Прудон. А интеллектуальная собственность и подавно, так как от того, что кто-то еще пользуется той же самой информацией, её качество не ухудшается. От нарушений копирайта те, кто мог легально пользоваться подлежащим этому копирайту, ничего не теряют в своём пользовании, но зато другие тоже получают доступ к нему. Анархисты, осознавая это, выступают за копилефт. И так сложилось, что за последние полтора века они многое «скопилефтили» у марксистов, начав оперировать такими терминами как «пролетариат», «классовая борьба», «прибавочная стоимость» и так далее. Но, как говорится, не всё то золото, что блестит. Не всё, что можно взять, стоит тут же брать. Зачастую пустая рука лучше, чем рука, вынужденная сжимать ненужную безделушку. Короче, в данном материале я хочу провести критику марксизма, дополняющую то, что уже было изложено в статье «Если будущее есть, то оно не в пролах...», а также изложить смутные наброски новой теории. Не стоит воспринимать эту публикацию как научную в узком смысле последнего слова. Это всего лишь набор случайных интересных мыслей и нетривиальных логических ходов. Это только один из верстовых столбов с указателем, приблизительно направленным туда, куда, пожалуй, можно бы было двигаться. Это просто обобщение некоторых результатов размышлений над прочитанным, бесед или онлайн-дискуссий.

Прежде всего, восстановим важные детали исторического контекста, в котором Маркс делал свои выводы. Во-первых, технология в то время еще не сделала человека выделенным объектом живой природы. Только в 1960-е биомасса человечества (пусть и с учётом домашних животных) превысила всю остальную биомассу, что позволило говорить о перенаселении планеты, экологических катастрофах и дисбалансе, взявшемся из-за развития цивилизации. В 19-м же веке взгляды людей на этот вопрос не особо отличались от взглядов, распространённых в предшествующие эпохи. А каковы были эти взгляды? Эмпирика повседневной жизни говорила, что природа часто бывает непредсказуемым врагом: в лесах нападали хищные животные, деревянные поселения могли сгорать из-за ударов молний, засуха оборачивалась неурожаем, а морские бури топили корабли. Технология казалась тем, что избавит от угроз, скрытых в мире: замена палки на ружьё – и хищники не страшны, ну а каменным домам не опасны молнии, равно как и большие и прочные суда гораздо устойчивее к штормам. То, что атмосферу можно загрязнить, никому не приходило в голову: воздух и воздух, что с ним станется? Аналогично, никто не был в силах предсказать, что когда-то люди будут озабочены таянием льдов и другими подобными проблемами. И если раньше угрозу в развитии науки и техники видели только религиозные ортодоксы, то ныне каждый мыслящий человек понимает, что сегодняшний уровень достижений прогресса позволяет устроить ядерную зиму или глобальное потепление, а еще есть перспективы внедрения контроля над сознанием. Никакой естественный катаклизм не в состоянии в одночасье уничтожить всё человечество и никакая эпидемия на это тоже не способна, но сотни-другой атомных боеголовок хватит. Технология стала опаснее дикой природы. Это надо учитывать, а марксизм не только не учитывает, но и опирается на прямо противоположную предпосылку.

Во-вторых, в то время в физике придерживались ньютоновской механики. Мир считался состоящим из твёрдых шариков, именуемых атомами. У каждого из них, казалось бы, в некий фиксированный момент времени в некоторой инерциальной системе отсчёта строго определённая скорость и строго определённое ускорение. Таким образом, согласно трём законам Ньютона, по идее, зная весь этот набор данных, гипотетически можно абсолютно точно рассчитать, что будет в будущем. Естественно, на арифмометре Лейбница или на машине Ады Байрон все эти вычисления ни в жизнь не провести, как, впрочем, и на современном суперкомпьютере, но, так или иначе, даже предполагаемая

вероятность внутреннего сбоя в ней и тем легче будет ей восстановиться после повреждений. Просьба не путать этот факт с тем, что чем разнообразнее система, тем она устойчивее к непредвиденным внешним воздействиям – примитивность устройства и разнообразие не взаимоисключают друг друга. Более того, как раз примитивность социально-экономических отношений обеспечит больше свободного времени для биологических/человеческих отношений между личностями, а это поспособствует их развитию и разнообразию среди полноценных индивидуумов.

Можно еще заметить, что любая революция в какой-то степени осуществляется маргиналами, но социальная революция исключённых будет в придачу еще и революцией во имя маргинальности. В этом тоже нет ничего плохого. Анархист – это Вечный Маргинал, которому любые ролевые модели будут тесны и который поэтому отвергает их все. Прочитирую по памяти чьи-то слова, к сожалению, не помню, чьи именно: «Хватит строить анархию, хватит бороться за анархию – настало время быть анархией!».

Еще раз о том, почему а-движ заглатывает

Ниже неновые мысли о том, отчего нынешний российский анархизм имеет весьма скудные перспективы.

ПРАКТИКА: Десять лет назад рос лес около Химок, но никому он тогда не был нужен. Власти решили его срубить – начались многочисленные и разноформатные акции протеста против этого. Школьное образование пребывало в стагнации на низком уровне, но дальше словесной критики дело не шло. Решили власти провести коммерциализацию и подготовили соответствующую реформу – в некоторых городах анархисты тут же провели митинги против этого. Была ветвь судебной власти тесно взаимосвязана с ветвью исполнительной власти, но «чёрно-красные», опять же, не особо против этого протестовали. А как сфабриковали дело Андрея Кутузова, по которому потом суд вынес обвинительный приговор – так сразу акции. Ну а сейчас наблюдается аналогичная ситуация с делом Артёма Быстрова. Показывали во всех кинотеатрах фильм «Тарас Бульба», содержащий в себе речь о национальной исключительности русских; заставляли в школах и вузах зубрить даты побед России над другими государствами; крутили по радио патриотические песни – нехорошо, но критиковали и расходились. Не в последнюю очередь именно из-за этого развелось много ультраправых, а когда они нападают на анархистов, так тут же появляется нужда в отместку прыгать на боновские гиги.

Всё это, по идее, известные факты. Однако вот что из них надо вычленишь. Во-первых, анархисты, оказывается, борются не с государством, не с капиталом и не с пресловутой Системой. Борются они либо с отдельно взятыми вредоносными проектами, которые Система планирует реализовать (случай с Химкинским лесом и реформой образования), либо же со следствиями, порождёнными Системой (засилье фашистов и произвол силовых структур). Сама же Система остаётся целой и невредимой. Ей не будет нанесено никакого ущерба, если посадить пару ментов, «эшников» и их друзей-судей, а на их должности взять кого-нибудь другого. Уличных наци-гопников властям и подавно не жалко. Что уж и говорить, если анархисты помогут государству и не дадут ему совершить какую-нибудь ошибку вроде реформы образования. Это уже другой вопрос, что коммерциализация бюджетной сферы вызвана не непосредственно тупостью и злонамеренностью чиновников, а текущей экономической ситуацией, в силу чего десяток малочисленных митингов пройдёт совершенно безрезультатно. Кстати, обратите внимание, что в данном случае акции принципиально не могли привести к отмене того, против чего они были направлены.

Пойдём дальше. Во-вторых, выбранные форматы предпринимаемых действий автоматически приводят к положению, в котором Система всякий раз на шаг впереди. Только когда уже были разработаны и опубликованы проекты строительства на месте леса платной трассы, стало возможным узнать про них и протестовать против них. Аналогичным образом, невозможно проводить мероприятия, способствующие освобождению социально активных людей, если таких людей до этого уже не арестовали. Ввиду дичайшего количественного превосходства государственных структур, для анархистов просто-напросто недопустимо давать противнику фору во времени. А значит, ни в коем случае нельзя заикаться исключительно на акциях, провести которые можно лишь после того, как власти где-то намудачили. Стоит самим вести наступление на Систему, а не ждать, пока она в очередной раз ударит по обществу или по отдельным лицам. К сожалению, о действиях опережающего характера со стороны а-движа я пока ничего не знаю.

д) научиться производить нужные в повседневной жизни продукты (чем более полным образом, тем лучше) и внедрять производственные кооперативы, в которых ориентиром станет не товарное производство, а удовлетворение потребностей, и в которых не будет разделения труда и статичного круга выпускаемых изделий.

Список не претендует на всеохватность. Это только перечень того, от чего можно оттолкнуться. Но, во всяком случае, ответ на вопрос о кратковременной реализуемости в нём содержится – каждый, кто хочет делать что-то осмысленное, выбирает то, что ему ближе, или придумывает что-то новое и занимается этим. В вопросе же о долгосрочной реализуемости неясным может быть только один момент – а не окажется ли всё это слишком палевным? Якобы, люди, которые начали что-то выращивать в деревне, могут привлечь к себе внимание государства и засветиться. Но ведь всякие анастасийцы, дауншифтеры и прочие как-то же живут схожим образом. Чем анархисты-то хуже? Достаточно всего лишь не рисовать на всё крыльцо «а в круге» и не ходить, как субкультурщик на гиге. При должном соблюдении банальных мер предосторожности никто не догадается о взглядах поселенцев. Да и необязательно сразу переходить на полностью автономный вариант. Можно жить в городе, работать на какой-нибудь непыльной работе, не противоречащей убеждениям и пристрастиям, а в свободное время ездить с друзьями в лес и там заниматься сельским хозяйством, ну а дома на досуге иногда самостоятельно что-нибудь мастерить. При таком раскладе, человек, хоть и отчасти «включён», но в случае кризиса Системы альтернативная жизнь не покажется ему terra incognita, так как необходимый опыт будет. А ещё можно сколько-то лет «потренироваться» в таком формате, и только после этого перейти уже к более «исключённому» образу жизни. Так или иначе, но непосредственно в поездках на природу или в закупке материалов уж точно нет ничего подозрительного для сотрудников спецслужб. С другой стороны, как раз, на митингах, куда обязательно придут менты с видеокамерами, засветить своё лицо как нефиг делать. Что же касается нелегальной деятельности, то и здесь, точно так же, модель анархо-общества позволит обеспечить большую безопасность. В городе полно видеокамер и путь с места атаки до места жительства не раз пройдёт по обозреваемой ими территории – в лесу видеокамер нет и финальная часть пути назад окажется целиком в «слепой зоне». В городе хранить ингредиенты можно почти что только у себя в квартире, куда, если что, и придут с обыском, а вот в лесу выбирай любое дерево и прячь под ним – обследовать целую рощу гораздо сложнее, чем шестьдесят квадратных метров бетона, да и мало ли кто что в дремучих лесах оставить мог. Подобных довольно очевидных сравнений можно провести много, потому что современные города развивались в соответствии с планами государства и, в силу этой причины, являются малоприспособными на роль очагов, из которых распространится анархия. Если же умозрительные построения не убеждают, то тогда пример из реальной жизни. Тед Качински свыше 15 лет жил в одиночестве в фанерной хижине и рассылал бомбы, но поймали его отнюдь не из-за того, что его образ жизни привлёк к себе внимание, а по нелепой случайности – брат узнал его стиль в стиле Манифеста. Не было бы у Теда брата, так и дальше продолжал бы он взрывать технократов, поскольку дорогостоящие планы ФБР по поимке Унабомбера не принесли результата. А вот среди современных «включённых» радикалов что «Новая революционная альтернатива» в России, что «Революционное Действие» в Белоруссии не смогли продержаться не то, что 15, а и 5 лет, причём гэбня не тратила на их ликвидацию очень уж много средств. Неважно, нужен ли прямо сейчас экстремизм или не нужен – в любом случае, анархо-общество по всем параметрам побивает организации. Так чего мы ждём?

отчасти будет можно жить, «как при анархии» и одно это – достаточный стимул. Короче, чем вам не перемены, которые позволят движухе стать по-настоящему сильной и осмысленной?

Разобрав общие преимущества, остановлюсь на отдельных частностях подробнее. Как известно, стоит серьёзная проблема, что неофиты долго не задерживаются и большинство так называемых «кандидатов» так и не становятся постоянными активистами. Конечно, никудашная «кадровая работа» тоже вносит свою лепту, но не в ней дело: даже если бы новичков всячески умасливали, то, всё равно, они видели бы, что почти ничего не происходит, и уходили. Может возникнуть мнение, что дезинтегрированная деятельность окажется сложной и люди станут «перегорать» еще быстрее. Тем более, если учесть, что не было приведено ни одного примера кроме Теда Качински, который теперь сидит в особо охраняемой тюрьме. Но заметьте, что одно дело – «исключённая» борьба и другое дело – «исключённая» деятельность. Развивать анархо-общество, как уже было сказано, можно и легальными методами (как всегда напоминаю, что легальность – понятие относительное, и когда анархи станут опаснее для Системы, спектр легального сократят). И что мы увидим, проведя сравнение? В организации к сегодняшнему дню такая ситуация: шесть дней в неделю люди учатся в рамках системы образования или работают в рамках системы товарного производства, а в единственный выходной едут в какую-нибудь точку Москвы, теряя в среднем час на дорогу и порядка двух часов на мероприятие. Не лучше ли в свободное время вместо унылых митингов читать книги и заниматься спортом, дабы быть более подготовленными к началу массовых волнений, если вы их так ждёте? А если вы их не ждёте и считаете, что начинать надо с себя, то нужно отдавать предпочтение обществу, а не организациям. При создании альтернативного общества люди не кричат слова на ветер, а или обустривают помещения, которые им пригодятся для себя/для нужд движения в целом, или приобретают полезные навыки, или удовлетворяют свои потребности автономно от Системы. Даже сам процесс, безотносительно к его результатам, явно приятнее и интереснее нынешних акций, не говоря уже о том, что если всё пойдёт успешно, то больше не понадобится ходить на дебильную учёбу/работу, потому что всё нужное для жизни можно будет получать «анархично». Напоминаю, начинали мы это всё с того, что «люди быстро уходят» - так вот, когда есть такие перспективы, а не одно лишь топтание на месте по пустым скверам и безлюдным набережным, то тогда нет поводов для разочарования. А вдобавок ряд перспектив обеспечивается еще и тем, что анархо-общество даст агитацию работоспособными сквотами/коммунами/кооперативами вместо агитации бумажками и граффити, плюс даст опыт жизни при безвластии, плюс в случае революционной ситуации снабдит анархистов необходимыми продуктами и ресурсами, достать которые обычным (то есть внутрисистемным) способом может оказаться проблематично.

Отвечать на вопрос «что делать?» я не намерен – ищите себе другого претендента на роль мессии. Но, дабы не было поводов говорить, что я всех полил грязью, а сам предложил что-то абстрактное и невнятное, размещу небольшой список тех частных активностей, начать заниматься которыми можно уже в ближайшем будущем и которые станут шагом на пути развития анархо-общества:

- а) завести на пустующей/удалённой земле огород/сад
- б) обустроить сквот (лучше, не с целью развлечения, а с целью реально жить там, пользуясь вытекающей из такого образа жизни свободой)
- в) совместить а) и б), создав сельскую коммуну в покинутой деревне
- г) в заброшенном городском помещении запилить площадку для обмена знаниями и умениями, куда можно будет приглашать всех желающих (в случае открытости, название инициативы лучше делать не содержащим слова «анархия» и однокоренных с ним)

В-третьих, вернусь к теме митингов на пятнадцать человек в глухом сквере. Ежу понятно, что если спровоцировавший их проект обошёлся государству в миллионы рублей, то толку от них не будет. Проведение таких акций обуславливается «тусовочностью». Если у кого-то данное слово вызывает неотступные ассоциации с говнарями и панк-роком, то учтите, что я имел в виду отнюдь не это. Как синоним можно употребить фразу «активизм ради активизма». В принципе, про такое явление уже писали очень много, и останавливаться на нём подробно я не буду. Только замечу, что драки с «анти-антифа» в определённом круге мест – это пример доведения «тусовочности» до абсурда. Подобный абсурд становится возможным, если отождествлять внешние угрозы для анархистского движения с проблемами всего общества. В свою очередь, отказ от данного отождествления подводит к тому, что не всякое социально-ориентированное действие есть шаг на пути изменения мира к лучшему. Такие действия как, скажем, борьба с «анти-антифа» лишь расчищают плацдарм для по-настоящему нужных действий. Если плацдарм относительно чист, то бессмысленно надраивать его до абсолютного блеска. Не менее бессмысленно просто расчищать плацдарм, не производя сразу же после этого атак или манёвров, а надеясь, что отныне он навсегда останется свободным. Именно исходя из этих простых советов надо решать проблемы, являющиеся проблемами исключительно для анархо-активистов.

Три причины, перечисленные мной, следуют в порядке убывания их значимости. Так или иначе, но в силу обуславливаемых ими факторов коэффициент полезного действия российских анархистов колеблется где-то в районе нулевой отметки. И я утверждаю, что если никаких принципиальных перемен в ближайшем будущем не произойдёт, то он там так и останется. На это можно возразить, что даже если акция не достигает заявленного результата и не наносит Системе урон, то она может принести за собой эффект «агитации действием». Например, увидит кто-нибудь, как на окраине города крутая компания людей в балаклавах жжёт фаера и кричит радикальные лозунги, и тоже станет анархистом. Мнение небезосновательное и отчасти верное. Но вот в чём загвоздка: для убеждённых поклонников «ЕдРа»/ЛДПР/царя-батюшки/Сталина/etc увиденное будет всего лишь актом хулиганства. То же самое можно отнести к тем, кто возвращается домой с работы, вполне устав для того, чтобы воспринимать новое. Если человек всего лишь недоволен государством, то одно это тоже не будет достаточным условием восприимчивости к «агитации действием»: недовольны правительством почти все, но из них почти все не верят в то, что общество проживёт без обособленной от него власти. Как видим, соответствующий круг довольно узок: это должны быть те, кто изначально имел точки соприкосновения с анархизмом плюс не наложил на себя никаких серьёзных обязательств по содержанию семьи (как бы, наличие детей сковывает и всё такое). В реалиях современности таких людей немного. После учёта того обстоятельства, что регулярно часть активистов уходит из социальной борьбы, получаем, что на сегодняшний день подобные новые притоки позволяют лишь поддерживать численность движения примерно на одном и том же уровне. Не будем забывать и о том, что вопрос количества не отменяет нерешённого вопроса о качестве. В Греции в количественном плане анархи гораздо успешнее, но, тем не менее, они так и не смогли выработать стратегию, которая позволила бы им сокрушить Систему.

Заговорив о выработке стратегии, мы плавно подошли к следующей части обзора.

ТЕОРИЯ: С одной стороны, без теории нет и содержательной практики, а поэтому этот пункт не менее важен, чем предыдущий. С другой стороны, особо писать не о чем, потому что кроме «Анархистских писем» Рябова лично я не знаю ни одной написанной недавно и на территории СНГ книги, претендующей на статус работы, освещающей теоретические вопросы. Более того, для отдельных анархистов вся теория заканчивается на кричалке про чёрный флаг, хардкорных строчках: «Государство – отстой! Все партии –

отстой!» и псевдоисторическом рассуждении «Махно – the best». Заострю внимание на трёх показательных моментах, а потом продолжу свои скучные и высокомерные нравоучения.

Во-первых, многим свойственна то ли поверхностная категоричность, то ли категоричная поверхностность. Поясню на примере: «Анархо-примитивизм – это течение, призывающее отказаться от городского образа жизни и технологий, а затем вернуться в пещеры. Повстанческий анархизм – это течение, ставящее первостепенные акценты на акциях прямого действия, таких как взрывы и поджоги, а также призывающее вместо организаций действовать аффинити-группами». На этих двух откровенно убогих предложениях заканчиваются все представления человека о соответствующих направлениях анархизма, но зато он, где-нибудь едва услышав о Зерзане или Бонанно, тут же презрительно ото всего отмахивается, огульно сославшись на критику, которой критикует выраженное им самим же в вышеприведённых предложениях. Я не утверждаю, что примитивисты или инсуррекционалисты делают верные выводы, но я утверждаю, что любой текст неоднороден: в нём всегда есть более сильные и более слабые места. Хватит делить течения анархизма на «кошерные» и «некошерные» с тем только, чтобы потом опровергать надуманные химеры. Нужно из каждого брать его лучшие аспекты и синтезировать новые подходы и взгляды. Кто-то может сказать, что так можно дойти до того, что начнём изучать всякие «национал-анархизмы» и «анархо-фашизмы», тем самым размыв и исказив первоначальные идеи. Всё с точностью да наоборот. Поверхностность порождает перлы вида «анархизм – это когда против государства» и «национализм – это когда за русских». При таких говноопределениях никакой несовместимости анархизма с национализмом не видно. Но вот более детальное изучение различных теорий уже позволит увидеть, что не всегда всё можно соединить со всем. Грамотный синтез ведёт не только к слиянию, но и к резкому отторжению неприемлемого. Изучайте и синтезируйте, короче...

Во-вторых, нелишне указать на «консервативность», проявляющуюся в анархистских рассуждениях. «Консервативны» многие в том плане, что до сих пор верят в миф о злых чиновниках и буржуах, которые управляют государством и капиталистическими корпорациями с тем только, чтобы обманывать обычных людей, которые все такие хорошие и только из-за СМИ и нехватки правильной агитации верят в то, что нужна власть. Однако, скажу вам по секрету, всё гораздо сложнее. Государства стали возникать не из-за афёры, провёрнутой коварными людьми. И держатся они не только на обмане, осуществляемом в пользу властимущих. Предлагаю провести эксперимент: кто сможет привести не проэтатистские и не пробуржуазные аргументы в пользу разделения труда? Вот то-то же. Но почему тогда критика разделения труда начисто пропадает в потоках однообразной критики в адрес правительств? На самом деле, то, как появляются, развиваются и функционируют государства – это до сих пор не исследованный вопрос. Заделать данные «белые пятна» хорошо бы как можно скорее.

В-третьих, на подавляющем большинстве анархо-сайтов взят за основу «принцип блога», когда новые записи появляются сверху, потом постепенно съезжают вниз, и, наконец, исчезают с главной страницы. Наверное, в самом таком подходе к оформлению сайта ничего плохого нет. Но плохо, что отсутствуют нормальные функционалы для работы со старыми материалами. Допустим, пару лет назад была написана интересная и умная статья. Всё её похвалили, она попала в топ-10 самых читаемых, но, со временем, скрылась в архивах сайта где-то между анонсами намечавшихся унылых пикетов и отчётами о прошедших унылых пикетах. И как теперь её найти тому, кто заинтересовался анархизмом лишь недавно? Предположим, человек еще не до конца определился со своими взглядами, симпатизирует нам, но сомневается. Заходит он на сайт, а там всё

и не наступит разруха, то у людей точно будут более серьёзные заботы, чем читать то, что написано на заборах (нет, найдутся, конечно, те, кто только будет бегать и подсчитывать, «красные» или «белые» больше накалякали, но хрен с такими идиотами). Наконец, что объединяет пикеты, концерты и граффити – так это то, что они все проводятся с целью привлечь внимание к анархизму. Однако если кроме них ничего не будет, то получится, что все лозунги можно свести к одному: «Становись анархистом! Тогда ты сможешь говорить остальным, чтобы они тоже становились анархистами!». После данного карикатурного призыва хорошо видно, что «включённая» легальная деятельность способна лишь вариться в собственном соку. Ну и, естественно, при дестабилизации обстановки отвлечённо агитировать уже поздно – поскольку ничто не появляется в одночасье, то, чтобы люди, так-таки, становились анархистами, возникнет необходимость в существовании предварительно созданных работоспособных анархистских структур. Подчеркну, созданных именно предварительно.

Настало время для конструктивных предложений – не всё же время лишь критиковать. Если коротко, то я предлагаю отказаться от задействованности в активистских организациях, которые сегодня все как одна занимаются лишь собственным пиаром, в пользу создания здесь и сейчас анархического общества, максимально автономного от Системы. Может показаться, что советуется эскапизм. Сделаю необходимые уточнения. «Автономное» – означает «независимое», а не «невзаимодействующее». Ничто не запрещает вовлекать других людей в деятельность либертарных инициатив. Некоторые инициативы, вообще, можно не позиционировать как анархистские, но, тем не менее, развивать в их рамках анархистские общественные отношения, то есть отношения без иерархии, централизации, отчуждения, дискриминации и прочих «даров Системы». Также можно умело использовать «диффузию обществ», внедряясь в то, что имеется сейчас, и превращая это в функционирующее в соответствии с нашими принципами. Помимо только что рассмотренного, еще бывает возражение, что всё это, наверное, хорошо, но, тем не менее, ограничено рамками «построения анархизма в сети отдельно взятых проектов», а ущерба государству и капиталу не наносит. На это отвечаю, что концепция создания альтернативного общества не противоречит проведению атак. Только стоит понимать, что Система навряд ли падёт тогда, когда она работает исправно. Её падению будет предшествовать кризис, а, пока он длится, успешно воплощённые в жизнь анархистские модели общественного устройства станут своеобразной «мирной» атакой на государства и капитал, поскольку они будут наглядно пояснять, что можно жить без подчинения и товарного производства. Если же говорить об атаках в буквальном смысле этого слова, то члены анархо-социума по своему желанию смогут их проводить, однако, в отличие от «включённых» радикалов, делать это будут не с целью уничтожить «всё плохое» (как будто это достижимо одним лишь насилием). Мотивацией может быть либо просто личный интерес, либо желание поднабраться опыта боевых действий, чтобы быть готовыми к революции, либо стремление катализировать приближение кризиса за счёт уничтожения слабо защищённых узлов Системы. В общем и целом, переход движения в вышеописанный формат – это, на мой взгляд, чуть ли не панацея от всего сегодняшнего убожества. Отвлечённый активизм в воскресенье с трёх до пяти? Ну так организация на то и организация, чтобы «жить» только за счёт акций, в то время как общество существует всегда и целостно. Люди «не агитируются»? Так а с чего бы кому-то верить в неведомые коммуны Испании или исландских викингов, если ровно здесь и сейчас все работают на иерархических производствах, но только большинство в свободное время отдыхает, а меньшинство зачем-то бежит и клеит листовочки про идеальное общество, даже не пытаясь приблизиться к нему в реальности. Приходится постоянно что-то делать во имя чего-то, но нет результатов? Так ведь организация много своих сил тратит на поддержание желаемого мнения о себе, то есть вступает в безвыигрышную гонку со СМИ и реальностью, а вот в анархо-обществе уже сегодня

такое «совмещение» из-за заключённого в нём противоречия приводит к подмене анархизма массовыми шоу. Не буду писать о России, где анархи регулярно проводить могут только легальные марши. Посмотрим на Европу – я утверждаю, что широкие волнения рабочих и госслужащих, вспыхивающие то в одной, то в другой стране, ни к чему не приведут. «Оссиру Rome» и горящая итальянская столица, говорите? А летом был горящий Лондон и на Индимедиа мне кто-то активно доказывал, что грабежами магазинов пролетариат доказал свою революционную состоятельность. Конечно, я рад, что некоторые рабочие нахалству обзавелись скрипками и ноутами (но нашлись и те, кто догадался только стырить плазменный зомбоящик, чтобы лыбиться в MTV перед широким экраном). Однако Система-то осталась. И «Прямое участие» ни к чему не привело. И в Греции уже с правительством столько лет рубятся, а государство живёт и живёт. Можно возразить, что не всё в одночасье делается. Якобы надо продолжать – один раз власти выстояли, во второй раз тоже выстоят, но как только хотя бы один раз не выстоят, так им конец и придёт. В ответ напоминаю про противоречие, заключённое в концепции борьбы с Системой методами, для которых нужна Система. Более того, анархисты иногда вокруг себя сами распространяют капиталистические отношения. Так, например, при мне предлагалось проводить анархо-семинары в помещениях, которые будут на несколько часов брать за деньги в аренду. И возникает вопрос: за какие такие новые общественные отношения мы боремся, если даже в своей собственной среде не можем найти ничего лучше, как оставить всё по-старому?

Возможно, стоит подробнее объяснить, почему все методы современных российских анархистов относятся к «включённой» борьбе. Заранее скажу, что поскольку поджигатели и те, кого называют повстанцами, умеют скрываться, то про них нельзя сделать никаких выводов. Если они нигде не работают и живут на самообеспечении, а Молотовых изготавливают из того, что сами как-то добывают/воруют, то это дезинтегрировано. А если днём сидят в офисах или стоят у станков, то это «включённая» борьба, так как любой сбой с работой – и им тут же придётся думать о поиске новой работы, а не о ночных атаках, ну а если сбой из-за ревшитуации окажется масштабным и долгим, то всё. Тут с ними как в поговорке – «не руби сук, на котором сидишь», то бишь не круши Систему, дающую тебе средства к существованию. Оставим «повстанцев» и поговорим о других анархистах. Только сначала замечу, что приведённая мной поговорка применима и к подавляющему большинству «легалов», чего одного уже достаточно для «включённости» их действий. Однако ещё отдельное внимание уделю используемым ими форматам. Итак, пикеты/митинги/шествия: с санкционированными всё, и так, ежу понятно, а несанкционированные либо проводятся с целью заставить правительство что-то сделать (это неанархично, ибо самим надо это что-то делать), либо же проводятся с целью донести свою позицию до масс и «разрекламировать» её. А рекламу эту должны осуществить корпоративные СМИ, в которые пишутся пресс-релизы. И нет ничего удивительного в том, что все эти акции почти никак не освещаются и про тот же антифашистский марш 4-го ноября знает заведомо менее 1% москвичей, не говоря уже о других городах. А в условиях революционной ситуации, естественно, цензура мягче не станет и даже если акции будут многочисленнее и ярче, то они не окажутся замолченными лишь в том случае, когда новость будет или одобрена годной порцией «молодёжных хулиганов, пропагандирующих разрушение и канныализм», или подана в стерилизованной версии, не затрагивающей основ. Да и не забываем, что ткань для флагов и транспарантов, а также скотч и акрил закупаются в магазинах, а когда Система войдёт в кризис – кто его знает – может, даже одежду купить будет проблематично. Кроме митингов ещё практикуются концерты, флеш-мобы и так далее, про которые можно сказать то же самое (а звуковая аппаратура – это вам не тряпка с надписью). И нерассмотренными остались только листовки, стикеры, граффити и баннеры. Опять же, сейчас зарплата да хоть заводского рабочего позволяет купить баллончик и малевать на улицах, но при революции даже если

вперемешку и наблюдается ситуация, которую радиотехники называли бы «высоким уровнем шума, из-за которого теряется полезный сигнал». А ещё бывают статьи, сами по себе спорные и неоднозначные, однако вызывающие интересные и плодотворные обсуждения/дискуссии. Все эти онлайн-беседы тоже без вести пропадают. Боюсь предположить, но не исключено, что «принцип блога» многих приучает тупо потреблять, что выложили сверху, забывая обо всём, что уже не является самым новым. В своей знаменитой антиутопии «1984» Оруэлл не случайно изобразил общество, утратившее социальную память. Чтобы наше движение не стало его подобием, необходимо препятствовать отношению к теоретическим текстам как к, своего рода, новостям. На данном пути поможет внесение соответствующих изменений в интерфейсы сайтов (в частности, введение тегов «теория» и «дискуссия», доступных только редколлегиям/модераторам, которые они бы навешивали туда, что стоило бы перечитать через пару лет).

ВЫВОДЫ: А теперь обещанная новая доза морализирующих причитаний. Химкинский лес, всё равно, срубят – это надо понимать. И даже если вдруг неведомым образом не срубят, то *от этого государство не перестанет быть государством, а капитализм не перестанет быть капитализмом*. Жечь по ночам харвестеры в районе Химок осмысленно лишь при одном условии: если это приносит нетривиальные ощущения тем, кто совершает данные деяния. И осмысленно будет только для них. С точки зрения стратегической борьбы с Системой это бессмысленно. Точно так же бессмысленно участвовать в нескончаемой веренице митингов и граффити-акций. Все они не принесут удовлетворительного результата. У антифа-патриотов в рэпе есть строчка: «В проигранной войне сражайся до конца». Оригинальная концепция. Возможно, кому-то нравится христианская этика самопожертвования или же нравится просто гордое сознание того, что он один из немногих «прозревших» и сопротивляющихся в этом неправильном мире. Но, на мой взгляд, нет ничего крутого в том, чтобы нагрести от Системы. Круто – это надавать Системе вплоть до полной её ликвидации. Участие в ФНБ и унылых пикетах не решит социальных проблем, а поэтому почему бы не перераспределить приоритеты и не подумать над будущим анархизма с большей долей скепсиса? Пора заканчивать «проигранную войну» и начинать готовиться к той войне, в которой выиграем.

Моё персональное мнение о том, что делать:

1. Разобраться с тем, что такое общество. Разобраться в том, как устроены государства.
2. Найти части Системы, наиболее уязвимые, но, в то же время, крайне необходимые для её функционирования.
3. Атаковать эти части. Если для этого потребуются поджоги – поджигать. Если для этого потребуется создание кооперативов – создавать их. Если для этого потребуется ещё что-нибудь – так заниматься именно этим.
4. Не идти на поводу у так называемых временных попутчиков. Один умный человек как-то раз переиначил известную цитату из Нимёллера: «Они пришли за профбоссами – я стал бороться за права профбоссов. Они пришли за троцкистами – я стал бороться за права троцкистов. Они пришли за ЛГБТ-истеблишментом – я стал бороться за права ЛГБТ-истеблишмента. А когда сложилась околореволюционная ситуация, то были профбоссы, троцкисты и ЛГБТ-истеблишмент, но не произошло анархистской революции». Помните о своих собственных целях и интересах.
5. Пожалуй, самый важный пункт. Короткой фразой его не изложить. Многие не замечают разницы между идеями анархизма и носителями идей анархизма (т.е. анархистами). Почему-то считается, что идеи станут популярны в широких массах, если широким массам будет казаться, что их носители – это, грубо

говоря, хорошие парни. Но, на самом деле, ничто не запрещает думать, что уважаемые люди имеют ошибочные взгляды или, наоборот, позёры и клоуны выступают за верные принципы. Никакой связи, наличие которой неявно предполагается образом действий анархистов, в реальности нет. Идеи – это идеи, простите за тавтологию. И идея станет популярной, только если сама по себе что-то даёт тем, кто её разделяет (неважно, материальную ли выгоду или ощущения). Так вот: чтобы анархизм стал популярен, придётся разработать практические схемы жизни «по анархии». Иными словами, инструкции с описаниями, как могли бы функционировать анархистские экономика, медицина, образование, поддержание уличного порядка и т.д. Должно получиться вот что: если, скажем, человеку не нравится его работа, то он находит в Интернете текст на тему «как создать анархо-кооператив», «как заниматься пермакультурой» или еще что-нибудь, читает и начинает воплощать на практике. Из-за этого он из эксплуатируемого превратится в хозяина собственной судьбы, а из покорного гражданина государства – в анархиста. Без практических схем никуда, ну а их появление тут же приведёт к росту числа новых сторонников.

И, заметьте, я не призываю отказаться от практики в пользу теории. Если уже сейчас кто-то нашёл способы нанесения реального ущерба Системе или способы воплощения в жизнь фундаментальных принципов анархизма, то тогда можно и нужно приступать к действиям. Между прочим, пункт 5) без действий не достигим, так как хороши лишь советы, уже опробованные в деле. Про свои предложения, по мере возможности, рассказывайте остальным, а то другие тоже хотят поучаствовать в чём-нибудь серьёзном вместо того, чтобы убирать за государствами там, где они нагадили.

О том, чего нет, или об а-движе

Тупо нечего делать. «Но пока мы живы здесь не будет скучно, ведь скука – это контрреволюция» - пелось у одной анархо-рок-группы, которую я не очень люблю из-за её однообразности и невыразительности. Как бы не так. Прямо сейчас многие на «Чёрном Петрограде», но и когда все активисты в городе, никакой бурной деятельности я не замечаю. Остаётся только писать. Поэтому изложу то, что ранее назревало во мне.

В движении я недавно. Даже взрыв поста ДПС на 22-м километре МКАД произошёл тогда, когда я еще был индивидуальным носителем протеста, а уж об акции в Химках и говорить не приходится. А обе эти атаки с тех пор успели сойти на нет. Кратковременный интерес к анархистам, вспыхнувший после нагретого газового баллона, затих, а еще раньше борьба против платной трассы обросла антифа-патриотами, упёртой жертвенностью Чириковой и Со, которых каждый раз толкают сотрудники ЧОП «Витязь», а также просто «раскрученностью», доводящей до идиотизма. Гулял я со своими аполитичными друзьями в районе Одинцова и обнаружил, что вырубают дофига деревьев, но поскольку это не пропиарено, то всем похер. То ли дело бороться за чистый воздух там, где трассу, всё равно, построят и где после этого станет меньше пробок, из-за которых автомобили интенсивнее сбрасывают в атмосферу выхлопные газы. Ладно, речь не об этом. А о том, что за время моего пребывания в движухе не было даже подобных акций. Можно считать, что вообще ничего не происходило. Обнаружил я только то, что называют «активизм выходного дня». Ах да, и еще трёхчасовые закрытые собрания, такие закрытые, что троцкисты(!) рассказывают о них своим знакомым. Короче, я не собираюсь сейчас писать о том, как всё плохо, - я только хотел написать, что всё очень плохо. Если этот абзац не убедил, то смотрите один мой прошлый аналитический материал, а именно статью «Еще раз о том, почему а-движ заглатывает».

О путях к выходу из сложившейся ситуации скажу, но не сразу, а пока сделаю пространное отступление. Говорят, что деятельность бывает реформистской и революционной. Такое деление часто бывает полезным, но оно, тем не менее, игнорирует некоторые важные аспекты. Я бы ввёл еще два полюса: интегрированная («включённая») борьба и борьба дезинтегрированная («исключённая»). Первый тип сводится к той протестной деятельности, для занятий которой необходимо стабильное функционирование Системы. На всякий случай, для тех, кто или не в курсе, или в танке, поясню, что Системой называю общество, основанное на наличии государств и капиталистических способов производства и распределения – то есть не только плохих буржуев и чиновников, но и всех, кто своей работой позволяет им править. Соответственно, второй тип – это протестная деятельность, для существования которой некритично, что происходит с Системой. Естественно, именно на дезинтегрированной борьбе нужно делать упор, потому что революционная ситуация означает, в частности, нестабильность, а возможной революция станет только тогда, когда произойдёт крупномасштабный кризис. И если анархисты начнут успешно «ломать Систему», то тогда её функционирование, тем более, окажется под вопросом. Спрашивается: какие примеры «исключённой» борьбы известны? Посмотрите на заглавие статьи. А если серьёзно, то, всё же, в мире есть люди, действовавшие так. Например, Тед Качински (упоминаю не столько о его целях, сколько о его образе жизни). Но их мало. И так быть не должно, потому что интегрированная борьба хороша лишь для того, чтобы в короткие сроки выбить что-нибудь у противника, причём это не обязательно может быть что-то реформистское – я бы, например, всеобщее право на ношение огнестрельного оружия отнёс к революционным изменениям. Однако ныне не предвидится таких моментов, когда резкие действия, будучи пусть и интегрированными, могли бы позволить чего-то достичь. А во всех остальных случаях «включённая» борьба не совместима с анархизмом: точнее,

наиболее актуальных. Мои десять копеек таковы. Каким бы прекрасным будущее общество ни было, всё равно, останется то, что будет позволять делить на сильных/удачливых/крутых и лузеров. Можно только стремиться к тому, чтобы подобное разделение становилось всё более несущественным. Однако если допустить, что общество, лишённое государственной власти и законов, будет подчиняться некой абсолютной морали, то разделение приведёт к неустойчивости. Либо крутыми и лузерами будут не те, кто в большей или соответственно меньшей степени нравственен, а тогда это даст наличие серьёзного противоречия плюс непонятно, и в чём же тогда влияние морали будет заключаться, либо же быть лузером окажется психологически нестерпимо. Сейчас успешными считаются те, кто пролез во власть или много зарабатывает, а неуспешными считаются бедные, но для любого бедняка есть утешение, что зато он «настоящий мужик»/«душевный пацан»/etc. А в случае, когда успех соответствует абсолютной морали, лузер не сможет оправдать себя тем, что то, из-за чего он лузер, несущественно и сам по себе он хорош. Кто-то будет пытаться стать моральнее (вот вам и давление на личность со стороны внешних правил), а кто-то будет вынужден убедить себя, что имеющаяся мораль ошибочна и что истинной является мораль, диаметрально противоположная ей (необязательно всё тут же скатится к «воруй-убивай»: например, для христиан самое главное – быть смиренными и подставлять щёки, а для викингов главным было – не струсить и умереть с оружием в руках, и вот вам два взаимоисключающих полюса, где ни в одном нет прямых призывов к постоянному тупому насилию). И такие «лузеры» будут яростно воевать с обществом, дабы жить, не подчиняясь той морали, которая им не нравится. Я думаю, анархисты не станут спорить, что мораль – это также и институционализированный опыт, но не лучше ли вместо всеобщей институционализации предоставить каждому локальному сообществу или индивидууму самостоятельно решать, с чем из общего опыта соглашаться, а с чем нет. Да, подобный путь тоже чреват проблемами, но это уже относится к теме «будущее общество». Я свои десять копеек в вопрос об этике вставил, а дальнейшее пока затрагивать не хочу.

- «Смерть Кащей на конце иглы». - А смерть Системы-то где?!

«Где тонко, там и рвётся» - гласит народная мудрость. Ну и в каком же месте у государства кишка тонка?

ТЕОРИЯ: Так сложилось, что на протяжении всей своей истории анархисты очень много внимания уделяли борьбе с государственными репрессивными органами. Оно и понятно: ментов и гэбню никто не любит, плюс они преследуют анархистов, плюс их не должно быть в будущем обществе. Но, позвольте аналогию, правоохранительные органы – это кулаки государства, да, к тому же, защищённые боксёрскими перчатками. Бить по ним не очень разумно, потому что есть «части тела», гораздо более уязвимые, но не менее необходимые властям для того, чтобы подавлять личность. В сегодняшней статье разберём систему образования. Я утверждаю, что сам факт образования Системы в её текущем виде во многом завязан на факт наличия системы образования (да, туповатый каламбур). Короче, сеть школ – вот Ахиллесова пята государства.

Прежде всего, убедимся в том, что в своём нынешнем виде система образования никчёмна и поэтому нам её не должно быть жалко. Если это и так ясно, то данный длинный абзац можно смело пропускать. Как происходит образовательный процесс? А так – есть стандарт научить тому-то и тому-то или рассказать про то-то и то-то. И в соответствии с этим стандартом наёмные работники (то бишь учителя) осуществляют ряд механизированных действий. Например, училка математики толкает в восьмиклассников алгоритм того, как решать квадратные уравнения. Для этого вообще не нужно уметь думать – нужно лишь вы зубрить пару коротких формул. Но на данную убогую тему отводят с месяц, а потом её периодически «повторяют». Из других областей алгебры тоже выдёргивают что-нибудь примитивное, а затем натаскивают на механическое освоение определённого класса задач. И, таким образом, математика из искусства самостоятельно думать превращается в грудку абстрактных и отчуждённых друг от друга умений, за каждым из которых не стоит понимание, но стоит автоматизм (как правило, быстро улетающий после выпускного). С другими точными науками то же самое. А такие естественные науки как биология или география превращаются в набор сугубо описательных параграфов, которые надо выучить к уроку и содержание которых после урока можно тут же забыть. Даже между параграфами учебников связи почти нет, а что уж и говорить о том, что в биологии крайне нужна математика, но просто из-за ущербности школьной программы этого не видно. С гуманитарными предметами всё тоже печально. Лично по мне «Исход» Силаева обладает куда большими литературными достоинствами, чем половина того, что проходят на литературе. Ладно – хрен с ним с анархо-андеграундом, но где вы видели в школьной программе таких всемирно признанных авторов как Борхес, Кортасар, Сартр, Камю, Гессе или Кафка? Вместо того чтобы проходить то, что действительно актуально и интересно, проходят узкий пласт совершенно неактуальной дворянской культуры девятнадцатого столетия. Пушкин, Лермонтов, Грибоедов, Тургенев, Толстой – конечно же, гении и всё такое, но они очень похожи друг на друга и не почему-нибудь, а потому что все являлись частью одной и той же культуры: культуры одного социального слоя и одного промежутка времени. По непонятным причинам этот осколок занимает чуть ли не 70% всего учебного плана. Диспропорциональный перекосяк налицо. А уж о том, как преподают историю, просто промолчу, ибо иначе много всего писать придётся. Менее подробный в плане частных деталей, но более подробный в плане анализа обзор можно найти в статье «Тезисы об образовании» (<http://avtonom.org/node/13186> или <http://revsoc.org/archives/4675>). И дело отнюдь не в том, что учителям мало платят или что школьники предпочитают играть в комп, вместо того, чтобы учиться. Дело в ряде неискоренимых пороков системы образования: а) кто-то вынужден из года в год повторять одно и то же, б) между этим кем-

то и детьми выстроена дистанция, в) этот кто-то подконтролен чиновникам, которые вообще никогда не видели обучаемых детей и ничего не знают о их склонностях и талантах, г) процесс обучения происходит массово и по единым для всех детей стандартам. Последние два пункта отсутствуют в частных школах или спецшколах, но таких школ мало, а влияния первых двух пунктов никто не отменял. Убрать же все четыре пункта можно лишь вместе со всей системой школьного образования в том смысле, в каком она понимается сейчас. Ну и, что называется, «в нагрузку» добавлю к этому абзацу такой пункт: этатисты утверждают, что государство оказывает нам благодеяние в виде бесплатных школ, но забывается, что бюджет пополняется в том числе и из налогов, а еще от этого самого «благодеяния» нельзя отказаться, как будто дети не могут потратить своё время ни приятнее, ни полезнее.

Теперь перейдём к тому, почему государство не сможет просуществовать без унифицированного образования. В материале «Если будущее есть, то оно не в пролах...» показывается, что важны не столько классовые противоречия, сколько факт того, что есть люди, интегрировавшие себя и свой труд в Систему, а есть люди, оставшиеся за её бортом, и лишь общественные отношения, выходящие за пределы Системы, смогут послужить для настоящей социальной революции. Первая категория крайне условно названа «включёнными». Скажите же мне, что иное как не система образования осуществляет механизмы «включения»? Вера в прогресс, царившая в 19-м веке, позволяла тогдашним анархистам считать, что государство плохое, но вот общество хорошее. Однако ведь именно общество позволяет государству функционировать. Дело в том, что во многом непосредственно государство делает людей неспособными обойтись без него. Эта неспособность искусственного происхождения. Ребёнок не знает, что такое пресловутый «порядок», не променяет время игры на лишние порции шоколада, которые в него уже не лезут, и не сочтёт нормальным, что человеком может управлять кто-то, кого он ни разу в жизни не видел. А вот после длительного процесса обучения, подводящего к степени разделения труда, соответствующей полной атомизации, молодой человек, не умеющий обеспечивать себя всем необходимым, но умеющий выполнять только один вид работы, идёт заниматься этим видом работы, на всю жизнь превращаясь в подконтрольный винтик. И в нём появляется убеждённость, что всеми такими несамостоятельными винтиками должны управлять, потому что их слишком много и сами они не скоординируются в единое целое. Летов пел: «Убей в себе государство!», а ведь внутрь человека государство попадает не как-нибудь, а, в первую очередь, через систему образования. Без неё люди ощущали бы себя не инструментами для выполнения каких-либо социальных функций, а полноценными личностями.

Профессиональная специализация является основным социальным фактором, из-за которого ныне человечество испытывает столько проблем. Марксисты считают, что дело в возникновении частной собственности, а либералы считают, что дело в плохих правителях или в плохих законах, но и те, и другие неправы. Про угнетение один из Фальше (см. сайт falshe.com) написал: «Вопрос не в том, почему они нами правят, – вопрос в том, почему мы позволяем им это делать». А ведь, и в самом-то деле, почему? Марксисты утверждают, что собственность есть у одних, но у других её нет, в силу чего одни обязаны идти наниматься к другим. Но это не ответ на вопрос – это только переформулировка вопроса, и приходится спрашивать: «Отчего у одних собственность есть, а у других нет?». Собственность эфемерна вне контекста общества: если господин А подпишет бумагу, что продал вещь господину Б, то от этого сама вещь не изменится, а изменятся только отношения между людьми, складывающиеся по поводу данной вещи. Значит, дело не в феномене частной собственности, а в людях, которые почему-то не посягают на неё. Аналогичное рассуждение применимо к позиции либералов – как известно каждому анархисту, «права не даются, права берутся». Иными словами, сначала действия, а потом

издалека. Если кто-то днём работает офисным сотрудником, а по ночам пишет резкие критические статьи или проводит эффективные атаки, то, всё равно, его нельзя назвать полноценным анархистом. Нельзя в том смысле, что он всё необходимое для своей жизни и для своей протестной деятельности получает как результат капиталистических и иерархических отношений. И непонятно, зачем ему разрушать общество, которое его всем снабжает. Ровно сейчас это доставляет ему угар, но если таких, как он, станет много, то всё пошатнётся и они утратят стабильный доступ к средствам к существованию. Таким образом, уже до революционной ситуации необходимо создать развитую анархо-инфраструктуру, которая позволяла бы получать все необходимые продукты и ресурсы, а также могла бы обеспечивать наличие таких элементов сферы услуг как здравоохранение и образование. Данная инфраструктура – отдельная тема. Здесь только скажу, что сквоты и DIY – это то, что пока относится в основном к субкультуре, но что стоило бы распространить на всё движение. Если же вернуться к исходному возражению и быть кратким, то я утверждаю, что вместо оторванности от общества можно прийти к ситуации, когда будет сразу два общества: одно иерархическое, а второе – существующее параллельно с ним анархическое, основанное, как раз-таки, на базе только что описанной инфраструктуры. Разумеется, они не будут жёстко отгорожены друг от друга, и анархисты смогут создавать проекты, с точки зрения постороннего наблюдателя не отличимые от частей обычного социума. В то же время, между двумя обществами будет сохраняться некоторая дистанция, и даже возможны их конфликты друг с другом. Не думает же кто-то, и в самом деле, что государство можно свергнуть абсолютно мирным путём (а если думает – то это к батеньке Льву Николаевичу Толстому). Вот что можно сказать о том, что хотелось бы увидеть до революционной ситуации. А теперь перейдём к революционной ситуации. Для начала, на всякий случай, замечу, что ни одна революция не произошла из-за того, что кто-то слишком много агитировал и агитировал, а потом все решили подняться на борьбу за то, что показалось им справедливым. Реальная причина всех революций – это то, что функционирование общества не может всё время идти гладко и непременно происходят приводящие к конфликтам сбои и кризисы. Кризисы эти могут быть экономическими, социальными, экологическими, культурными – да какими угодно. До ближайшего кризиса столь любимое некоторыми большинство будет пассивным. Я бы даже сказал, что, в каком-то смысле, кризис можно определить как момент, при котором большинство вдруг становится активным. И вот тогда-то что мы получим? А то, что все более-менее недовольны, государственная власть дискредитировала себя тем, что допустила данный кризис, а еще рядом с обычным обществом есть общество, децентрализованное и придерживающееся анархистского мировоззрения. Без разницы, кому люди отдавали совсем незадолго до этого свои симпатии. К началу 1917-го года большевиков почти никто всерьёз не рассматривал (вспомните знаменитый вопль Ленина: «Есть такая партия!»), но зато широкой популярностью пользовались ультраправые черносотенцы, умеренные кадеты и так далее. Однако большевики начали действовать активнее всех, и это позволило им победить в Гражданской войне. Конечно, можно сказать, что деятельность большевиков была направлена на установление собственной власти, а не на свержение всякой власти, но тогда укажите мне, где это сказывается в данном примере. В общем, именно эффективная деятельность во время революционной ситуации станет залогом как победы анархистов, так и всеобщего интереса к их воззрениям. А эффективность возьмётся, только если на предшествовавших этому отрезках времени будет создан надёжный фундамент для всего движения. Что, собственно, и означает нахождение целевой аудитории и развитие инфраструктуры, действующей по либертарным принципам.

Вроде бы, можно и кончить. Но я еще обещал кое-что рассказать про нравственность, пониманию безотносительно к её предписаниям. Кстати, вот свергнем мы Систему и упраздним все государства, а потом этот вопрос как раз и станет одним из

основывают всё на усреднённых эмоциях, а еще пытаются «изложить глубокие идеи анархизма в доступной, то есть плоской форме». Почему-то считается, что безвластие можно подать в виде, привлекательном для обывателей. Анархо-агитация среди молодёжи вертится вокруг хардкора, по большей части, безликого и невыразительного, но зато якобы доступного всем и агрессивного, но в меру. Утверждается, что Black Metal – это слишком тяжёлая музыка, а классика слишком скучная. Однако мне кажется, что личностей, способных к содержательному бунту, гораздо больше именно среди предпочитающих эти стили. Короче, что имеем? – по одну руку много пассивных людей, на словах или по мелочам поддерживающих анархизм, а по другую «мало» тех, кто готов что-то по-настоящему делать. «Мало» взято в кавычки, так как выше я уже объяснил, почему и этого хватит. Естественно, чем больше наших сторонников, тем лучше, но только не в том случае, когда за количество приходится платить качеством. Поддержка со стороны тех, кто готов лишь смотреть издали или иногда делать что-то незначительное, – это излишнее. Приятно, когда она есть, но и без неё обойтись несложно. А эта поддержка – единственное, чем придётся платить за вовлечение в анархизм тех, кто будет активен.

Теперь о том, что мы приобретём. Для начала вопрос: сколько сейчас в России анархистов? Да-да, точного ответа никто не знает, а еще непонятно, что делать с бухающими фэнами анархо-панка, но, думается мне, никто не станет возражать, если я скажу, что заведомо менее чем 10000. В процентах от всех жителей это вообще какой-то незначительный мизер. Поэтому, кстати, смешны причитания поборников массовости о том, что из-за действий радикалов численность может пойти на спад. Так вот, нынешняя ситуация с движухой объясняется тем, что российские анархисты до сих пор не выработали вменяемой стратегии, а только от случая к случаю где-то бегают и пытаются угодить аппроксимированным «всем». То десять студентов призывают пролетариат «пробудиться», то пять человек хотят увлечь за собой всё общество, так и не разобравшись в причинах его пассивности. Когда же мы вместо «всех» нацелимся только на тех, кто сами по себе по каким-то пунктам близки нам, всё изменится в лучшую сторону. Второе же важное преимущество таково. Ради массовости советуют поступаться собственными взглядами и идеями. Например, так: «Мы, конечно, против государства, но ведь если это сказать людям, то они испугаются и отвернутся от нас, а поэтому надо акцентировать внимание на том, что Путин плохой, а чиновники воруют». Или недавно где-то видел нечто из серии: «Поджоги и прямое действие сейчас неэффективны, так как для большинства слово «терроризм» ассоциируется с Джихадом благодаря тому, что такое мнение навязывают СМИ». Хотелось бы спросить: а если бы СМИ стали ассоциировать слово «анархизм» с наркоманами, то тут же пришлось бы вступать в КПРФ? Да хватит уже пытаться изображать из себя тех, кого массы хотели бы в нас видеть. Информировую, что года три-четыре назад один из опросов показал, что для большинства юношей образец для подражания – Дэвид Бэкхем, а для девушек – Анастасия Заворотнюк. Enjoy it! И не анархисты ли одним из своих принципов провозглашают сопротивление всякой власти – так чем же тогда государственная власть хуже власти общественных стереотипов? Если анархисты будут угождать большинству, то они станут кривыми зеркалами, отражающими желания масс, а эти желания масс – кривые зеркала, отражающие то, что втюхивается из СМИ. Конечно, «кривизна» кое-что исправит к лучшему, но сути это не изменит. Так или иначе, а лучше не давать растворить наши принципы и идеи в усреднённости. Будем делать, что хотим мы, а не что хотят от нас.

Предчувствую непереносимое наличие возражений, которые можно свести к тому, что пусть, и впрямь, анархисты перестанут приносить в жертву обывательщине радикальность своих целей и, в итоге, достигнут численности да хоть в 2-3%, но зато эти два-три процента будут оторваны от всех остальных. И что же? – им объявить себя элитой, а остальных быдлом, которое нужно вести в светлое будущее. Отвечу, начав с захода

уже права или лишение прав для тех, кто не сумел их себе обеспечить. Закон написан на бумаге. Набор букв и знаков препинания не способен заставить человека что-либо делать или, наоборот, не делать. Не могу ручаться за актуальность данных, но, вроде бы, в этой стране прямо-таки до сих пор не отменён закон, обязывающий подвергать государственной регистрации любые средства печати. Каждый, кто купил принтер и не зарегистрировал его, совершает правонарушение, но никому до этого нет дела, хотя в советское время за это было реально словить тюремный срок. Я хотел сказать следующее: что за частной собственностью, что за юридическими актами стоит сила, которой выгодно их наличие. Это сила наказывает тех, кто ведёт себя несоответствующим образом, а без неё абстрактные явления вроде законодательства тут же обнажили бы свою абстрактность. И соблюдать упразднённые законы только из-за того, что это законы, стали бы лишь люди, достаточно глупые для того, чтобы верить во внушённое демагогами – здесь спасибо всё той же системе образования. Однако суть не столько в этом, сколько в другом. Чтобы принудить человека, мало быть сильнее. Простейший и несколько однобокий пример: мужик может выжать сто пятьдесят килограмм, ему надо перенести двадцатикилограммовый ящик на один километр, а рядом есть мужик, выжимающий сто двадцать килограмм. Очевидно, что качку проще будет самому отнести свой ящик, чем пытаться заставить более слабого качка сделать это за него: и риск получить травму меньше, и сложность ниже. Принуждение далеко не всегда эффективно. Устранение профессиональной специализации, то есть переход к обществу, в котором каждый сможет сам прокормить себя, сам обеспечить себя жильём и сам гарантировать себе личную безопасность, ощутимо снизит привлекательность принуждения для потенциальных угнетателей. С одной стороны, будут слабее инструменты экономического воздействия и возрастёт вероятность получить серьёзный отпор, а с другой стороны, станет более реальным осуществить самому то, что хотелось получить за счёт других. Но, что наиболее характерно, суть и не в этом тоже. Суть в том, что в современном мире те, кто может быть доволен текущим положением, отнюдь не сильнее тех, кто им недоволен. Из шести миллиардов пять недоедают, а из сытых кому-то не нравится восьмичасовой рабочий день, кому-то не нравятся однообразные тупые рожи коллег, а кому-то не нравится отношение человечества к дикой природе. Среди таких вот недовольных есть и рабочие с заводов, производящие оружие, и инженеры, занимающиеся военными разработками, и программисты, занимающиеся оцифрованной информацией и взломами/защитой от взломов. Таким образом, те, кто против Системы, превосходят тех, кто за неё, не только количеством, но и качеством – вот как раз олигархи и депутаты не умеют ни хакерить, ни изготавливать автоматы. Почему же правят они, если они слабее? Причина – не что иное как уже упомянутая профессиональная специализация. Если кто-то поднимется на борьбу за свои интересы, то на него будут брошены люди, не нашедшие для себя лучших источников получения средств к существованию, чем стать ментами. Они начнут защищать интересы буржуев и чиновников, потому что умеют делать только это, и их не будет волновать, что гораздо выгоднее и интереснее было бы присоединиться к мятежнику. А если вдруг поднимется целый регион, то на него будет брошена армия, с которой наблюдается примерно та же самая картина. Солдаты умеют убивать и разрушать инфраструктуру, а так как больше они ничем не занимаются, то эти нехитрые действия умеют делать очень эффективно, особенно если учесть, что они снабжены плодами деятельности людей, занимающихся исключительно производством средств уничтожения. И дополнительный аспект – людям, чья профессия не связана с применением легального насилия, государство запрещает иметь холодное и огнестрельное оружие, а поэтому у них практически не может быть опыта обращения с ним. Но и это еще не всё. Успешное восстание только тогда не поменяет шило на мыло, когда его участники не станут поручать разбираться с собственными трудностями кому-то другому. Кропоткин писал нечто вида: «Обман так и будет иметь место, покуда каждый не научится решать свои проблемы самостоятельно». Не позволяй, чтобы политики думали за тебя, а полиция

охраняла бы тебя вместо тебя. То безумие, которое называется капиталистической техногенной цивилизацией, возможно лишь в условиях, когда допускают, чтобы нужным в ежедневной жизни обеспечивали другие, а действия совершают не ради того, чтобы они привели к нужному результату, а ради того, чтобы за их выполнение дали зарплату. Подобное увечное мировоззрение формируется в школах и вузах, потому что образование является всего лишь подготовкой к деятельности в рамках Системы. И, кстати, образование также сужает кругозор и обилием однотипной информации скрывает от рассмотрения кардинально другие русла. Во многом именно его вина, что появляются рассуждения вида: «Если считаешь, что Путин плохо правит, то, значит, считаешь, что Навальный будет хорошо править, а если считаешь, что капитализм плохо распределяет отчуждённый продукт, то, следовательно, считаешь, что социализм будет хорошо распределять отчуждённый продукт». Парой фраз провозглашается, что несерьёзно считать, что можно жить без правителей и отчуждения, а поэтому нормальные трезвомыслящие люди якобы должны выбирать из гигантской кучи одинаково безвыигрышных вариантов. И, вот еще что: из упразднения решающей роли специализации будет следовать и то, что основным учителем человека станет он сам, а не нанимаемые знатоки узких областей. Но, тем не менее, не будет следовать, что вообще нельзя учиться у кого-то другого: я тут не догму провозглашал, что специализация – корень вселенского зла, а лишь описывал, как из-за специализации теряется свобода и возникают проблемы, ну а из-за спонтанных, краткосрочных или не особо важных разделений ничего такого может и не быть. Критики могут попытаться извратить мою позицию и заявить, что я хотел бы сделать всех людей тождественно идентичными друг другу в их полной универсализации, в то время как я, по правде, всего лишь утверждаю, что нельзя быть свободным, не обладая умениями обеспечивать себя всем жизненно необходимым. Если же что-то не является для индивидуума жизненно необходимым, то необязательно верно, что в получении этого ему было бы лучше рассчитывать только на себя – тут когда как. Наконец, согласитесь, что глупо выглядит, когда кто-то говорит: «Я гениальный поэт, кормите меня за это и убирайте за мной мои отходы», и далее этот кто-то пишет стихи, пока кто-то другой обслуживает его, хотя, кто ж его знает, может быть, работник мог бы писать стихи лучше. Нет ничего непосильного в том, чтобы поддерживать жизнь в собственном организме, ну а уже в свободное от этого время пусть каждый сам решает, чем ему заниматься. Возвращаясь к «Карфагену», замечу, что общество, функционирующее по подобным принципам, непременно основывается на подходах к личности, кардинально отличных от подходов, применяемых в современном образовании.

ДЕСТРУКТИВ: Здесь я вас обману и ни про какую деструктивную практику рассказывать не стану. В условиях нашей реальности умные тексты пользуются гораздо меньшей популярностью, чем фэнтези, а поэтому давайте сделаем фэнтезийное отступление. Итак, в одном далёком-предалёком параллельном мире всё было почти точно так же, как и у нас. Тамошние параллельные анархисты тоже громили здание Химкинской городской администрации, раздавали листовки, устраивали ФНБ, совершали ритуалы бросания горючих бутылок в опорки параллельных ментов, но анархия, мать её, всё не наступала. А потом свершилось то, о чём сложили Саги о Школьных Войнах. Перед тем, как поведать вам их, о юные анархо-джедаи, замечу, что все участники данных вымышленных событий были ознакомлены с памяткой по активистской культуре безопасности, а также никогда не пренебрегали известными советами по проведению акций (всякое вроде «разъёбываю Систему, предохраняйтесь и одевайте на голову балаклаву» и т.п.).

Сага №1: Однажды в студёную зимнюю пору Лёва Задов под покровом ночи бросал кирпичи в окна одного из классов. Делал он это не абы как, а так, чтобы в аудитории все

Системы, но, тем не менее, не их слой должен считаться основным слоем, на который можно рассчитывать.

В общем и целом, я предлагаю агитировать не некий абстрактный «народ», а заняться выработкой своеобразной целевой аудитории. Вместо того, чтобы рассматривать образ рядового человека, полученный усреднением по всем социальным стратам, а потом пытаться сделать так, чтобы и «волки были сыты, и овцы целы», то есть всякий раз садится мимо всех стульев и расшибаться, по-моему, лучше вести пропаганду лишь среди некоторых слоёв населения и не обращать внимание на то, что остальные могут отнестись к этому отрицательно. В принципе, почти все анархисты согласятся, что если чиновники и банкиры начнут считать нас разбойниками и хаотами, а еще станут нас бояться, то это будет хорошо для движения, ибо, в таком случае, мы обретём в глазах врага хоть какой-то образ и хоть какой-то вес. Но, более того, я считаю, что с размытых категорий «рабочие» и «угнетённые» надо сократить целевую аудиторию до категорий, которые еще уже. Естественно, встаёт вопрос, а что из-за такой переориентации анархо-сообщество потеряет и что приобретёт, и насколько всё это является оправданным.

Начну с потерь. Они эфемерны. Есть необходимое, а есть излишнее. Утрачены будут только излишки. Как известно, во время массовых волнений во Франции в 1968-м году во всеобщей забастовке участвовало только 25% населения страны. И это при условии, что для участия в забастовке не надо было ничего делать, а, наоборот, надо было только не ходить на работу, к которой симпатий никто, ясное дело, не испытывал. В придачу, длилась забастовка всего 5 дней – гораздо меньше, чем длится любая успешная революция. А по доле участвовавших людей это было одно из самых массовых мероприятий за всю историю человечества. Также замечу, что современные социологи считают, что к значительным изменениям в обществе приводит активность всего лишь 1-2% населения. Людей, которые не только хотят, но и могут делать что-то существенное, мало. Отчасти такими людьми являются те, кто много над собой работал, или получил хорошее образование, или занимает видную должность. Но еще больше среди них тех, кто не может полностью вписаться в рамки Системы (неважно, из-за своего ли неудовлетворительного положения в обществе или из-за сугубо психологических причин). Ежедневная жизнь таких людей является борьбой, а поэтому у всех них есть большой опыт сопротивления. И только в том проблема, что сейчас они ведут свою борьбу разрозненно и зачастую за цели, не имеющие прямого отношения к анархизму. Например, бедняки тупо требуют повышения зарплаты или же стремятся сделать всё возможное, чтобы получить престижное рабочее место, а интеллигенты-бунтари тчатся повысить уровень культуры или пытаются в одиночку служить искусству/науке, дабы в этом скрыться от несовершенного мира. К чему я: напомним, что на сегодняшний день в России примерно 20% населения живут за чертой бедности. Правда, из них низкую долю составляют хронические алкаши и прочие дегенераты, которые за изменения в обществе бороться не смогут. Но остальные, а их всяко больше 2% от всего населения, – это те, кто вполне могут стать настоящими анархистами. В движухе господствует мнение, что слишком радикальная позиция отпугнёт от нас людей. Действительно, тем 80% процентам, что не являются нищими, есть, что терять, и поэтому у них всегда будет определённый страх перед резкими переменами. Подстраиваясь под них, можно получить, по сути, лишь то, что обыватели, сидя перед телевизором и смотря новости, будут ворчать не «Сталина на вас нет!», а «Батьки Махно на вас нет! Он бы порядок навёл». В противоположность же этому, человек, который еле сводит концы с концами, готов поставить всё на карту, потому что он ненавидит нынешнее общество, а хуже ему, всё равно, уже не будет. И если реформистская риторика таких людей не привлечёт, то вот радикальные идеи придутся им по душе. Аналогичная ситуация наблюдается с психологическим недовольством Системой. Гонящиеся за огульной массовостью

в пользу первой, начав соответствовать определённым стандартам. Концепция сия убога и срамна настолько, что вместо того, чтобы её критиковать, просто напомним, что примерно так же считают все религиозные фундаменталисты начиная с исламистов и вплоть до мормонов.

Что касается вопроса агитации, то, в каком-то смысле, она бесполезна. А именно, я хочу сказать вот что: ни один человек не стал анархистом из-за того, что увидел на заборе «а в круге», или прочитал сколько-то книг Бакунина, или прослушал альбомы Atebix, или узнал из новостей, что парни во всём чёрном что-то сожгли/взорвали. Любое действие из вышеперечисленных может только помочь человеку лучше осознать, что в нём происходит и какие ценности он разделяет. Но если кто-то, допустим, искренне считает, что накопление денег лучше, чем свобода, то никакой хардкор его не заинтересует, потому что пока слушаешь эту «вольнодумную» музыку, то теряешь время, которое можно было бы потратить на извлечение прибыли; и никакие доводы из книжек его не убедят, потому что анархизм в выборе между гарантиями существования и полнотой бытия, всегда выбирал эту «странную» полноту бытия. В то же время, агитация не бесполезна, если именно тем и занимается, что помогает людям развить нечто, что в них на тот момент уже было. В частности, агитация нужна, когда она невербализованную тягу к свободе ставит на фундамент осознания этой тяги. Соответственно, наиболее эффективной подобная агитация будет в том случае, если проводится «прицельно», то есть направляется на тех, с кем анархист хоть в какой-то степени знаком. Однако поскольку обсуждаются вопросы стратегические, данный ответ на вопрос: «среди кого агитировать?» не может быть признан исчерпывающим. Да и субъективного в нём немало. Более общий вариант ответа звучит так: среди тех, для кого найдутся либо биологические, либо социальные причины к бунту. В первую категорию попадают студенты и вся прочая молодёжь. Как известно, человечество обладает опытом, который не передаётся генетическим путём, но может передаваться за счёт обучения. Процесс эволюции привёл к тому, что ребёнок считает родителей полубогами, - это нужно, чтобы дети лучше усваивали, чему их учат. Но если ситуация резко поменяется, то старый опыт станет неактуальным или даже вредоносным, а поэтому всё тот же процесс эволюции привёл к тому, что с определённого возраста у молодёжи начинается «игра гормонов», вызывающая критический пересмотр усвоенного. Данная схема свойственна всем сложно устроенным млекопитающим, и в девиантном поведении подростков нет ничего плохого. О его наличии лучше не забывать. Правда, общность «молодёжь» достаточно широкая и, разумеется, не все её представители способны проявить интерес к анархизму. Так, например, есть всякие студенты-мажоры, учащиеся на халявных факультетах, где они вместо пар тусуются по кинотеатрам и клубам и радуются, как ловко обманывают родителей, снабжающих их финансами. В категорию же тех, для кого найдутся социальные причины к бунту, я бы отнёс людей без постоянного круга деятельности, всевозможных маргиналов и низкооплачиваемых рабочих, вынужденных в свободное от работы время выращивать продукты питания на собственных огородах и добывать всё необходимое альтернативными методами. Крайне желательно, чтобы социальное положение этих людей было относительно устойчивым по отношению к революционной ситуации или условиям настоящей анархии. Именно поэтому я не отношу сюда индустриальный пролетариат и «офисный планктон», который, кстати, тоже весьма страдает от угнетения. Что пролетарий с завода, что мелкий клерк при дестабилизации обстановки могут потерять свою работу (скажем, их отправят в неоплачиваемый отпуск на неопределённый срок в связи с беспокойным положением дел), а, следовательно, они лишатся и источников средств к существованию. Это заставит их отрицательно относиться к революции, и они начнут желать, чтобы всё вернулось на своё прежнее место. Безусловно, многие пролетарии по причине личных взглядов, всё равно, станут бороться против

стёкла были доведены до состояния, после которого заделать их фанеркой уже не получится. Результат: одно из помещений школы вплоть до весны выведено из строя. Или не до весны, а до ремонта, но ремонт дорогой, а камней или снежков всегда можно насобирать бесплатно и повторить. Для Системы особенно ощутимой потеря будет в случае, если под раздачу попал компьютерный класс (но на его окнах, скорее всего, решётки, даже если он не на первом этаже). Возможные негативные последствия: Лёва Задов читал УК ПРФ (Уголовный кодекс Параллельной Российской Федерации, ничем не отличающийся от УК РФ) и знал, что, в случае чего, статьи 213 удастся избежать, ибо надо настаивать на том, что кирпичи/булыжники – не оружие, а еще надо помнить, что на допросах нельзя сообщать о политической или идеологической ненависти. Мотивы нужно объяснять так – шёл мимо, разыгралась удаль молодецкая, захотелось что-нибудь куда-нибудь кинуть. И тогда, даже если менты как-нибудь его вычислят (в параллельном мире это маловероятно), то впаяют лишь «мелкое хулиганство» - статью не из уголовного кодекса, а из административного. Преимущества метода Лёвы: а) слабые правовые санкции (штраф или до 15 суток), б) навряд ли правоохранительные органы поднимут аврал и станут серьёзно искать нарушителя, в) простота исполнения и легкодоступность. Недостатки: сложно донести до масс, что это сделал не «хулиган-двоечник», а сознательный анархист. И, вообще, сложно донести до широких масс, что это произошло. Если бы Лёва создавал коммюнике для Интернета и СМИ, то тогда ему при поимке органами пришлось бы еще и отрицать своё авторство, а то иначе в его правонарушении появятся мотивы политической ненависти, которых ему даром не надо. Но не забываем, что Задов не столько работал на публику, сколько подрывал образовательный процесс, в котором из детей образуются покорные работники. Куда более существенно, что данный метод нельзя применять в любое время года и в тёплых регионах.

Сага №2: Чикатило (в параллельной реальности он не был серийным убийцей) прочитал книжку «Русская кухня. Азбука домашнего терроризма», из которой узнал, как у себя дома готовить Молотова и напалм. Затем он повторил противоправное деяние Задова, но только не ограничился подножными материалами, а еще использовал бутылочки с весёлыми жидкостями. Результат: не только высажены стёкла, но еще и прожжены несколько парт и линолеум. Если здание школы с деревянными перекрытиями или в нём на полу паркет, то это же привело бы к куда более ощутимым последствиям. Плюсы: зажигательные смеси – это вам не хухры-мухры и без внимания акция не осталась. Одни школьники рассказали другим, скоро бегать зырить на опалённый класс стала вся школа, а потом детишки и подростки рассказали всё своим родителям. Среди родителей, как это и следовало ожидать, нашлись те, кто поднял дикую панику: «Как это?! Мы доверяем своих отпрысков школе, а там такой беспредел творится! А что, если в следующий раз то же самое произойдёт не ночью, а во время уроков?». По авторитету системы образования заехало. А еще под завязавшуюся шумиху Чикатило постарался пропихнуть анонимное коммюнике с пояснениями. Минусы: зажигательные смеси – это вам не хухры-мухры, а поэтому для нашего героя есть перспектива 213-й статьи УК ПРФ, по которой максимальная мера наказания – аж 5 лет лишения свободы (но для этого и мусора должны перестараться, и прокурор на суде должен представить данную акцию как величайший ужас). Еще один минус – это то, что Чикатило затратил ресурсов и сил больше, чем Лёва Задов, но непосредственно на функционирование образовательного процесса повлиял примерно в такой же степени. Значительная часть его усилий улетучилась в общественный резонанс, а это штука, хоть и порой нужная, но чаще всего неоднозначная (вспомним, например, «Общество спектакля»).

Сага №3: Тед «Унабомбер» Качински тоже читал «Русскую кухню», но его больше привлекал раздел про самодельные взрывные устройства. Во время специальной разведывательной прогулки он обнаружил школу, в которой на первом этаже есть хотя бы

одно окно без решётки, ну или решётка хилая и её прутья можно раздвинуть руками (такое могло быть, скажем, если населённый пункт не богат или если директор не в ладах с преподавателем, к которому прикреплен тот класс). Тед высадил стекло и смылся. К следующей ночи окно заделали какой-то ерундой из фанеры. А Качински подкрался и бесшумно отбросил то, что мешало ему проникнуть внутрь (вся эпопея со стеклом только из-за того и затевалась, что процесс его разбивания создаёт много лишнего шума – как альтернативный способ можно было бы попробовать извне открыть форточку вместе с рамой). Внутри Унабомбер занёс две бомбы собственного изготовления. Их он прикрепил к школьным лестницам (каким-то хером оставшись незамеченным для охранников). После того, как рвануло, попасть с первого этажа на второй стало невозможным и верхние этажи, где в основном и проходят занятия, оказались недоступными. Если лестницы были бы хлипкими или же взрывчатка хорошей, то тогда бы обрушился и пролёт между вторым и третьим этажами, а это дополнительный ущерб. Результат: в школу заявила толпа сапёров, и они долго осматривали, не остались ли где ещё бомбы. Из-за этого, как минимум, один из учебных дней школьники провели не в скучных классах, а на свежем воздухе. А поскольку лестницу не смогли восстановить быстро, нежданные каникулы продлились ещё на некоторое время, чего дети никогда не забудут добрым дядям-анархистам. Шумиха в прессе тоже оказалась огромной. Теду даже не особо нужно было писать длинное коммюнике – просто указать, что это сделал анархист. А про причины и про отношение к системе образования подробнее можно будет потом писать в блогах и на форумах, выставляя себя одним из узнавших про взрывы из новостей или Интернета. Сильные аспекты: реальный ущерб, реальный паралич для школы на несколько дней, реальная заинтересованность СМИ в освещении события, реальный эффект «агитации действием» для школьников. Слабые стороны: «скоро сага сказывается, да не скоро дело делается» – провести такую акцию, это вам не в поле наложить. В большинстве школ по две лестницы, а выводят они к парадному холлу (где дети разуваяются и снимают верхнюю одежду), в котором как раз и сидят охранники. Другой вопрос, что сидят ли и трезвые ли, но, всё равно, сложность акции не низкая. Ещё один недостаток – если поймают, то ожидает и 213-я в полной красе (5 лет), и за изготовление и хранение взрывчатых веществ тоже что-нибудь добавят, а искать преступника будут не на шутку (однако важно, что «искать» и «найти» – это разные слова, а с последним у ментов как-то не очень).

Комментарии к сагам: 1) Герои всегда действовали в одиночку. Скорее всего, это следствие их низких коммуникативных навыков, ведь с другом или парой друзей крушить Систему веселей. Но, в таком случае, есть опасность, что будет не просто хулиганство, а хулиганство, совершённое группой лиц по предварительному сговору, а это уже часть 2 статьи 213 УК ПРФ и за это не до 5, а до 7 лет лишения свободы (в случае с Лёвой Задовым, его друзья, конечно, могут сказать, что просто увидели, как он кидает, и вдруг тоже захотели покидаться, а никакой договорённости не было). С другой стороны, акция, проводимая аффинити-группой, заняла бы меньше времени, а это снизило бы риск быть пойманными на месте преступления. Также очевидно, что одиночку, убегающего к тёмным дворам, случайные прохожие будут пробовать задержать с гораздо большей вероятностью, чем нескольких человек, делающих то же самое. Ну а хулиган, не пойманный «по горячим следам», почти что приравнивается к вообще не пойманному хулигану (если не будет болтать о своих подвигах). 2) Были методы, не описанные в сагах. Например, Джи-Джи Аллин исправлял извечную надпись «Добро пожаловать!» на «Добро покаловать!», а ещё рисовал на стенах «а в круге», а ещё оставлял в коридорах пустые коробки с чем-то тикающим. Один раз «король панка» даже что-то учудил с коммуникациями, подходящими к школе, но история не сохранила описания того, что и как он тогда делал. Никто не знает, что ещё выдумают анархисты в своей параллельной реальности, где те же проблемы, что и в нашем мире. 3) Все акции герои проводили

Отсюда вытекает, что, покончив с фетишем массовости, я заодно покончу и с фетишем нравственности. Но, тем не менее, не поленюсь и заодно покажу, что агитационный инструмент из образа жизни, согласующегося с моралью, вообще-то говоря, никудышный. Подобный метод привлечения сторонников зачастую приводит к «эффекту бумеранга», когда не анархисты агитируют против устоев, а, наоборот, косные устои «агитируют» анархистов. Реальный коммент с Индимедиа под глупой статьёй предположительно Стомахина: «Какое право вы все имеете так вякать?! Стомахин за свои убеждения, между прочим, четыре года отсидел». Это наглядная иллюстрация к тому, что любая этика требует жертв, а значит, приближает к принятию этики самопожертвования. В объективном вопросе о том, насколько ошибочны советы, даваемые в статье, человек пытался отослать к моральному понятию «пострадал за идею». Ну да ладно, на это можете и забить. У меня также припасён другой довод, который и станет уничтожающим. В России свыше 75% называют себя православными. Они считают Иисуса и апостолов моральными авторитетами, но, несмотря на это, отчего-то не собираются жить по евангельским заповедям. И, аналогичным образом, если бы даже массы стали считать анархистов олицетворённым благочестием, то как таковое это не вызвало бы всеобщего желания жить по анархистским принципам. Короче, моё мнение весьма категорично – при выработке тактики или стратегии нравственность следует полностью оставлять за скобками.

Наверняка, кто-то захочет спросить: а как же то, что в случае отказа от этики все станут считать нас бандитами и разрушителями? Отвечу вопросом на вопрос: кто все? Многие и так уже считают на том только основании, что где-то когда-то по телевидению это передавали. Вот здесь перед нами и встаёт вопрос о фетишизации массовости. Задумывались ли вы хоть раз над тем, кого имеете в виду под словами «все», «народ», «общество» и т.д. Сообщаю, что никакого монолитного народа, среди которого у всех одинаковые вкусы, одинаковые мысли и одинаковые интересы, не существует. Это дебильная выдумка. В реальности же есть свыше 6 миллиардов уникальных людей. Безусловно, с некоторой степенью точности их можно разбивать на общности, где внутри каждой сколько-то параметров будут примерно одними и теми же. Однако любое такое разбиение несёт и определённый элемент условности. Вроде бы, данные тезисы очевидны. Похоже, именно их очевидность мешает в полной мере их осознать. Ибо деятельность современных анархистов порой свидетельствует о полном непонимании неоднородности общества. Из-за погони за наиболее широким кругом агитируемых получаем на выходе, например, такое: «анархисты и антифашисты N-ска расклеили по городу плакаты с портретом Путина и подписью: «подчиняйся!»». Типа, берём общеизвестный образ из СМИ, а потом всем сообщаем, что это не положительный персонаж, а отрицательный. Главное, что очень многим (т.е. всем кроме проплаченных патриотов и шизы) должно понравиться, а то, что то же самое могли поклеить и либералы, или то, что ни к каким действиям данные плакаты не побуждают, – это, по ходу, считается непринципиальным. Можно также вспомнить обезличенную агитацию за бойкоты выборов, набирающую обороты всякий раз, как только намечаются очередные мероприятия по бросанию бумажек в урны. Удивительно, но большинство анархистов до сих пор не понимает, что от подобной агитации толку не больше, чем от надписей: «Анархия – мать порядка!». Почти любой дееспособный человек эту фразу слышал, причём многократно, однако раз не стал анархистом, то, значит, и не станет, если ему её в сотый раз повторить. Наконец, озабоченность на огульной массовости из практики иногда проникает даже в теорию, что, на первый взгляд, невозможно по той хотя бы причине, что в анархизме всегда признавали разнообразие личностей. Выражается это в пафосных статьях под названиями вида «Будьте же людьми!» и в воззрениях вида «современное общество нездорово, но давайте же все станем хорошими/анархичными и тогда всё у нас будет хорошо». Подразумевается, что бывает только две модели: правильная и неправильная, а от последней надо отказаться

Делай, что хочешь, и да будет анархия!

Обсуждение с другими вопроса о стратегии, позволившей бы анархистскому движению действовать наиболее результативно, меня почти всегда приводит к тому, что я обнаруживаю два фетиша, которые являются непререкаемыми для многих анархистов. Эти фетиши именуются нравственность и массовость. Они, конечно же, тесно связаны между собой, о чем речь скоро еще зайдёт. А ровно сейчас для более вразумительной постановки проблемы я вставляю утрированный пример одного из тех рассуждений, какие иногда приводят сторонники вышеназванного. «Чтобы бороться с властью и её несправедливостями, нам нужно много людей. Чем больше нас будем, тем сильнее мы станем. Поэтому анархистам пора выходить из субкультурных тусовок и начинать взаимодействовать с широкими слоями населения. Мы должны показать народу, что мы не говнари и не бандиты, как нас изображают проправительственные СМИ. Пусть люди узнают, что мы такие же ребята из обычных районов, имеющие те же самые интересы, что и все, но только осознавшие, что для их достижения нужно упразднить государство. И постольку, поскольку мы являемся друзьями общества, мы не должны делать ничего такого, что настроило бы общество против нас...». Понятно, что, так как автором данной цитаты я сам же и являюсь, то чисто теоретически я бы мог придать ей вид, наиболее удобный для опровержения выдвинутых в ней тезисов. Однако разбираться фетиши массовости и нравственности будут в гораздо более общих предпосылках.

Первое, что я хотел бы заметить, так это то, что нравственность – понятие относительное. То, что сегодня является предписываемым моралью, в будущем может оказаться аморальным или могло быть аморальным в прошлом, равно как и в разных сообществах их участники имеют различающиеся представления о том, что допустимо делать, а что нет. Таким образом, говоря о нравственности, уместно будет разделить её на ту, что господствует непосредственно в окружающем нас социуме, и на ту, что представляет собой, скорее, идею о правильном поведении, взятую безотносительно к тому, в чём это правильное поведение заключается. О второй поговорим ближе к концу, а пока рассмотрим только первую. Я утверждаю, что для морали, понимаемой в вышеуказанном узком смысле, анархисты могут найти лишь одно оправдание – действуя в соответствии с ней, они не будут раздражать общество и, более того, всегда смогут предлагать людям сравнивать их с чиновниками, которые являются взяточниками, ездят с мигалками, отдыхают по Куршавелям и что там еще поётся в старой песне о главном. Иными словами, я утверждаю, что надобность в одобряемом с точки зрения морали поведении имеет под собой смысл только в том случае, если анархисты признают массовость как самоцель. Доказывается это легко и просто – если нет желания видеть все слои населения активно участвующими в деятельности движухи, то тогда и незачем беспокоиться об общественном мнении. Анархисты, если и в самом деле являются анархистами, понимают, что нормы нынешней морали взялись не из воздуха, а появились как результат многолетнего функционирования общества, подчинённого видоизменяющемуся государству. В частности, нельзя не видеть явные противоречия: например, читать чужие письма считается занятием нехорошим, но точно так же нехорошо не платить налоги, часть из которых может пойти на содержание спецслужб, занимающихся сбором конфиденциальной информации. Или, еще убедительнее: брать чужое – ай-ай-ай, но когда продавцы неоправданно повышают цены, намереваясь заполучить себе больше прибыли, то, тем не менее, аморально платить за товар меньше, чем написано на ценнике. Раз нынешняя нравственность противоречит самой же себе, то она не представляет никакой самостоятельной ценности и поэтому моральное поведение может рассматриваться лишь как инструмент для выставления себя перед обществом в выгодном свете. Утверждение доказано.

ночью, когда в здании школы принципиально не могло быть детей, а поэтому и пострадать в результате них они не могли.

Еще комментарии к сагам: Школы гораздо уязвимее собственности, находящейся в ведении правоохранительных органов. И в правовом плане – законы предусматривают более высокое наказание, если совершаемое относилось к сотруднику при исполнении или срывало несение служебных обязанностей, и в плане реальной жизни – как-никак, дядьки, охраняющие школы (им часто за 60), не идут ни в какое сравнение с ментами, у которых могут быть автоматы (однако в параллельной реальности помнят, что эти самые менты могут быстро появиться, если дядька нажмёт на кнопку тревоги). Кто-то спрашивает: а что будет, если охрану школ усилят из-за акций анархистов? Во-первых, школ много – затраты на их охрану долбанут по бюджету, а его и так сокращают. И даже если это случится, то тогда влетит в такую копеечку, что затраты с лихвой поднимутся над ущербом, наносимым из-за поджогов харвестеров и мусоровозов, а поэтому описанные методы, всё равно, окажутся эффективнее «традиционной» герильи. Во-вторых, если все школы оцепить колючей проволокой под электрическим напряжением, а внутри напичкать камер слежения и расставить вооружённых секьюрити (может, и гротеск, но суть ясна), то тогда дети, парящиеся на нудных занятиях, и безо всяких анархистов увидят, что школа – это тюрьма. Даже некоторые из их родителей это увидят. И последний момент – на тему того, что «правые» такие нехорошие и всю риторику воруют у «левых». Нападение на экологов под Ангарском, налёт под Химками и концерты за вырубку от Паука (в параллельной реальности, он, например, такой же дегенерат, ташета) – это частности. Ничто не запрещает нацистам начать бороться за экологию: в Америке это давно распространено. А ментов боны уже и сейчас не любят. Но вот без унифицированной системы образования фашизм немыслим. Борясь за полное искоренение унифицированной системы образования, анархисты борются за то, что выражает их стремления и не может быть на руку никаким этатистам от ультраправых до либералов. Вот и фэнтези конец, а кто слушал – молодец.

КОНСТРУКТИВ: «Ломать – не строить». Строить сложнее. Но если не создавать собственных альтернатив государственному образованию, то попытки его уничтожить никогда не станут успешными. Сейчас мне недосуг описывать свои наработки по поводу распространения так называемых либертарных университетов, в которых будет практически отсутствовать деление на обучающихся и учащихся. Недосуг, потому что это лишь кабинетные соображения. Практическая же реализация натолкнулась на индифферентность со стороны большинства анархистов и вяло-безответственное отношение со стороны немногих, якобы пожелавших участвовать в этом. Но, так или иначе, следует иметь в виду, что конструктив необходим. Выкладывайте свои идеи по данной тематике. Кое-какие предложения, а заодно и критику массового образования можно найти в книге Ивана Иллича «Освобождение от школ» - хоть там местами и проскакивает странный реформизм, но, в целом, проблема глубоко и тщательно исследована.

Антиорганизационщина forever!

Здравствуйте, дорогие мальчики и девочки! Мы рады приветствовать вас у ваших голубых экранов (и неважно, что экраны-то, скорее всего, будут белые – слово «голубые» добавлено для красного словца). Те, кто подумали, что в противовес организациям будут поставлены краст, дестрой и аффинити, увы, ошиблись. Не группами близости едиными анархизм живёт, хотя они тоже очень важны.

Начнём с тупых банальностей. Посмотрите на два предложения: «Организация мероприятия подкачала, и на нём не было ничего стоящего» и «В той организации полно идиотов и тусовщиков». В каждом из них употреблено слово «организация», но в двух разных смыслах. Так вот, под антиорганизационщиной я подразумеваю отказ от организаций во втором смысле. Статья же будет посвящена тому, что этот отказ повлечёт за собой усиление всех тех положительных черт, которые заключены в смысле слова из первого предложения. Парадоксально, но это действительно так: организованность и организационность далеко не эквивалентны друг другу. И, раз уж в этом абзаце мы погрязли в филологии, то вот вам словарное определение сабжа: «Организация - объединение людей, совместно реализующих некоторую программу или цель и действующих на основе определённых процедур и правил». Из определения вычленим признаки: 1) коллективность, 2) наличие программы и внутренних процедур, 3) долговременность (напрямую она не указана, но вытекает из приложения здравого смысла к написанному).

Как известно, организации бывают легальными и нелегальными. Предположим, некоторая организация и занимается полностью законными мероприятиями, и берёт на себя ответственность за мероприятия, суть которых состоит в правонарушениях и преступлениях против Системы. В таком случае, тем активистам, которые собрались на вполне себе легальное мероприятие, придётся конспирироваться так же, как если бы они шли на нелегальное, потому что деятельность их организации запрещена властями и всех её членов будут пытаться арестовать вне зависимости от того, чем они занимались. Явно провальная схема. Теперь предположим, что организация полностью нелегальная, то есть её активисты игнорируют предписания законов, а действовать стараются максимально радикально. Если первый вариант несуразен настолько, что в истории практически не встречался, то примеров для второго типа много: хоть те же РАФ или «Красные бригады». Не менее чем они сами, известны и их минусы: обособленность от общества, самозамкнутость, надобность постоянно поддерживать высокий уровень активистской безопасности, уязвимость к засылу провокаторов и шпионов со стороны спецслужб и т.д. В деле террора аффинити-группы, между прочим, гораздо предпочтительнее, поскольку последний пункт отпадает начисто, а первые три сказываются слабее (с другой стороны, сложнее проводить массовые атаки, но тут можно думать, как обходиться без них). И, наконец, третий тип: организации полностью легальные. Здесь самый существенный недостаток даже не то, что они непременно скатываются к жалкому реформизму. Дело в том, что легальность – понятие относительное. Власти законы пишут не для себя, а для общества и поэтому всегда могут их либо не соблюдать, либо переписать в новой формулировке. Если какая-то уместяющаяся в рамки правового поля организация поставит под сомнение существование государства, то государство мигом объявит её вне закона, а это приведёт к краху, потому что не найдётся достаточного количества людей, способного в ответ на это повести борьбу радикальнее. Любители митинговать и агитировать листовками не сумеют в короткие сроки научиться делать взрывчатку и жить, скрываясь от органов (а скрываться придётся, потому что легалы чаще всего засвечены). Бесперспективная картина. Могут сказать – а что мешает действовать сразу двум анархо-организациям? Одна пусть будет тайной и экстремистской, а другая пусть работает с

будешь?», никто ровно сейчас не читает, но если вдруг органам потребуется узнать про него что-нибудь, то в их ведении мигом окажется вся подноготная: когда, с кем и сколько литров и что за шансон Вася слушал с похмелья.

Отдельно хочется сказать, что и ценность «хорошего» прогресса обычно преувеличивается. В 17-м веке кабинетные мыслители вроде Локка и Гоббса придумали, что поначалу была анархия, при которой все всех убивали, а потом вдруг резко поумнели и создали государство. Научной археологии в то время не было, и все их рассуждения об общественном договоре доказывались ссылками на очевидность того, что по-другому быть не могло. Потом появились и ученые-археологи, и эволюционная теория. И создали они такую картинку: сначала были глупые, сутулые и заросшие шерстью, потом осанка выпрямлялась, умственные способности развивались, а волосистой покров сокращался. В конце же данного линейного процесса получаем обывателя, сидящего в «макдаке» с бесплатным вайфаем и страдающего как от ожирения, так и от отупляющей скуки. Неандертальцы были гораздо развитее физически, и, безотносительно к степени развития мозга, любой из них мог выжить в одиночку, а из современных людей сможет далеко не каждый. Короче, монотонное улучшение в процессе эволюции – выдумка. Одни параметры совершенствуются, но по другим происходит деградация. А теперь короткий сюжет о пользе образования, которое считается одним из даров прогресса. Вот вы можете вычислить интеграл от логарифма икс по дэ-икс? Если не можете, то чего же тогда в школу ходили. А если можете, то задумайтесь, пригодилось ли вам это хоть где-нибудь, кроме работы, на которой что-то делаете на дядю, получая за это зарплату. Ладно, забудем о математике, занимающейся абстрактным. Зато все вы знаете, что мир произошёл из-за Большого Взрыва. В общей теории относительности почти никто не разбирается, а квантовой её версии до сих пор нет вообще, но зато вы уверены, что вас научили, как правильно отвечать на вопрос, откуда появилась Вселенная. И как-то не волнует, что ответы на уровне «из-за взрыва» умели давать и древние греки, и майя, и прочие племена, не дошедшие до монотеизма. Главное, любопытство успокоено. Причём успокоено дорогой ценой – на возраст, когда обучаются в старших классах и вузах, приходится расцвет внутренних сил организма, которые было бы можно затратить не на изучение чужих мыслей и чужих достижений, а на наполнение своей жизни собственными мыслями и чувствами.

Напоследок, остаётся только упомянуть, что опрометчиво ставить на технологии жирный и безапелляционный крест. Со времён, когда Унабомбер рассылал бомбы и писал Манифест, успела появиться, например, стереолитография. Читайте про неё да хоть в Википедии. Так вот, 3D-принтеры по классификации Качински попадают в разряд той техники, которую каждый может воспроизвести самостоятельно и которая поэтому не грозит неизбежным установлением индустриальных отношений. Собрать 3D-принтер вручную практически невозможно, но при наличии необходимых ресурсов его реально без особого труда распечатать на другом 3D-принтере. И, точно так же, можно распечатывать любую электронику. Не только компьютеры, но и, например, домашние мукомолки и хлебопечки. А это, по той же классификации Качински, очень полезные штуки, ибо позволяют обходиться без мельниц и пекарен, пользование которыми способствует разделению труда и установлению неравноправных общественных отношений. Таким образом, утверждение, что развитие технологий неизбежно влечёт за собой разделение труда, опровергнуто. Переиначу поговорку и о себе же скажу: начал за упокой, кончил за здравие. Но в данной статье я, как и говорил в начале, не столько отвечал на все вопросы, сколько очерчивал перспективы и приводил примеры явлений, игнорировать которые не стоит. Это была только прелюдия, а детальные ответы мне покамест неизвестны.

чиновников, иначе хрен бы вложились в её создание) должна встречаться негативно. Говорить об ином отношении можно бы было только в том случае, если бы анархии были бы достаточно влиятельны, чтобы иметь свои собственные исследовательские центры, где было бы можно «буржуйские» изобретения приспособлять под либертарные цели. Ну или еще в том случае, если была бы твёрдая вера в то, что государства обречены и совсем скоро на руинах Системы возникнет анархия. Однако такая вера, как говорит нам опыт 20-го века, зачастую бывает обманчивой.

Далее, я бы, по идее, предпочёл задаться вопросом, какие технологии из тех, что уже сегодня существуют, стоит в будущем предать анафеме, а какие оставить или видоизменить. Наверное, должно стать ясным, что хорошо бы было остановиться на определённом состоянии развития производительных сил, при котором удовлетворение адекватных человеческих потребностей является стабильно осуществимым, но отсутствует то, что подводит к централизации и иерархии или агрессивно воздействует на окружающую среду. Возникает задача: определить это состояние, через которое, разумеется, человечество никогда не проходило, так как с определённого момента постоянно использовало и то, про что надо сказать, что лучше б его не было. Да только вот есть такой нюанс, что все технологии способны служить каким-либо важным и полезным целям. Даже для ядерного оружия некоторые находят оправдание, что оно позволяет защищать планету от метеоритов, которые когда-нибудь могут пойти по траектории, ведущей к столкновению с Землёй. Поэтому данный вопрос не может быть решён теоретически. Когда человечество приблизится к анархии (видимо, до этого уничтожая те новые технологии, которые будут использоваться для большего угнетения), оно на практике решит, что нужно, а от чего можно ожидать преимущественно вред.

Оставив открытую тему открытой, я лучше подробнее поясню, почему все нововведения стоит встречать в штыки. До тоталитарного контроля рукой подать. Подумайте: всего пятьдесят лет назад на акциях протеста не приходилось прятать лица, а камеры видеонаблюдения не довели над теми, кто задумывал что-то, чреватое для сильных мира сего. Или, если это не оставляет впечатлений, то можете вспомнить, как раньше двери подъездов не запирались, потом запирались на убогий замок с засаленной комбинацией правильных клавиш, а потом помогал «почтовый код». И всё это ерунда по сравнению с перспективами будущего. Уже сейчас вводят биометрические паспорта, которые почти невозможно подделать и к которым навсегда привязан человек. Следующая за этим стадия – это, вообще-то, внедрение подкожных цифровых устройств, отсылающих сигналы о местоположении на спутник. Да и Интернет весьма похож на странную комбинацию Оруэлловских телекранов и миниправа. Почему миниправ – потому что ничто не запрещает начать отыскивать неудобные тексты или палевные комбинации слов, а потом их уничтожать. И в пределах всемирной паутины с её поисковиками делать это легко. А функции телекранов выполняются, например, социальными сетями. Вместо бравурной музыки – любая музыка, ибо понятно, что сути это не меняет (пусть уж лучше бунтари слушают хардкор вместо того, чтобы городить баррикады), а еще онлайн-приложения, флэш-игры и возможность отправлять мгновенные сообщения друзьям. Да и следить просто, поскольку большинство людей, пользующихся соцсетями, френдят своих реальных друзей, переписываются с ними, не опасаясь того, что переписка будет прочтена посторонними, а еще оставляют информацию о своих вкусах и пристрастиях (как явно, так и косвенно через факт прослушивания каких-либо треков или просмотра определённых заметок). Вспомним также недавний скандал с Facebook, когда выяснилось, что по выходе из аккаунта куки не удаляются, а видоизменяются и это помогает собирать информацию о посещении внешних сайтов. Или вспомним повсюду торчащие «мне нравится», которые могут использоваться с той же целью. Понятно, что переписку Васи Пупкина, по большей части состоящую из фраз «ты завтра бухать

широкими слоями населения. Отдельные активисты могут состоять сразу в обеих, что позволит им иметь опыт в мероприятиях всех форматов. Не лучше ли так будет? Вроде как, одна голова хорошо, а две лучше... На первый взгляд, так вполне может показаться, однако, если присмотреться, то смысл предложенного решения заключается лишь в том, что оно позволяет ряду людей не навешивать на себя ни один из ярлыков «легал» или «радикал». Организацию легалов от перечисленных выше проблем легальных организаций оно не избавит, равно как и не избавит радикальную организацию от проблем, специфичных для их рода деятельности. Поэтому вопрос лучше поставить так: что мешает образовать организацию, которая не будет позиционировать себя ни как радикальная, ни как легальная, но в которой каждый сможет заниматься тем, что ему ближе? И ответ – а то мешает, что необходимо наличие признака, отмеченного нами выше под вторым номером. Он же, в свою очередь, из того, что составляет силу однородных организаций, превратится в то, что начнёт тормозить только что описанную неоднородную организацию. Но без него коллектив уже не будет организацией, а станет называться как-то по-другому. Вода и лёд во многом похожи, но лёд обладает признаком твёрдости, отличающим его от воды. Как только лёд теряет этот признак (то есть тает), никто уже не называет его льдом. Так и здесь.

Анархистам стоило бы приписывать себя не к организациям, а к неформальным (и немонолитным) объединениям, каждое из которых вы можете называть сообществом, средой, движением или еще как-нибудь. Однако такие сообщества, используя математический аппарат, можно назвать лишь «множествами всех анархистов региона». Говоря научно, задание просто теоретико-множественной структуры не подразумевает задания никакой специальной структуры. А если по-простому, то каждый анархист может сказать, что он входит в число анархистов своей местности, но такое «вхождение», взятое само по себе, не много значит. Например, все мы входим в число людей планеты, но, строго говоря, одно лишь это не даёт нам никаких прав и не накладывает никаких обязательств (права, на бумаге даваемые декларациями ООН, уже подразумевают наложение дополнительных структур на «множество всех людей»). Итак, сообщества важны лишь как то, на базе чего будут формироваться более структурированные коллективы. Какие? Новое определение – проект/инициатива/(слово, которое вам нравится больше – текущие два плохи тем, что, как и «организация», имеют по несколько значений) – это объединение людей, которые добровольно согласились справиться с некоторой посильной проблемой или достичь некоторой близкой цели, решив скоординировать свои усилия и распасться после получения заявленного результата (ну или после понимания того, что всё оказалось сложнее). Отличия от организации налицо: если организации существуют долгое время, при этом не оговаривая условия конца своего существования, то проекты могут существовать не очень долго и всегда ясно, когда они закроются. Еще одно отличие – в организациях многое подчинено оргпринципам, в то время как в инициативах согласованность предпринимаемых действий обеспечивается интуитивным пониманием общих интересов и договорённостями между участниками. Примеры проектов – люди решили к весне засеять поле, следить за ним и к осени собрать урожай, а потом разделить его поровну и разойтись. Или через «сарафанное радио» люди договорились, начиная с десяти часов утра такого-то числа, заходить в определённый район для буржуев и там громить их собственность, а затем скрываться от полиции и так совершать стихийные вылазки весь день и еще ночью поднажать. Резюмируя этот абзац, получим вот что – есть совокупность активных анархистов, на базе которой, словно «виртуальные частицы» в вакууме, возникают и исчезают проекты, созданные людьми, заинтересованными в разрешении проблем, рассматриваемых теми проектами.

Очевидно, что если в аффинити может быть не больше 10 человек, то в инициативе их численность тысячи достичь заведомо способна. Тут, конечно, встаёт вопрос: а что,

если нужно еще больше, чем 1000 человек? Во-первых, гигантомания свойственна этатастам, а анархисты, выступая за децентрализацию, не должны гнаться за концентрацией многих людей в одном месте. То есть нужно искать способы, как обходиться без этого. Во-вторых, а неужели одиннадцатibuквенное слово «организация» обладает такой магической силой, что как только оно произносится, то все проблемы тут же отпадают? Некоторые источники, которые я не проверял, сообщают, что в древнегреческих полисах прямая демократия была возможна лишь до той поры, пока население не превышало примерно 6000, а дальше возникали сложности. Понятно, что Интернет-голосование эти сложности по большей части разрешит, но вот только всегда ли власти будут позволять анархистам держать в Сети порталы, посещать которые смогут только члены их организаций. Плюс такие голосования содержат элемент палева, плюс непонятно, а как будут ставиться вопросы на повестку дня. Короче, количественный рост организаций приводит к тому, что в них либо выделяется ядро лидеров и управленцев, что ничуть не анархично, либо же единая организация по факту распадается на несколько, действующих автономно друг от друга (либо же организация погрязает в оргвопросах, занимается внутренней ерундой и бесславно распадается – но этот вариант печален, и рассчитывать на него мы не будем). Так или иначе, лимит на численность есть не только у инициатив, но и у анархо-организаций. Однако это не столь страшно, как могло бы показаться. Сотни тысяч людей могут устроить восстание и без того, чтобы предварительно договориться об этом на всеобщем собрании. Им вполне хватит чувства солидарности, понимания схожести интересов и случайного повода, который послужил бы толчком.

Теперь продолжим сравнивать организации с инициативами. Рассмотрим будущее общество, приблизившееся к «идеальной анархии». Пусть предприятие с рабочими станет организацией. Это означает, что там установлен порядок принятия членов и навряд ли кто-то посторонний сможет работать, пользуясь имеющимся в их ведении оборудованием или их помещениями. Еще у сотрудников предприятия должна быть задекларированная перманентная цель, которой, скорее всего, будет что-нибудь вида «снабжение федерации коммун производимыми у нас предметами». Но кто определит, что и в каких количествах производить? Коллективное планирование и коллективные сети перераспределения – это и путь в Совок, но только где каждый немного бюрократ, и закрепление разделения труда, и много лишних трудностей вроде проведения голосований, перед которыми каждый должен будет самостоятельно проанализировать весь спектр экономики коммун. Ну а что делать, если кому-то нужно срочно выточить деталь оригинальной формы, а на голосовании обозначить свою потребность он не мог, потому что еще не знал про неё? В общем, как-то всё так себе. Однако будет ли нужда создавать предприятия, устроенные как организации? Нет, потому что из установления анархии неизбежно вытекает экономическая автономия каждого члена социума. Если человек вообще не может обеспечить поддержание жизни в собственном организме без других людей, то он зависит от них, а значит, эта зависимость ограничивает его свободу. И уже другой вопрос, что не всё стоит делать в одиночку. Есть то, без чего обойтись, конечно, вполне реально, но наличие чего, тем не менее, желательно. Как раз подобное производить можно коллективно, чтобы было проще. Еще коллективно можно заниматься деятельностью, не требующей специализации и расслоения (уже приводившийся пример с полевыми работами): некоторые считают, что трудиться вместе лучше. И если такие производства оформить как организации, то вернёмся к изложенному в начале текущего абзаца. Ну а пусть теперь они будут осуществляться в формате различных инициатив. Это означает, что любая группа лиц, среди которой все умеют пользоваться орудиями производства (ибо без данного умения никак), может добыть свой материал и сделать из него всё, что сумеет. На случай, когда личных орудий участникам проекта не хватит, не исключено пользование тем оборудованием, которое по каким-либо причинам окажется в

как учат, всё-таки, на химиков, а не на физиков. Ну а взять в библиотеке книгу, где бы разъяснялась нужная тема, может оказаться попросту невозможным. Математик В.И. Арнольд заметил, что рост количества печатно издаваемых математических статей когда-то происходил экспоненциально, но затем резко сбавил темпы, потому что если бы не сбавил, то к нашему времени всего лишь за год для изготовления бумаги пришлось бы начисто вырубить все леса планеты. На это могут сказать, что публикация статей перемещается в Интернет. Облом вот в чём – изданную в печатном виде статью просмотрят рецензенты и, вообще, к её выпуску отнесутся серьёзно и даже будет какая-то вероятность того, что там всё правильно. Ну а в Сеть залить материал может кто угодно. В свою очередь, такие науки как квантовая механика являются контринтуитивными и поэтому то, что кажется верным, отнюдь не обязано таким быть. Вот так просто взять, что-то прочитать с монитора и потом использовать результат, навскидку показавшийся истинным, – это путь к увеличению количества ошибок. Если мы допустим, что прогресс сохранится, то в будущем получится, что Интернет превратится в аналог бесконечной библиотеки, описанной у Борхеса. Конечно, будут существовать сайты, за достоверность материалов с которых будет ручаться их редакционная коллегия, составленная из компетентных специалистов. Но не смогут же эти специалисты просматривать вообще всё, что бешеными темпами выкладывается. А еще члены редколлегий могут счесть антинаучным бредом новаторские работы никем не понятого гения. Далее, существует такая наука как статистическая физика, которую, по словам одного знакомого мне физика, по-настоящему понимают от силы человек десять во всём мире. Поэтому воспользоваться даже уже готовыми и общепризнанными достижениями этой науки, всё равно, затруднительно. Ну а с общепризнанностью тоже бывают серьёзные заминки. Например, в математическом сообществе в связи с вопросом о спорадических конечных группах остро встал «философский» вопрос: считать ли доказательством мудрёный текст на 4000 страниц, который кроме авторов понять способны от силы человек 20, ни один из которых не горит желанием детально всё проверять и обдумывать, потому что у всех них есть дела поинтереснее. Таким образом, неизбежно замедление скорости прогресса, ну а если при огромных запасах знаний и технологий эти запасы увеличиваются с маленькой скоростью, то прогресс больше не сможет регулярно вносить существенные изменения в жизнь людей. Могут еще сказать, что вместо человечества наукой займутся машины. Сейчас уже существуют такие системы как WolframAlpha/WolframMathematica или Maple, помогающие проводить те сложные вычисления, которые можно автоматизировать. Однако придумывать и понимать должен, по-прежнему, человек. Если же придумывать и понимать начнут машины, то тогда и прогресс будут осуществлять они, а не человечество. Не хочу здесь писать о «восстаниях роботов», поскольку этих роботов еще, как минимум, разработать надо, чтобы они перестали быть только лишь образом из фантастики.

Выше мы разобрали, почему научно-технический прогресс обречён на вхождение в ступор, даже будучи взятым безотносительно к обществу, которое его осуществляет. Но для нас, для анархистов, не менее значимо, что в современном мире наблюдается ситуация, которая пусть и утрированно, но верно передаётся стишком: «Новую пушку учёный собрал, с ней снёс деревню к чертям генерал». Каждая технология, как только она появляется, попадает не в руки всего человечества и любого человека в отдельности, но в руки тех, кто профинансировал её разработку. Чаще всего, это либо крупные корпорации, либо военные ведомства, либо какие-то иные государственные департаменты. Всё это наши враги. В подавляющем большинстве случаев только тогда, когда технологию удаётся выпустить в «стерильной» версии, её превращают в общедоступную. Да, бывают исключения, вызванные взаимной враждой между корпорациями или тем, что кто-то из людей сумел сделать нововведение достоянием всех, однако их меньше, чем хотелось бы. На данный момент, на планете отсутствует по-настоящему сильное анархистское движение, а поэтому любая новая технология (обязанная усиливать власть буржуев и

Дикари и стереолитография

Анархистами регулярно штампуются тексты на тему того, что государство плохое и буржуи тоже плохие. Так-то оно так, но ведь есть и другие вопросы. В частности, всё сложнее не замечать, что перед нами встаёт вопрос о технологиях. До сих пор только анархо-примитивисты уделяли ему должное внимание. Лично по мне, я согласен с существенной частью выводов Качински, но вот Зерзана склонен рассматривать как создателя новой религии, центральным догматом которой является то, что между человеком и природой не должно быть никаких посредников. Это утверждение, на самом-то деле, принимается как аксиома, без которой все остальные позитивные тезисы примитивизма тут же рухнут. Однако в высшей степени непонятно, с чего бы это воплощением совершенства должна быть биосфера одной из планет, чьё время жизни – краткая вспышка по сравнению со временем жизни Вселенной. А если природа не совершенна, то что тогда мешает иногда удаляться от неё? В общем, текущая цель такова - не худо бы понять, что именно приносят нам технологии и какую цену мы за это платим. Правда, статья сия на полноту не претендует. Скорее уж, я только воспроизведу некоторое количество своих или чужих мыслей на этот счёт.

Те, кто знаком с другими моими текстами, могли заметить, что я часто опровергаю концепции, сформировавшиеся в Европе в 18-19вв. Что ж тут поделывать? – люблю подобное занятие. И настала очередь мифа о научно-техническом прогрессе. Он гласит, что человечество способно (и должно) непрестанно развиваться, совершая новые открытия, внедряя новые изобретения и, тем самым, изменяя общественные отношения. Я же предлагаю задуматься над тем, сможет ли подобное развитие быть вечным. Прежде всего, всё упирается в проблему конечности жизни каждого человека. Если в 17-м веке Декарту, чтобы придумать прямоугольную систему координат, надо было знать только то, что такое прямая и что такое углы и расстояния, то в наши дни для того, чтобы как-то изменить математику, нужен вполне себе нехилый багаж знаний и умений. И с химией также – всё, что можно было получить, смешав какие-нибудь ингредиенты у себя в сарае, уже получили, а над синтезом новых материалов работают многочисленные команды специально обученных профессионалов. При сохранении той же продолжительности жизни или непринципиальном её увеличении, рано или поздно учёные попадут в ситуацию, описанную в поговорке: «Век живи, век учись - умным и помрешь». Решений этой проблемы я не вижу. Изобретение пуленепробиваемой кожи и т.д. продлят жизнь ненадолго, ибо главная загвоздка в мозге. Более того, мейнстрим считает, что мозг устроен так, что большинство людей способно активно обучаться лет до 20-25 (но неизвестно, это из-за биологических причин вроде той, что эволюция человека идёт медленно, а почти всегда люди жили-то лишь до 25-30, или же это из-за социальных причин). Искусственные части мозга упираются в две проблемы - их еще никто не сделал, плюс имеется такой общефилософский вопрос: а останется ли личность после этого той же самой личностью и будет ли она осознавать/ощущать процессы, происходящие в пересаженных частях. Короче, я считаю, что с мозгом перемен к лучшему не будет. Нужды прогресса опередили развитие человечества как биологического вида.

Но и неизбежность старения каждого индивидуума – это еще не всё. Помимо неё есть проблема систематизации достижений так, чтобы людям было удобно этим пользоваться. Некогда единая наука ныне разбита на множество разделов, причём зачастую это деление странное и открытия происходят на стыках наук. Химику может, например, неожиданно понадобиться какой-нибудь факт из физики, который не был включён в ту образовательную программу, которую он проходил у себя в вузе. Понять, что нужно включать, а что – нет, невозможно, так как для этого нужно заранее знать, что именно потребуется для открытий, а включить все факты в программу невозможно, так

собственности коммуны/города/человечества. Оно, естественно, будет осуществляться в порядке очереди и всё такое - к конфликтам это приведёт не в большей степени, чем то, что на организационном голосовании часть голосовала за одно количество продукта, а остальные за кардинально другое. Что делать, если кто-то придёт и начнёт всё крушить или мешать работать? Вопрос такой имеется, но к данной теме отношения не имеет, потому что этим кем-то может оказаться и член организации. Гораздо интереснее вопрос, откуда брать материал. Тут есть несколько возможностей. Во-первых, осуществить полный цикл изготовления для себя нужной вещи гораздо анархичнее («мы сами решим свои вопросы»), чем всё время только точить детали, пока кто-то всё время добывает руду, а кто-то её всё время плавит. С непривычки хождение сразу по всем предприятиям будет гораздо более трудоёмким, чем если бы люди разбились и каждый делал бы только то, где он лучше специализирован. Но так будет только с непривычки. Зато и трудиться будет интереснее, и над личностью не будет тяготеть результат коллективного голосования. Во-вторых, не будем забывать о кратковременности проектов. В некоторых федерациях коммун люди могут поступить примерно так – проект добывает руду и отвозит её на склад возле сталелитейного завода, где другой проект отливает сталь и отвозит её по другим заводам, на которых тоже действуют проекты, делающие еще что-то. А каждый житель сам решает, куда он пойдёт и при желании легко меняет инициативы, в которых участвует. Опять же, захотел человек что-то для себя сделать – увидел, что его 3D-принтеру стали не хватает и пошёл помогать на сталелитейный. Конечно, всё это красивые общие слова. Частности не проработаны, а еще непонятно, как быть со сложными областями, в которых дилетанту делать нечего. Но я и не картину грядущей идиллии рисовал, а только обобщённо показывал, что в рамках федерации коммун каждый коллектив производителей лучше задействовать не в виде организации, а в виде инициатив/проектов.

Спустимся с небес на землю и поговорим о сегодняшнем дне, когда до анархии еще далеко. Рассмотрим как поле для мысленного эксперимента некий сквот (ну или хаус-проджект). Если на него заселились те, кто хочет понимать свой сквот как организацию, то там при условии, что задумка не провалится, будет следующее. Сначала люди наведут везде порядок, по возможности улучшат коммуникации, обставятся мебелью и т.д. Пара лет пройдет и будет всё прекрасно. Останется либо расписывать стены репродукциями картин Пикассо, либо же сказать, что и без этого всё отлично, а потом сидеть и вздыхать, как бы что не попортилось да как бы побольше людей узнало бы, как мы тут всё хорошо организовали. Что в итоге получается? – возможно, что даже сквоттерская обывательщина или, иными словами, сквоттинг ради сквоттинга. Безусловно, здесь я, пожалуй, сгустил краски – поселенцы могут еще участвовать в иных акциях, а жить на сквоте и не платить коммунальщикам круче, чем жить в квартире. Да и не исключено, что сквоттеры могут давать вписки анархистам, в том числе и тем, что находятся в розыске. Но, если понимать сквот будут как организацию, то там будут регламентированы некоторые вопросы ежедневной жизни (вновь см. определение организации), а еще часть внимания будет уделяться имиджу сквота и его совершенствованию. Перейдём к ситуации с проектом. А вот там сквот – это не цель, а только метод или потенциал. Понимая кратковременность своего пребывания в заброшенном здании, люди не станут превращать его во дворец. Жить же там они будут лишь до той поры, пока всякий раз будет находиться цель, это оправдывающая. Если ничего содержательного происходить не будет, то анархисты, нисколько не сожалея об имидже обустроенного места, покинут его, дабы переместиться туда, где больше простора для важной и интересной деятельности. На всякий крайний, они всегда смогут вернуться назад. Поскольку ничего сверхсложного они там не устраивали, даже если придётся что-то восстанавливать, это не станет особой проблемой.

Настало время заметить, что существование организаций чаще всего оправдывают тем, что они позволяют координировать действия многих людей с расчётом на долгосрочную перспективу. А знаете, что лучше всего координирует действия людей на протяжении многих лет? Правильно: государство. Ну и спрашивается, зачем пытаться «прокачивать» параметр, по которому принципиально никогда не удастся обогнать противника. Этатисты пытаются внушить, что без дисциплины, формализма и иерархии могут быть лишь слабые и аморфные структуры. И они преуспели в навязывании этой позиции. Я же предлагаю посмотреть на Махновщину и на подобные ей социальные явления под иным углом. «Платформа», написанная Махно (правда, уже после поражения в Гражданской войне), по сути, предлагает строить анархо-движение как «недогосударство». Однако сложно усидеть на двух стульях. Как говорится, «вы уж или крестик снимите, или трусы наденьте». Хотите централизованной дисциплины – идите к этатистам, потому что иначе попытки скрестить её с анархией приведут к тому, что и свободы не будет, и дисциплина выйдет прихрамывающей. «Недогосударство» не сможет победить государство, потому что в нём наиболее ценными параметрами считаются, как раз, те, которые у государства развиты лучше. Поэтому с них надо смещать акцент на другие параметры. Дуболомную силу всегда можно одолеть при помощи ловкости, хитрости и незаметности. На это и предлагаю глянуть, дабы убедиться, что их совершенствование абсолютно совместимо с внеорганизационным анархизмом.

В конце «Грядущего восстания» хорошо сказано про создание так называемых зон непрозрачности, в которых государство ничего не сможет понять. Сеть проектов – вот что непрозрачно. Если человек по ночам совершает атаки, а днём раздаёт листовки или орёт на митингах, то его анонимность под угрозой, потому что он часто бывает на виду у спецслужб. Но если человек по ночам совершает атаки, а днём развивает анархистскую социальную инфраструктуру (то есть активно обобществляет знания в либертарном университете, помогает в анархо-медпункте, раз в неделю ездит на сельскохозяйственное анархо-поле и т.д.), то тогда при соблюдении должных мер предосторожности (называть либертарный университет «университетом самообразования», а про урожай для потребления узким кругом анархов вне этого круга не распространяться) в органах могут вообще не знать про его причастность к революционерам. А даже если органы и узнают, что есть сеть инициатив, то тогда им еще надо понять, сколько там различных проектов, а также как они все между собой взаимодействуют, а также каковы возможности анархистов в ответ на репрессии нанести контрудар. Собирать аналогичную информацию про организации гораздо проще, особенно если иметь в виду, что в организациях граф взаимодействий связан, в то время как у сети инициатив он таким может и не быть. Ну и не забываем, что иногда «подобное притягивается подобным» и здесь, как раз, ровно данный случай. У организаций есть какой-никакой устав, какие-никакие механизмы принятия решений и так далее, а это означает, что организации отчасти похожи на государства, что делает их логику функционирования понятной для спецслужб, а еще привлекает их внимание. Однако вот инициативы, держащиеся, с точки зрения чиновников и фэбосов, хрен знает на чём («как же это можно без формальных правил?» – могут недоумевать они), будут восприниматься ими как несерьёзная тусовка, не способная заключить в себе настоящую угрозу. Когда же они осознают мощь децентрализованного спонтанного сопротивления, то окажется поздно, плюс в силу своей непонятности и неформализуемости протестные инициативы покажутся им непредсказуемыми и неуязвимыми. А если вдруг некий «эшник» сумеет отложить у себя в голове хоть сколько-нибудь вменяемую картинку того, как всё это результативно существует, то тогда он рискует стать анархистом, потому что, тем самым, до него, наконец-то, допрёт, почему при анархии всё не рухнет на следующий же день и почему анархия лучше государства.

это, само христианство как таковое тоже является причиной огромного количества убийств. При этом дело не только в том, что это ортодоксальная религия. Как известно, представители многих языческих верований вообще не устраивали на протяжении всей их истории войн из-за религии. Причина этого в том, что язычники, по сути, поклоняются вполне определённым объектам, которые реально существуют. И хотя поклонение лесу не принесёт никакой материальной пользы, это поклонение не требует отказа от собственной жизни и не требует ограничения собственных (а, следовательно, и чужих) желаний. Про христианство же, равно как и про ислам, сказать такое нельзя.

На всякий случай, еще раз вкратце о том, как из предложенного мной постулата выводятся те принципы анархизма, которые отрицают вредоносные институты. Капитализм требует отдавать своё свободное время во имя химер производства и прибыли, а государство требует отдавать своё свободное время и иногда даже свою жизнь во имя надуманного чувства патриотизма и во имя интересов несуществующих общностей, таких как нация или все те, кто обладает соответствующим гражданством/подданством. Несложно также понять, что беспредел силовых структур, на который почти никто не отвечает, или стабильное экономическое принуждение становятся возможными только тогда, когда человек смещает центр своего бытия из себя во что-либо воображаемое. В то же время, делаю важную оговорку: я не знаю строгих доказательств того, почему из приведённого мной принципа непременно должен вытекать принцип отказа от эксплуатации других людей (правда, я имею неоконченные наброски подобного доказательства: грубо говоря, эксплуатируемого надо контролировать и эксплуататор растрчивает себя на поддержание этого контроля, который напрямую к нему как к человеку не относится). Поэтому всю суть анархизма выразить в паре предложений мне не удалось – Впрочем, а кто бы сомневался, что такое вообще хоть кому-то по силам.

Напоследок, поговорим о пользе для анархо-движения. Моё отношение к ней угадать несложно. Если кто-то слишком активно капает вам на мозги, что вы приносите мало таковой пользы или что ваша деятельность контрпродуктивна, то не забывайте, что вы можете воспользоваться тем колюще-режущим предметом, который наверняка лежит у вас в кармане. Шутка. Но «учителя от анархии», всё равно, даром не нужны. Вот лично я живу не для того, чтобы забыть о себе и начать помогать строить анархию народам Азии и Африки. «Права не даются – права берутся!», а поэтому всемилостивейше дать права и свободы тем, кто не может взять их самостоятельно, не получится. Можно только помочь тем, кто уже начал борьбу, если есть такое желание. И тут же предчувствую, как кое-кто панически завизжит: «А что же тогда будет с анархизмом? Как же тогда анархия настанет? Это в чистом виде эгоизм и тяга к развлечениям, а не серьёзный активистский подход!». Могу только сказать, что любая строгая теория окажется неверной, а поэтому предсказать сроки всеобщего перехода к безвластию невозможно. Но и незачем ждать этот переход, так как можно воплощать анархистские принципы уже здесь и сейчас. И если в «серьёзных» организациях всё будет держаться на чувстве коллективной ответственности и сверхсоциализации (читаем Манифест Унабомбера про то, что это такое), то у настоящих анархистов их совместная борьба будет держаться за счёт личной заинтересованности каждого в её продолжении. Когда такая заинтересованность есть, понимание причастности к движухе и ассоциирование своей собственной пользы с её пользой просто-напросто не нужны. Совсем.

институты. Но они поверят в некое «общество», на благо которого каждый обязан будет трудиться. И если кто-то не захочет работать на это «общество», то столкнётся он не с экономическими санкциями (не работаешь, значит не получаешь зарплату и вынужден искать альтернативные источники средств к существованию) и не с принуждением со стороны полиции (которого может и не быть), а с сопротивлением всего остального населения планеты. Восставший будет заклеен как позорный тунеядец, в довершение ко всему посягнувший на всеобщее равноправие за счёт того, что возомнил, будто он имеет особое право не работать на общее благо. Конечно, настолько печально, как было описано, всё будет, только если в пользу социума верить начнут слишком фанатично. Но если не защищать её рьяно, то среди свободных людей ей никто и не будет руководствоваться, потому что свободному очень легко ощутить кратковременность своей жизни, а это влечёт за собой понимание, что важны лишь явления первого типа. И, заметьте, никакого сталинского антагонизма «личность vs. масса» во всём этом нет. Во-первых, общество нужно индивидууму для реализации психологической потребности в общении. Во-вторых, человек может столкнуться с насущными проблемами, решить которые в одиночку невозможно. В-третьих, человек может столкнуться с такими проблемами, для решения которых его одного вполне хватило бы, но, тем не менее, было бы гораздо удобнее объединиться с товарищами, у которых та же самая проблема. То есть если явления первого типа толкают к обществу, то личность взаимодействует с обществом и такое взаимодействие полезно. Но когда с обществом личность пытается связать через какие-то умозрительные конструкты вроде расы, нации, класса или одинакового гражданства, это всегда означает обман. Мир слишком сложен, чтобы решать проблемы тех, кого ты никогда в жизни не видел и про кого поэтому ничего не можешь знать наверняка. Полноценно прожить свою собственную жизнь – вот задача, решать которую можно и нужно всегда.

На первый взгляд, может показаться, что сейчас я ушёл далеко в анархо-индивидуализм. Я на ярлыки внимание не обращаю, поэтому при желании можете считать, что это так. С другой стороны, нелишне будет привести исторические примеры того, как придание важности явлениям второго типа вызывало нежелательные социальные последствия (именно социальные, а не существенные лишь для кого-то одного). Можно назвать много экономических причин того, почему в Германии в 1930-х годах к власти пришли нацисты. И я не спорю, что экономика на это повлияла. Но сводить события гигантского размаха, в которых участвовали миллионы людей, к одной только экономике, забывая о социальных и биологических причинах – это твердолобая упёртость, доставшаяся по наследству от бородатых дядек из 19-го века. Приведу одну лаконичную и глубокую цитату о Гитлере и взглядах, которые при нём насаживались: «Несколько лет спустя патологический гений, самым эффективным образом использовавший невежество и боязнь счастья, привел Европу на край гибели под лозунгом "героического самоотречения"». Иными словами, немцам предлагалось забыть о себе, потому что это якобы ни к чему не приведёт и заранее обречено на провал, а также предлагалось поверить в великую Германию и арийскую расу, вместо своих собственных побед и поражений живя победами и поражениями двух этих умозрительных общностей. Также стоит вспомнить христианство, которое не так давно Нергал назвал «самым кровавым культом за всю историю человечества» (ну да, социологи негодуют, потому что христианство – не культ). Все три основных ветви христианства немало отличились в бессмысленном кровопролитии. Католики породили святую инквизицию, среди протестантов чего стоил один только Кальвин, введший в Женеве тоталитарные порядки, православные устроили между собой в 17-м веке Великий Раскол, а еще эти три течения успели много раз яростно повоевать и между собой, и с представителями иных религий. Безусловно, Тридцатилетняя война являлась религиозной чисто номинально, а многие другие религиозные войны имели под собой также и светскую подоплёку, но, несмотря на

Еще один недостаток организаций опять основывается на том, что у них, как вы все уже успели заучить, должны быть внутренние регламенты. Такие регламенты не могут не затронуть ну хотя бы один дискуссионный вопрос. Если все верят в прямую демократию, то тогда в манифесте может оказаться спорное утверждение. Конечно, несогласному меньшинству может быть дано право его не выполнять, но тогда вызывает недоумение следующее – а зачем какую-то одну из спорных позиций объявлять позицией организации, если, всё равно, можно не соответствовать этой позиции. В данном случае организационное единство становится призрачным. А если заставить всех подчиняться мнению большинства, то тут и диктатура общества над личностью, и еще одна проблема – в сети проектов одни бы могли начать делать одно, другие другое, а потом уже практика показала бы, чьё мнение оказалось более жизнеспособным, но вот когда осуществляется всего лишь одна модель, сравнивать её не с чем. Простор для социального эксперимента сужается, а это плохо, потому что без разнообразных экспериментов не удастся получить более-менее верные представления о будущем обществе и путях к нему.

Однако на данный момент самый существенный недостаток организаций даже не в этом. Посмотрим на противопоставление: общие и далёкие цели в программах организаций, простые и осуществимые цели у проектов. К чему это приводит? К появлению активизма ради активизма. В программе организации написано что-нибудь про построение анархии во всём мире, но вот как это делать – непонятно. «Чтобы бороться с государством, нужно больше активистов» – думают некоторые и начинают размахивать чёрно-красными тряпками, рисовать «а в круге» на заборах и везде в Инете совать ссылки на страничку своей организации. В условиях пассивности масс организация становится идолом, подменяющим собой истинную борьбу. Инициативы же не акцентируют внимание на себе самих, но позволяют направлять усилия к достижимым результатам. Один настоящий результат, другой настоящий результат, прорыв на каком-то социальном фронте... - а там уже и до анархии ближе станет. Надо только начать. Весь вопрос в том, чтобы отбросить игру в съезды, сборы, голосования и тренировочные лагеря, сделав вместо этого первый шаг на пути к свободному обществу. Дальше же на каждом шаге будут новые проекты и новые инициативы, новые формы и новые содержания.

Напоследок предположу, что многие не поверят, что идея об организациях наносит столько ущерба движению. Во-первых, так кажется, потому что ошибочно отождествляются два значения одного и того же слова. Во-вторых, так кажется, потому что анархо-организации не являются организациями в строгом смысле, указанном в определении, но также содержат в себе отдельные черты как раз той самой сети низовых инициатив. Были бы они настоящими организациями, с ними всё было бы гораздо яснее. Ведь, грубо говоря, «организация – это партия, не собирающаяся лезть в парламент». В кавычках даже не совсем шутка.

Институционализация

В данном тексте я планирую разобраться с понятием, вынесенным в заглавие, рассмотреть примеры, среди которых все кроме одного банальны, и, напоследок, изучить связь текущей темы с темой антиорганизационщины, затронутой в предыдущей моей публикации. По возможности, акцент будет ставиться на то, что имеет хоть какое-то отношение к анархизму.

Найти готовое определение оказалось не так-то просто. В БСЭ статья по слову «институционализация» отсутствует, а Википедия определяет её не совсем так, как мне хотелось бы. Введу своё, на академичность которого не претендую. «Институционализация – это выделение в некотором процессе или некоторой структуре составных частей и/или отношений между ними, которое сводит широкое разнообразие теоретически возможных вариантов к набору вариантов, укладывающихся в определённые схемы». Не знаю, понятно ли выразился. Если кто-то не понял, можно перечитать. А если и это не помогло, то попробую по-простому. Было что-то сложное, неоднозначное, хаотичное или способное пребывать во многих состояниях. Потом в этом чём-то почему-то начинают отличаться некоторые его куски, из-за чего сложное становится проще, непонятное понятнее, а содержащее слишком много степеней свободы часть из них теряет. Вот то, что произошло, и называется институционализацией. Теперь, надеюсь, с определением покончено. Осталось, разве что, немного его прокомментировать. Предложенная мной формулировка довольно широкая. Во-первых, она не подразумевает непременно введения правил, или письменных регламентов, или кодификации (википедийное определение тем мне и не понравилось, что применимо только к процессам, происходящим в человеческом социуме, да и то не ко всем). Во-вторых, выделение составляющих не обязательно происходит так, чтобы функции были разделены между выделенными и оставшимися частями. Важно только, чтобы хоть что-то из прежде возможного стало невозможным, а это не всегда означает, что некая часть больше не может выполнять какую-то функцию.

С чем можно сравнить институционализацию? Приведу две зарисовки: одну нейтральную, а другую не очень. Представьте себе американские горки, по которым запустили шарики, у которых можно «отключать» трение о рельсы и о воздух. И вот они как-то дико носятся, сталкиваются друг с другом, меняют направление движения, а люди извне подталкивают и заворачивают их. Предсказать, что будет через час, невозможно. Но потом трение «включили», а людей отогнали подальше. Шарики сколько-то времени покатались и стали спокойно колебаться, как маятники, в тех углублениях, в которых застряли. Трение опять «вырубили», однако всем понятно, что отныне шарики смогут лишь перекатываться из стороны в сторону, а через час будет то же самое. Сложный и непредсказуемый процесс был уничтожен, но зато появилась возможность легко подсчитать, сколько всего шаров, а также какова скорость каждого из них. В случае же с человечеством за каждую новую институционализацию приходится платить свободой и полнотой бытия, получая взамен упрощение жизни и некоторые гарантии по поводу будущего. Отсюда переходим ко второму сравнению. В древнегреческой мифологии был такой персонаж как Мидас, который всё, к чему он прикасался, превращал в золото. Так вот, институционализация – это, своего рода, Анти-Мидас, превращающий всё, что ей подвергается, в дерьмо. Данный тезис будет подкреплён рядом примеров.

Пример, наиболее известный и каноничный. Насилие – это применение физической силы, направленное на причинение боли, травм или смерти и/или имеющее целью принудить другого субъекта к каким-либо действиям. Насилие по сути своей противоречиво, так как подразумевает конфликт между волей того, кто его применяет, и

развития «прото-гетто», содержащих в себе зачатки черт гетто. На самом деле, никто не берётся утверждать, что нынешний вид гетто – это окончательная форма, за которой не последуют другие формы (например, технофашизм или примерно как в «1984»). Однако у всей совокупности подобных общественных ограничителей есть общие признаки. Какие? – а вот это и будет удобно обсудить, говоря об отрицающем их анархизме.

Общеизвестно, что главный аргумент, выдвигаемый в пользу разделения труда – это то, что при нём увеличивается производительность. Производительность – это, по определению, отношение количества произведённого товара ко времени, на это потраченному. И не было бы в этом ничего плохого, если бы то, сколько работать, определялось бы количеством произведённого товара, а не временем, проведённым на работе. Да-да, есть всякие фрилансеры и еще кто-нибудь, у которых всё, как раз, наоборот, но это именно исключение из правила, а правилом это не может стать по той хотя бы причине, что для этого потребовалось бы сломить весь капитализм с его законами «расти или умри!». Короче, рост производительности приводит только к тому, что увеличивается количество произведённого, но свободного времени остаётся столько же. За количество товаров приходится платить качеством, причём как качеством товаров (один пример из тысяч – гитары массового производства не идут ни в какое сравнение с гитарами, сделанными вручную мастерами, которые за год этих гитар делают меньше, чем завод способен выпустить за день), так и качеством жизни производителя (мало кому понравится целый день с бешеной скоростью точить одинаковые дырки в одинаковых болванках). И ладно бы, если бы от количества был бы прок, но ведь больше, чем в желудок влезет, не сожрёшь. Вот и получается, что в развитых частях Системы на помойку выбрасывается годная электроника, у которой просто модель устарела, а также та еда, которая просто долго была ненужной и успела протухнуть. На лицо нерациональное расходование усилий, которое, вообще-то, блекнет перед неадекватным расходованием человеческой жизни, когда человек то играет роль безумного производителя, то играет роль безумного потребителя, но никогда не успевает испытать что-нибудь, что отвечало бы полноте бытия, выходящего далеко за рамки товарного конвейера. Итак, жизнь – последовательность моментов, каждый из которых уникален и может быть занят только чем-то одним, и которые поэтому не стоит тратить однообразно. Важным принципом является «качество вместо количества».

Впрочем, как бы ни был этот принцип важен, он не отражает всей глубины проблемы. Настоящие два полюса, противоречие между которыми и является ключевым противоречием между государственностью и анархией, таковы. С одной стороны, есть то, что непосредственно воспринимается человеком и влияет напрямую на него. С другой стороны, есть то, что воспринимается человеком лишь умозрительно, а влияет не на него, а на какие-то категории или общности, к которым он мысленно себя относит. Разбив все явления на два вышеперечисленных типа, я утверждаю, что что-то может быть хорошим или плохим только в том случае, когда относится к первому типу. И ориентация на первый тип явлений – вот основополагающий тезис анархизма, отражающий его суть как суть освобождающего мировоззрения. А придание важности тому, что относится ко второму типу, является основой лжи, принятие которой позволяет государству, капиталу или религии господствовать над человеком. И эта же ложь позволяет также подчинять людей посредством идеологии. Более того, пока люди будут отказываться от своего бытия в пользу надуманных абстракций, их жизни так и будут увечными, вне зависимости от того, какими прекрасными были изначальные абстракции. Так, например, пусть вся планета разом уверовала в то, что высшая и священная ценность – польза децентрализованного общества, лишённого экономического и социального неравенства. Вроде бы, всё «по анархии». И, действительно, такой мысленный эксперимент поначалу покажет, что люди уничтожат государства и прочие вредные

Маленький ребёнок верит, что родители учат его только хорошему, а поэтому постепенно подсознательно принимает неписанные регламенты. Для подростков всегда можно создать искусственные потребности и свою биологическую тягу к бунту они направят, скажем, на то, чтобы носить «фред перрри» и Lonsdale, потому что им будет казаться, что «это дико по нонконформизму и вообще угарно». А дальше что-то изменить будет всё сложнее и сложнее, потому что в условиях гетто каждый учится не тому, что ему нужно для поддержания собственного жизнеобеспечения. Каждый учится лишь выполнению ряда узкоспециализированных действий, составляющих его профессию. Всё необходимое тупо даётся в обмен на деньги. Таков механизм, создающий силы инерции, возвращающие назад. И, конечно же, несмотря на всё это есть те, кому удаётся вырваться на свободу, но сейчас речь была не о них, а о том, как в общих чертах существует современное человечество на тех территориях, которые уже подверглись превращению в цитадели Системы.

Для хоть сколько-нибудь полной картины гетто осталось разъяснить один момент. Часто говорят, что нынешнее общество породило «одномерного человека». Лично же мне больше нравится выражение «осевой человек», и сейчас я объясню, что под ним понимаю. Это человек, вся жизнь которого распадается на несколько осей или шкал, каждая из которых, и впрямь, является одномерной, но которые все вместе образуют нечто, что, всё-таки, не является вкладываемым в одномерную прямую. В смысле, занимается кто-то потреблением и это у него выходит «одномерно»: при покупке решающим является критерий отношения цены к «качеству» (взято в кавычки, поскольку в отличие от качества «качество» включает также степень разрекламированности). А занимается этот человек работой и тупо хочет одного: сделать всё как можно быстрее и с наименьшим приложением усилий. Отдыхает человек с друзьями и всё идёт по одному и тому же сценарию: может быть, это вечные пьянки на квартире, а, может быть, это поездки на выходные на шашлыки. Конечно, можно сказать, что все эти действия явно не одномерны в буквальном смысле этого слова. Так, например, мы выяснили что параметр «цена-«качество»» не одномерен, так как «качество» - функция от ряда аргументов. Да, количество параметров больше единицы, но, всё равно, я думаю понятно, что имелось в виду под «одномерностью» (если вдруг это читает упоротый математик-педант, то специально сообщаю, что имелось в виду декартово произведение одномерного линейного пространства на ограниченное подмножество «эр-эн»). А неполноценность «осевого человека» в том, что он не видит связи между трудом и потреблением и для него никак не сказывается то, что, на самом деле, труд и потребление образуют «двумерную» плоскость, от которой он видел только две оси, но не увидел всех промежуточных состояний. Аналогично плоскость задаётся и парой из потребления и отдыха с друзьями. Более того, можно задать трёхмерное пространство, совместив труд, друзей и удовлетворение потребностей, а если добавить еще что-нибудь, то появятся пространства больших размерностей. В современном обществе жизнь разбита на никак не связанные друг с другом куски, каждый из которых отвечает только одной активности, которая отчуждена от остальных. Такая фрагментация единого целого не может не портить каждый из получившихся фрагментов. От «скелета» из координатных осей лучше перейти к объединению вообще всех существующих точек.

Теперь, наконец-то, я могу приступить к тому, чтобы рассказать, как понимаю анархизм. Лично для меня это мировоззрение, основанное на утверждении ценностей, прямо противоположных основным ценностям гетто. Скоро разберём это подробнее, но пока вставлю комментарий, объясняющий, почему такое определение хоть сколько-нибудь корректно, если анархистами люди себя называют уже не меньше полутора веков, а «постиндустриальному» капитализму нет и пятидесяти лет. Всё просто – так называемое гетто в его нынешнем виде появилось не сразу, а ему сначала предшествовал процесс

волей того, против кого оно направлено. Но это только тогда, когда оно берётся в своём непосредственном виде. Если же рассматривать опосредованные формы, то противопоставление может быть весьма и весьма сглаженным. Например, многие люди настолько привыкли к тому, что требования гаишников, являющиеся законными, надо выполнять, что они практически не замечают, что соблюдение этих требований обеспечивается штрафом, неуплата которого, в свою очередь, может повлечь за собой вызов в суд, где вполне могут подвергнуть административному аресту. Здесь мы сталкиваемся с институционализированным насилием, а именно с государственной властью (на самом деле, институционализированным насилием способна быть не только она, потому что один и тот же процесс или одна и та же структура может подвергнуться институционализации многими способами, содержательно различающимися между собой). В чём его кардинально неприемлемые недостатки по сравнению с хаотичным и неупорядоченным применением силы? Прежде всего, в вышеупомянутом сглаживании противоречий. Никто не чувствует на себе всю полноту ответственности за совершаемые действия. Предположим, за убийство судят невиновного человека. Следовательно, в соответствии с распоряжениями начальства, должен был раскрыть за месяц столько-то преступлений и, чтобы успеть, он включил в дело, передаваемое в суд, как-то собранные косвенные и неоднозначные улики против подозреваемого. В конце-то концов, судья пусть и решает, виновен человек или нет, а «моя хата с краю». А судья видит, что все представленные ему материалы свидетельствуют против обвиняемого. Детально разбирается, что же произошло на месте убийства, не входит в перечень социальных функций, которые он должен выполнять. Вдобавок, не судье бросать человека в тюремные стены и караулить его там. И он, так как должен вынести какое-то решение, выносит обвинительный приговор, поскольку в пользу обвинения собрано больше фактов. Дальше же осуждённого охраняют конвоиры, чья задача состоит лишь в транспортировке заключённых из СИЗО на этап и в колонию безотносительно к тому, кто осуждён и как осуждён. Ну а в тюрьме задача тюремщиков ограничивать свободу тех, кого к ним привезли. Опять же, безотносительно к тому, что это за люди и стоит ли держать их взаперти. Суд всё решил, а они только контролируют, потому что иначе якобы не будет порядка. Все что-то сделали, чтобы навредить человеку, но никто не виноват. Теперь предположим, что кого-то убили в условиях отсутствия государства. Если все считали убитого мудаком, то никому и не будет важно установить личность нападавшего (возможно, все зря считали жертву воплощением уродства, ибо это был непризнанный гений и вполне толковый чел, но убитого уже не оживить, а вот наказывать за его смерть кого-то, пока еще живого, никому не хочется). Если же нашлись люди, для которых гибель жертвы оказалась серьёзной потерей, то именно эти люди сами скоординируются, установят личность убийцы и накажут его так, как посчитают нужным. При этом вся полнота ответственности за их действия будет лежать только на них, а это значит, что они будут заинтересованы действовать разумно и качественно. Хотя бы потому, что им навряд ли хочется умирать, а тем более умирать бездарно: от руки тех, кто накажет их за то, что они казнили не того, кого нужно, или казнили, но за то, за что казнить нецелесообразно. Кто-то может сказать, что это возвращение к институту кровной мести. Отпарирую это так – кровная месть потому и названа институтом, что тоже появилась в процессе институционализации. Свободный человек сам волен решать, был ли его погибший родственник мудаком, а если вдруг был, то чего же тогда мстить за него. А еще непонятно, с чего бы это свободным людям организовываться по родовому принципу, как, впрочем, непонятно и то, почему в конфликте двух сторон не могут оказывать модулирующее влияние посторонние: хоть те же люди, которые живут недалеко и не хотят каждый день видеть возле себя разборки. Но даже если и допустить упрощение, сводящее всё к кровной мести, то стоит заметить, что с ней человечество успешно прожило сотни лет, и не было ни Освенцимов, ни принудительной психиатрии, ни ГУЛАГов. В обществе без законов ни одно из этих явлений не могло бы появиться,

причём всё гораздо глубже, чем просто то, что законы оправдывали существование лагерей смерти. Также необязательно сразу убивать: есть меры и помягче. Наконец, в силу биологических причин человечеству свойственна внутривидовая солидарность, забывать о которой не стоит.

Второй существенный недостаток государственной власти, понимаемой как институционализированное насилие, заключается в том, что она подразумевает неравноправие противоборствующих сторон. Опять же, нарушил человек правила дорожного движения, потому что его жена позвонила и сказала, что обварилась кипятком, а звонить врачам стесняется, из-за чего срочно нужна его помощь. Две стороны: индивид, который считает, что обогнал по встречке, не создавая другим никакой опасности, а потому ни в чём не виновен, и государство, которое считает, что обгон по встречке всегда должен наказываться в установленном порядке. Точнее, конечно же, стороны под названием «государство» нет, а есть только гаишник, выполняющий то, что от него требуется его работой, судья, выполняющий то, что от него требуется работой, ну и еще кто-нибудь, выполняющий сами поняли что. И не упускаем из виду, что есть некое абстрактное «население», интересы которого вышеназванные сотрудники предполагают защищать (правда, не ясно, кому станет лучше от того, что в бездонную казну поступит маленький штраф за обгон, не причинивший никому вреда). Не будем вдаваться в подробности, кто прав в данном конфликте, а кто виноват. Я только замечу, что исход конфликта можно считать очевидным (при условии, что гражданин не выйдет за пределы правового поля, а если выйдет, то против институционализированного насилия выступит уже насилие хаотичное). Есть целая армия работников, выполняющих свои резко отчуждённые социальные функции по поддержанию порядка, и против неё отдельно взятому человеку идти себе дороже. Он будет принуждён делать то, что от него потребуют. Насилие лишается одного своего значимого элемента, а именно схватки, сопряжённой со случайностью и риском. Когда ночью в лесу разбойник, вооружённый топором, нападает на крестьянина, безоружным едущего на телеге куда-нибудь на ярмарку, то, всё равно, есть низкие шансы, что крестьянин либо уедет, либо, бросив повозку, убежит, либо отнимет у разбойника топор и зарубит его, либо просто оглушит собственным кулаком. Всё зависит лишь от личности крестьянина и от личности разбойника. И это принижает те аспекты насилия, из-за которых оно многими считается нежелательным. А вот когда государство, обладая монополиями на правотворчество и легальное применение силы, требует от всех платить налоги, неравноценность двух сторон, интересы которых противоречат друг другу, становится слишком явственной. То, что в развитых странах часть из налогов потом идёт на социальные нужды, не изменяет сути дела, потому что идти туда они начали лишь после долгой череды революций и бунтов, которую приходится регулярно продолжать (эффект «свинцовых семидесятых» в Европе уже иссяк, но потом были хоть Париж-2005, хоть Греция всё последнее время). Первоначально же налоги собирались просто потому, что феодалы были сильнее – ни о какой социальной сфере правители и не думали. Так сказать, это была «кустаканившаяся» форма рэкета. Во всём этом прослеживается, что выбрали безопасность вместо свободы и порядок вместо полноценной жизни. Физика учит, что устойчивым положением может быть только положение с локально самой низкой потенциальной энергией. А чтобы заключить внутри себя больше энергии, придётся постоянно бороться и удерживать её. Иными словами, препятствовать попыткам институционализации, приводящей к ущербному равновесию. Но и для любого состояния равновесия рано или поздно найдутся такие силы, которые совершат толчок, уничтожающий его. Как ни упорядочивай мир, а он, всё равно, останется хаосом. Надо принимать мир таким, какой он есть, а не отказываться от него во имя вымышленных схем и иллюзорного спокойствия.

Действительно, а что на средних масштабах? Ну а там гетто, пытающееся казаться тёплым и уютным. Гетто, по неведению кажущееся сверхпрочным. Но это только если держаться подальше от его границ, до которых, увы, слишком близко. Хотя, кое-кому, пожалуй, удаётся идеально вписаться во внутренний регламент этого отгороженного сегмента пространства-времени. Однако таких немного. Остальные хотя бы изредка натываются на что-нибудь, что напоминает им об изначальном хаосе. Так или иначе, давайте проследим, как живут обитатели гетто. С утра они встают и сколько-то времени уделяют удовлетворению элементарных физиологических потребностей, после чего отправляются на работу. В крупных узлах гетто, именуемых городами, транспортная система в эти часы испытывает большие нагрузки, своим несовершенством принуждая людей тратить на дорогу больше минут и секунд, чем у них могло бы уйти при иных обстоятельствах. А дальше начинается та самая работа, как правило, состоящая из повторения небольшого набора действий, реализующих какие-либо социальные функции, то есть функции по поддержанию жизнеспособности гетто. Также от работы тот прок, что она избавляет от избытка времени и избытка сил, благодаря чему вечером люди, вернувшись домой, скорее всего, будут смотреть телевизор либо сидеть в Интернете. За работу люди получают бонусы, обычно выражаемые в денежной форме. Эти бонусы они реализуют на выходных, когда наплыв посетителей атакует не офисы и заводы, а торгово-развлекательные центры, магазины, кинотеатры и шоссе, ведущие к дачным посёлкам (если такие есть в соответствующей местности). А после выходных всё повторяется. И лишь мечта о следующем уик-энде заставляет трудиться до конца положенных сроков, а там всё опять возвращается на круги своя. С точностью до того, что бывают отпуска, а иногда даже повышения по карьерной лестнице или смены места работы. И, конечно же, гетто неоднородно. В пределах одной и той же структурной единицы люди могут обладать разным количеством бонусов, а ведь структурных единиц много и в некоторых из них вообще нет либо излишних вознаграждений за работу, либо даже самой работы, что, тем не менее, не сильно сказывается на сути гетто.

Зачем выходить из гетто или хотя бы подходить к его пределам? Пока ты живёшь, как требует неписанный регламент, ты вправе считать себя избавленным от хаоса. У тебя дома, скорее всего, есть освещение и поддерживается адекватная температура, поэтому погодные условия не страшны. У тебя, видимо, есть медицинская страховка или деньги на оплату дополнительного лечения, поэтому травмы и болезни не страшны. У тебя есть телефон, с которого можно вызвать ментов или пожарных, а поэтому непредвиденные опасности не страшны. У тебя есть трудовые обязанности, исполнение которых отвлекает от осознания жизни. Как бы ни был беден твой регион, там всегда есть телевидение, или алкоголь, или наркотики, ну или хотя бы дешёвые шлюхи, а любое из этих развлечений (иногда не столько оно само, сколько охота за ним) способно на время стусевать неполноту бытия. Наконец, всегда есть идеология, которая объяснит, что для усиленного вкалывания (ну или для массовой безработицы) есть обилие политических/религиозных/этических/«твоекорыстных» причин. Даже если ты твёрдо знаешь, что свою жизнь проживёшь абсолютно бестолково, ты всегда можешь утешиться тем, что после смерти всё будет не так, или тем, что зато твоё великое отечество развивается, а ты способствуешь его усилению (формой такого утешения, доведённой до абсурда, является радость за победы национальной сборной на спортивных состязаниях). В общем, для выхода за пределы гетто якобы нет причин. Но дело даже не в этом, а в том, что для выхода за пределы гетто почти нет возможностей. Сделать это ненадолго легко – просто взять и по дороге на работу остановиться, чтобы посмотреть на красивый рассвет, а потом опоздать на пять минут. Такие краткосрочные отлучки для гетто, в принципе, не страшны и пока там за них карают несильно (но всё может поменяться, если на то будет нужда: как известно, при дядьке, с чьей цитаты начата эта статья, за опоздание на работу можно было получить тюремный срок). А вот выбраться из гетто надолго сложнее.

Credo in unum Libertas

В очередной раз наткнулся на популярную цитату из Сталина:

«Дело в том, что марксизм и анархизм построены на совершенно различных принципах, несмотря на то, что оба они выступают на арене борьбы под социалистическим флагом. Краеугольный камень анархизма - личность, освобождение которой, по его мнению, является главным условием освобождения массы, коллектива. По мнению анархизма, освобождение массы невозможно до тех пор, пока не освободится личность, ввиду чего его лозунг: "Все для личности". Краеугольным же камнем марксизма является масса, освобождение которой, по его мнению, является главным условием освобождения личности. То есть, по мнению марксизма, освобождение личности невозможно до тех пор, пока не освободится масса, ввиду чего его лозунг: "Все для массы". Ясно, что здесь мы имеем два принципа, отрицающие друг друга, а не только тактические разногласия».

И подумал я, что вводить два диаметрально противоположных полюса «личность» и «масса» неправильно, потому что, как минимум, бывает еще позиция, выраженная в лозунге Красного Мая: «Освобождение будет всеобщим, либо его вообще не будет». Бакунин тоже считал, что свобода индивидуума неразрывно связана со свободой общества, а поэтому рассматривать любую из этих свобод по отдельности нелепо. Короче, марксисты в качестве своего «краеугольного камня» могут брать всё, что им вздумается, и меня это не особо интересует. Но вот фундамент анархизма я бы к абстрактному понятию «личность» сводить не стал. А посему ниже накатаю что-нибудь, отражающее сугубо моё субъективное мнение о том, что является основополагающим базисом анархистского мировоззрения.

Первым делом, значительная доза «философии», которую вылью одним сумбурным потоком. Мир – это неким образом объединённые сгустки квантовых вероятностей. В мире появились объекты, которые впоследствии частью из них были названы живыми существами. У этой же части тех объектов, называющей себя людьми, появилось сознание, отличающееся гипертрофированными способностями к экстраполяции и оперированию абстрактными категориями. Но это сознание не может отразить мир. Причём не может просто в драматической степени. В частности, люди до сих пор не в состоянии подсчитать количество живых существ, обитающих на одном квадратном метре леса. Во многом из-за того, что те из существ, что получили наименование бактерии, обладают слишком неразличимыми размерами. А еще, между прочим, они бывают устроены так, что процесс их жизнедеятельности наносит вред людям. И как бы люди не защищались от них, из-за маленькой продолжительности жизни и частой смены поколений бактерии быстро приспосабливаются к любой уничтожающей их среде и продолжают существовать. Именно их биологический вид царит на планете, а не вид людей, готовый исчезнуть при любой хоть сколько-нибудь серьёзной катастрофе. Но, спрашивается, а что за дело каждому отдельно взятому человеку до того, что какая-то абстракция, с которой он себя ассоциирует, может скоро погибнуть? Человек проживёт, скажем, 100 лет, а затем сам непременно погибнет. Если, конечно, не умрёт раньше из-за тех же бактерий, или из-за себе подобных, или из-за того, что внешняя среда окружит его неприемлемыми температурными условиями, или еще из-за чего-нибудь. И любой, всё это осознавший, получает в своё распоряжение некий интервал времени, который волен прожить в условиях обнаруживаемого повсюду хаоса. Или, точнее, в условиях того, что его сознанию кажется беспросветным хаосом, где малые масштабы влекут за собой инфекции и ядерные взрывы, а с гигантских масштабов могут прийти метеориты или потоки ультрафиолетового излучения. А что на средних масштабах?

На этой философской волне плавно переходим к следующему примеру. Есть вера, то есть склонность человека придерживаться некоторых взглядов (не обязательно вербализуемых), в истинности ни одного из которых он не может убедиться посредством того, что считает доказательством. При таком определении вера является сугубо индивидуальной и не может быть одинаковой у двух различных людей. Именно это обстоятельство способствует возникновению институционализированной веры, то есть религии. Начинаться всё может с того, что несколько человек попытаются передать словами то, что ощущают в своём подсознании. Зачастую, даже это не может пройти без ущерба для испытываемых иррациональных ощущений. Казалось бы, на то они и ощущения, чтобы из них и их переменчивости складывалась полнота бытия, но нет же, люди зачем-то пытаются эти ощущения обособить от себя и облечь в застывшие формы. А далее всё может дойти до того, что некоторые застывшие формы объявят обязательными для всех без исключения. В угоду спокойствию, удобству и конвертируемости в жертву приносится жизнь. Да, могло быть такое, что кто-то, совершая некий обряд определённым способом, испытал при этом сильный прилив чувств, но это не значит, что теперь способ, каким он был совершён, следует строго запротokolировать и признать единственно каноничным. Неверно, что каждому человеку нужны хоть какие-то обряды; неверно, что другие при совершении обряда «по канону» испытают то же самое, что и его первооткрыватель; неверно, что сам первооткрыватель уже через час испытает то же самое, если попробует повторить. А значит, устойчивость и обладание перманентной истиной, обещаемые религией, являются лишь надуманными фикциями, вызываемыми самообманом и нежеланием замечать, что вместе со временем всё меняется. Про общеизвестные недостатки религии вроде Инквизиции, Джихада, споров про число ангелов на конце иглы и так далее – промолчу, потому что про них и без меня всё понятно. В данном материале я хотел только описать ту тонкую грань, после которой вера превращается в религию.

Далее перейдём к творчеству и институционализированному творчеству, называемому культурой/субкультурами. Творчество существует лишь в тот момент, когда человек придумывает что-то новое, - собственно говоря, именно процесс нахождения/синтеза/разработки нового им и назовём. Разумеется, речь идёт не об одном лишь искусстве, но обо всём, включая бытовые проблемы. Как известно, слово «культура» тоже очень широкое и может быть распространено почти на что угодно: например, есть культура питья спиртных напитков. С этим, думаю, понятно. На порядок важнее, что текущий пример даёт воочию убедиться, что институционализация одного и того же явления может проходить по-разному. Например, попытки выразить в музыке меланхолию, грусть и завораживающую красоту вылились как в течение академической музыки, именуемое романтизмом, так и в современную субкультуру готов. Ну и, наверное, я должен привести хотя бы одну иллюстрацию того, как культура обедняет смыслы, заключавшиеся в творчестве. Возьму её опять из музыки. Но, для начала, нужна оговорка: на мой взгляд, если человек слушает не им сочинённую и не им записанную музыку, но посредством неё обнаруживает что-то новое в своём сознании, то это творчество, однако творчеством не будет сочинение мелодий «на автомате». Итак, группа Venom начала записывать альбомы с необычным по тогдашним меркам гитарным звучанием. Затем Quorthon стал петь, используя не голосовые связки, а ложные связки. Из их экспериментов впоследствии сложился стиль, получивший название блэк-метал, а развитый такими группами как Mayhem, Emperor, Burzum, Immortal и другими. Первое время это было нигилистично и нестандартно, но ныне стало обычной субкультурой блэкарей, про которую в Интернете ходят анекдоты вида: «И чё? Я тоже тру!». Любой обеспеченный юноша может отрастить патлы, купить косуху, намазать рожу белым и далее либо что-то невнятное разводить на дисторшнированной гитаре, либо долбить по барабанам что есть мочи – разве что скримингу научиться сложнее. Те горе-группы,

единственной целью которых является скопировать фирменный звук своих кумиров, к творчеству не имеют никакого отношения, имея зато самое прямое отношение к субкультуре. Отсюда, однако, не следует, что в рамках стиля с устоявшимися канонами принципиально не может быть места творчеству. Из данной истории надо было вычленить, в первую очередь, что культуры/субкультуры порождают границы, шаблоны и стереотипы, подменяющие неопределённость и динамику.

А теперь обещанный небанальный пример. Есть ощущение времени, то есть понимание человеком того, что что-то есть, что-то уже было, а что-то еще только будет. Институционализированное же ощущение времени – это попытки идентифицировать настоящее с чч:мм:сс такого-то числа такого-то года и в аналогичном формате понимать составляющие прошлого и будущего. Возникло такое деление времени на тождественно равные друг другу отрезки небольшой продолжительности вследствие нужд капиталистической техносистемы, так как даже в Средние века большинство людей довольствовалось тем, что, в лучшем случае, часы были на какой-нибудь башне, причём секундных стрелок там не было. Еще, правда, по распорядку звонили церковные колокола, но, как и в случае с капитализмом, делалось это не для чего-нибудь, а чтобы управлять скоплениями людей: неважно, для сбора ли на работу или для сбора на проповедь. В чём недостаток институционализированного ощущения времени? В том, что оно создаёт ограничивающий человеческую свободу режим дня, а то и вовсе - режим жизни, под которым я понимаю связанное с размышлениями вида: «Годика два поработаю там, а потом пойду на пенсию, а за те два года, как раз, накоплю на новую машину». Режим жизни заставляет бояться перемен, а еще убивает чувство неизвестности и низводит все надежды до конечного набора тривиальных ожиданий. Если от институционализированного ощущения времени перейти к пониманию времени в виде таких субъективных и принципиально расплывчатых понятий как времена суток и времена года, то это и поспособствует дезинтеграции из капиталистической Системы, и позволит полнее ощущать внешний мир, и повредит многие из инструментов угнетения.

После всего, изложенного выше, можно легко решить спорный вопрос об анархистских организациях. Ненадолго забудем о прежних определениях и посмотрим на такое: «Организация – это институционализированный коллектив». Если больше нравится видеть в слове «организация» синоним слова «коллектив», то, конечно, можно продолжать считать, что они нужны и полезны. Главное – уметь различать черты институционализации и, осознавая их появление, делать что-нибудь, чтобы предотвратить это. Здесь, конечно, можно возразить, что даже из нового определения еще не вытекает вредоносность организаций, так как я опрометчиво экстраполирую и пользуюсь тем глупым силлогизмом, который опровергается фразой: «нацисты тоже считают, что $2*2=4$ ». В общем, могут спросить, а точно ли институционализация всегда плоха и из-за чего же тогда она успешно прошла во многих ключевых структурах? То, какова роль институционализации, я за вас решить не могу, но зато не знаю ни одного примера, где бы она способствовала свободе. А её распространение на всё новые и новые сферы объясняется тем, что мир развивается отнюдь не в соответствии с линейным прогрессом от худшего к лучшему. Бывают «удачные» схемы и «неудачные», существующее по «неудачным» схемам гибнет, а долгое функционирование «удачных» рано или поздно приводит к кризису (кризисом это будет необязательно именно для того, что существовало по ним). Кризис иногда приводит к гибели, но чаще к реструктуризации. Для реструктуризации нужны изменения в структуре – таково её определение, а при изменениях действует «закон тяготения», сталкивающий к институционализированным версиям. Думаю, в нулевом или даже минус-первом приближении это сойдёт за объяснение того, «а почему всё так». И да здравствует битва за недостижимое.

Сибирь, конечно, была война Ермака с Кучумом (это, между прочим, война правителей за власть, а не война народов), но резерваций для коренных жителей русские не создавали, потому что образ жизни якутов/хантов/и т.д. не противоречил их интересам. В Америке же свобода индейских племён оказалась не совместимой с интересами разраставшегося капитализма, и именно это оказалось причиной, по которой начался геноцид индейцев. Если проводить аналогию с Россией, то гораздо ближе будут упомянутые сталинские реформы, когда принудительно были разрушены крестьянские общины во имя коллективизации, обеспечившей прочность госкапитализма и «советской» власти.

Немного выводов напоследок. Не свободолюбивая и гордая культура делает народы сильными, а их жизнь наполняет глубоким содержанием, но вольный и волевой образ жизни многих людей позволяет этим людям создавать общие культуры или субкультуры, заключающие в себе много хорошего. В свою очередь, то, какой образ жизни изберёт для себя человек, не зависит от его наследственности (разве что, если по наследству достался диабет, то придётся терпеть ряд ограничений, но это к этносам отношения не имеет), а зависит от его личности и от тех условий, в которых он существует. Уважать/презирать человека стоит не из-за его цвета кожи или разреза глаз, а за то, каков этот человек. Толковых людей всегда меньше, чем хотелось бы, а поэтому «отбраковывать» их на основании «неправильной» этнической принадлежности – это беспросветная глупость. Не меньшая глупость, чем наделять ленивый офисный планктон, не отрывающий глаз от коммуникаторов, чертами крутых парней только из-за того, что они якобы принадлежат к великому этносу или, еще хуже, к великой нации.

«Там русский дух, там Русью пахнет...»

В этом коротком эссе сообщу несколько мыслей по поводу этнических культур. Подробно критиковать национализм не буду – в какой-то мере это сделано в заметке «Национализм под рентгеном» – в частности, там разобрана демагогия вида «мигранты занимают наши рабочие места, трахают наших белых тёлок и продают наши наркотики».

Проблему, которой вскоре займёмся, сложнее сформулировать, чем рассмотреть. В качестве «разогрева» напомним, что Бакунин считал, что немецкая культура насквозь прогосударственная и немцы умеют организовывать работу сложных бюрократических аппаратов, в то время как славяне не способны создавать сильные государства, придерживаясь вместо этого общин и других децентрализованных объединений. Данная мысль лейтмотивом проходит через всю книгу «Государственность и анархия». Безусловно, это не самая лучшая работа по теории анархизма по той хотя бы причине, что местами там и до банального антисемитизма дело доходит. Да и далеко не все прогнозы сбылись. Но, так или иначе, в 19-м веке разница между политической культурой Германии и политической культурой России, действительно, была. Это одна сторона вопроса. А другая сторона вопроса – это то, что в эпоху вызываемой капитализмом унификации исчезают не только различия между этносами (при жизни Бакунина французы были обособлены от немцев, так как Франция и Германия нехило воевали между собой, а сейчас ничто не препятствует взаимопроникновению их культур друг в друга), но и люди становятся мельче, разобщённые и покорнее. Так нет ли, ненароком, взаимосвязи между этническими укладами и полнотой человеческой жизни? Ответ может показаться удивительным, но такое загадочное явление как «русский дух», понимаемое каждым, как ему вздумается, никак не привязано ни к генофонду, ни к культурным устоям русской национальности. И то же самое относится ко всякому другому «духу» какого-нибудь свободолюбивого народа. Доказательство будет далее, а пока смотрите, что получается. То националисты именуют себя анархистами, то патриоты лезут в антифашисты, то еще кто-то паразитирует на наших идеях. А теперь мы вынем из национализма его главную составляющую, объясним её в сугубо не привязанных к этносам и нациям терминах и, тем самым, оставим ультраправым только замеры разреза глаз и прочую «прикладную расологию», с которой они не далеко уйдут. Вместо того чтобы отрицать различия народных мировоззрений, по-совковому ссылаясь на то, что «все люди равны, а значит одинаковы», лучше объективно разобраться в том, из-за чего эти различия берутся. Естественно, понимая при этом, что человек какого-то этноса вовсе не обязан иметь те же взгляды, что и большинство людей того же этноса, а может иметь свои собственные представления или представления, заимствованные из других культур. Мир сложен и разнообразен, а когда ниже будет писаться «русские», «немцы» или «индейцы», то понимать это надо как усреднённые образы обитателей определённых точек пространства-времени.

И в качестве ответа, и в качестве нового вопроса уместно вставить иллюстрацию в виде пространной цитаты из главы «Савелий, богатырь святорусский» из поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо».

«"Во времена досюльные
Мы были тоже барские,
Да только ни помещиков,
Ни немцев-управителей
Не знали мы тогда.
Не правили мы барщины,
Оброков не платили мы,
А так, когда рассудится,
В три года раз пошлем".

Север Русской равнины и Сибирь – не единственные регионы, где географическая ситуация не позволила государству быстро насадить свои ценности. Есть и другие места, где централизация столкнулась с рядом серьёзных препятствий, замедливших и её становление, и превращение жителей в безвольные шестерёнки Системы. Исследуем те из них, которые позволят в чём-то дополнить только что проведённые рассуждения. Сначала не будем удаляться далеко и обратимся к казакам, населявшим степи Украины и юга России. Первоначально казачество складывалось из тех, кто после отмены Юрьева дня и введения крепостного права убегал от помещиков. Беглых крестьян в степях не искали – «с Дона выдачи нет», как говорится. Анархии, конечно, не было, но прямая демократия была. Свобода личности весьма уважалась. Жили весело: пили медовуху, переплывали Днепр против течения, а когда загорались желанием битвы, то совершали нечто среднее между военными походами и налётами. Воевали же казаки не только с турками и поляками, но и с русскими, так как завоевание ими и подчинение московскому царю повлекло бы за собой возвращение к работе на помещиков. Централизованные войска ничего не могли поделать с бандами удалых парней и поэтому, чтобы обеспечить выход Руси/России к Чёрному и Азовскому морям, правители пошли на хитрость. Слабым местом казаков было отсутствие достаточного количества пороха, пуль, а то и огнестрельного оружия. Появились «реестровые казаки», то есть те, кто обязывался охранять границы от турок и прочих, получая взамен обмундирование и другие необходимые вещи. Дальше же вольные казаки стали заниматься тем, что сейчас называют реформизмом. Они требовали увеличения реестров, а также поставок большего количества бонусов. Кончилось всё это тем, что казачество окончательно попало в зависимость от государства и из прежней помехи стало надёжным оплотом царизма. К концу 19-го века их вовсе использовали вместо ОМОНа – неугодные демонстрации зачастую разгонялись именно конными казаками с нагайками. Пример деградации данной «псевдонациональности» показывает, что при относительном сохранении культурных традиций (изменились они не сильнее, чем за то же время изменилась культура России как таковая) и при полном сохранении «этого вашего» генофонда, изменения в социальной сфере вызвали необратимые последствия.

Еще один любопытный пример описан в книжке под названием «Анархия в эпоху динозавров». Это – племя семинолов, проживавшее в Северной Америке на болотистом полуострове Флорида. Примечательно, что они не были моноэтническими. Они состояли и из индейцев крикского происхождения, проживавших там всегда, и из беглых негров-рабов, которых завезли из-за колониальной политики европейских государств, и из некоторых мексиканских крестьян, а, как известно, в Мексике произошло смешение коренного населения с испанцами. Короче, семинолы являли собой убедительный пример подлинного интернационализма, прямо противоположного советскому «интернационализму», основанному на «дружбе народов», понимаемой как межнациональное разделение труда, поддерживаемое, на всякий случай, «закладкой мин» наподобие Ферганской долины или массовых переселений по этническому признаку. Так вот, семинолы яростно противостояли агрессивной экспансии американского капитализма, и официально они до сих пор так и не подписали мирного договора с США (что, однако, не помешало им к сегодняшнему дню утратить прежний боевой дух). А среди причин того, почему малочисленное племя оказалось достаточно сильным, как всегда, выделяются не привязанные к культуре и происхождению: болота Флориды, обеспечивавшие изоляцию, и нежелание входить туда, где посадят в резервации или вернут назад на латифундии в качестве рабов. Кстати, среди расистов популярна демагогия на тему того, что красная раса не смогла противостоять натиску белой и теперь живёт в резервациях, а скоро то же самое случится с белыми, если они не начнут противостоять чёрной расе. Не составляет особого труда понять, что индейцев убивали не за другой цвет кожи и даже не из-за земель как таковых. Когда Россия колонизировала

"Да как же так, Савельюшка?"

"А были благодатные
Такие времена.
Недаром есть пословица,
Что нашей-то сторонушки
Три года черт искал.
Кругом леса дремучие,
Кругом болота топкие,
Ни конному проехать к нам,
Ни пешему пройти!
Помещик наш Шалашников
Через тропы звериные
С своим полком – военный был –
К нам доступиться пробовал,
Да лыжи повернул!
К нам земская полиция
Не попадала по году, –
Вот были времена!
А ныне – барин под боком,
Дорога скатерть-скатертью...
Тьфу! прах ее возьми!..
Нас только и тревожили
Медведи... да с медведями
Справлялись мы легко.
С ножищем да с рогатиной
Я сам страшной сохатого,
По заповедным тропочкам
Иду: "Мой лес!" – кричу.
Раз только испугался я,
Как наступил на сонную
Медведицу в лесу.
И то бежать не бросился,
А так всадил рогатину,
Что словно как на вертеле
Цыпленок – завертелася
И часу не жила!
Спина в то время хрустнула,
Побаливала изредка,
Покуда молод был,
А к старости согнулася.
Не правда ли, Матренушка,
На очеп я похож?"»

А далее Савелий рассказывает, как крестьяне в годы его молодости взбунтовались против присланного новым помещиком управляющего, которого они потом казнили посредством закапывания в землю живьём. Конечно, литературная поэма – это не самый адекватный исторический источник, но давайте обратим внимание на то, истинность чего легко проверить. Прежде всего, бросается в глаза, что тогдашние крестьяне обладали гораздо большей независимостью от государства, чем современные офисные служащие и промышленные рабочие. Это, я думаю, ни для кого не секрет. Сталинская индустриализация потому и была насильственной и поддерживаемой репрессиями, что для её осуществления требовалось разрушить великое множество горизонтальных связей, породив вместо них зависимость от вертикали власти и распоряжений партии. Еще люди были ближе к природе – это тоже и без особых умствований очевидно. Короче, может показаться, что в прошлом свободные люди жили, находясь недалеко от полной гармонии с окружающим миром (на самом деле, это не так – в царской России существовали такие вредоносные институты как ортодоксальная религия и суровый патриархат, а их

уродующее человека влияние будет отражено по мере дальнейшего развития поэмы Некрасова).

Что нравится вам в образе Савелия? Лично мне нравятся сила (в том числе психологическая), независимость, удаль и самоирония. Именно эти черты мейнстримовые стереотипы приписывают русским. Но откуда они взялись? «Вы всё еще думаете, что свойства личности определяются тем, чья кровь течёт в жилах? Тогда учебники по биологии идут к вам!». Дело не в генофонде, потому что среди тех, кто сегодня живёт по убогой схеме дом=>работа=>магазин=>дом, немало прямых потомков вольных крестьян. Дело в социальных отношениях и в географическо-биологических реалиях. Основополагающие факторы таковы: 1) в лесу бессмысленно объяснять медведям и волкам про законы (оффтоп: и уж тем более про право на жизнь, закреплённое в конституции, гарантом которой является президент государства). Поэтому в 19-м веке крестьяне предпочитали надеяться на себя/своё оружие, а это делало их более полноценными и менее искалеченными из-за государственной опеки. 2) Россия кишит труднодоступными местами и сейчас, а уж два века назад таких мест было пруд пруди. Степень технической развитости не позволяла осуществить централизацию, а многие районы, такие как упомянутые в поэме заболоченные леса, существовали почти автономно от других регионов. Вспоминая мнение Бакунина, замечу, что Германия долго была разбита на много маленьких княжеств, в каждом из которых от границы до границы всё было застолблено местными властями, что исключало возможность существования автономных зон. А затем княжества объединились, создав иерархическую пирамиду госаппарата, от которого негде было спрятаться. Таким образом, замеченная Бакуниным разница объяснена социальной ситуацией и географическими условиями. 3) В царской России помещики и чиновники лишь сшибали с крестьян деньги за пользование «их» землёй. Медицину они не развивали, детей учили лишь в церковно-приходских школах (были они отнюдь не везде, да и сами понимаете, пригодится ли такая учёба крестьянам), а дороги если и строили, то реакция на это описана в цитате из поэмы. Короче, миф о «социальном государстве» никто даже не думал поддерживать. Люди знали, что от государства можно ждать только плохого (налоги, подати, рекрутские повинности). Свои проблемы решали самостоятельно, а поскольку не всё можно решить в одиночку, то сложились крестьянские общины (пусть и далеко не идеальные).

Три перечисленных фактора – главные причины повсеместного распространения черт, которые легли в основу положительных качеств «русского характера». Как мы увидели, первое слово здесь имеет лишь то крохотное влияние, что русские жили в регионе гигантских сложнообустроенных территорий. Любой, кто долго прожил бы в аналогичных условиях, приобрёл бы все те же самые особенности. Обыватель у себя в офисе может обманываться верой в законы, но после пары лет, проведённых в лесу, он не сможет не понять, что самозащита и прямое действие эффективнее правовых санкций, которые, оказывается, эфемерны. А гордиться тем, что русским повезло жить в России, нелепо. Современная Россия с самолётами, поездами, шоссе и грунтовками стала гораздо компактнее и целостнее, особенно если учесть, что общественная жизнь сконцентрирована преимущественно в городах. Из дремучих лесов народ перебрался в панельные дома, где степень защищённости от государства гораздо меньше, чем даже у жителей маленьких немецких княжеств 18-го века. «Возродить былую Русь» - мечты идиотов. Изгнания «понаехавших» или попытки привить работникам сферы услуг культуру давно минувших дней ни к чему не приведут и закончатся неудачей. Но можно изменить социальные отношения так, чтобы благодаря им в обществе снова стали распространены свобода, самодостаточность, удаль и взаимопомощь.